

ВОКРУГ
СВЕТА

6 1992

ИСКАТЕЛЪ

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

6 1992 (192)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Рекс СТАУТ

СМЕРТЬ ДЬЮДА
Роман

2

Шервуд СПРИНГЕР

ТОЛЬКО ВАС, ФЭНЗИ!
Рассказ

125

© «Вокруг света» («Искатель»)

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу.

Рекс СТАУТ

СМЕРТЬ ДЬЮДА

РОМАН

Я начал письмо с инициалов «НВ» и подписался своими — «АГ» просто по привычке, а вовсе не потому, что хотел как-то выделиться. За много лет совместной работы почти все мои сообщения Ниро Вулфу писались на листках из блокнота. Фриц относил их к нему в комнату на подносе с завтраком, или я клал ему на письменный стол, когда возвращался с какого-нибудь очередного вечернего задания, а Вулф уже лежал наверху в постели. Все они начинались с «НВ» и заканчивались «АГ», как и это послание, хоть оно и было написано не от руки. Я отпечатал его на «ундервуде», стоявшем в углу большой комнаты в хижине Лили Роуэн. Сама хижина притаилась в укромном уголке на ранчо. В то субботнее утро я вложил письмо в авиаконверт и опустил его в почтовый ящик в отделении связи Тимбербурга, столицы округа. Отпечатал я письмо на фирменном бланке, правда, не на столь великолепном, как тот, на котором указан адрес нью-йоркского дома Лили.

«РАНЧО Дж. Р., ЛЕЙМ-ХОРС, МОНТАНА
Пятница 2 августа 1968 г., 20.13.

НВ!

Тут заварилась такая каша, что я вынужден остаться еще на какое-то время. В понедельник по телефону я не стал вдаваться в подробности, поскольку на коммутаторе у шерифа или прокурора округа (в Нью-Йорке он называется окружным прокурором) мог оказаться свой человек, к тому же я опасаюсь, что телефон мисс Роуэн прослушивается.

Коль уж вы ничего и никого не забываете, то наверняка помните Харви Грива, который как-то в вашем кабинете сделал признание о закупке большой партии скота — лошадей, коров, быков и телят — для Роджера Даннинга, это и помогло в итоге осудить Даннинга¹. Полагаю, я упоминал, что последние четыре года Харви служил управляющим ранчо мисс Роуэн — наверное, служит им и сейчас, во всяком случае, служил шесть дней назад, в прошлую субботу, когда ему предъявили обвинение в убийстве и посадили в тюрьму округа. Один дьюд², некто Филип Броделл, отправился в горы за черникой, там его и убили двумя выстрелами — сначала выстрелом в спину, а точнее — в плечо, а потом в грудь. Я упоминал, что черника здесь особенная, и на сей раз постараюсь захватить вам немного.

Мы с мисс Роуэн пришли к выводу, что Харви тут абсолютно ни при чем, поэтому я остаюсь. Если бы я был уве-

¹ См. повесть Р. Стаута «Рodeo в Нью-Йорке». (Здесь и далее прим. пер.)

² Дьюд (англ. dude) — так в свое время на западе США презрительно именовали жителей восточных штатов. Позже от него образовалось устойчивое словосочетание — dude ranch — ранчо в стиле Дикого Запада, то есть загородный дом для отдыха горожан; ферма-пансионат (с обучением верховой езде и т. п.).

ры, что это его рук дело, я бы давно уже вернулся и смахнул пыль с вашего стола. Мисс Роуэн наняла знаменитого адвоката из Хелины¹. Однако я подозреваю, что он придерживается иной точки зрения, чем мы. Голова его, безусловно, занята этим делом, но не думаю, чтобы он вкладывал в него душу. Зато я уверен в Харви и ставлю пятьдесят долларов против одного, что он чист, как стеклышко. Такие вот дела, шеф. Даже если бы у меня не было обязательств перед мисс Роуэн, чьим гостем и другом являюсь, все равно бы я не бросил в трудную минуту Харви Грива.

Разумеется, с тридцать первого июля, то есть с позавчерашнего дня, я беру отпуск без сохранения содержания, но все же надеюсь вскоре вернуться, хотя в данный момент у меня нет абсолютно никаких идей относительно того, кем можно заменить Харви в месте его теперешнего пребывания — а, похоже, тут нужен человек с хорошими верительными грамотами. Телевизор здесь частенько барахлит, поэтому я хочу успеть вернуться к началу «Уорлд сиэриес»². Если желаете, чтобы за моим столом пока сидел Сол или Орри, то знайте: мои личные вещи у меня в комнате и мои тайны никто не узнает. Передайте привет Фрицу, скажите, что по утрам я первым делом думаю о нем — вернее, о завтраках в его кухне, которые вынужден пропускать. В здешних краях оладьи называют либо «муколадьями» — либо «кишечными пластырями».

АГ».

Когда Ниро Вулф получит это письмо — а это, вероятно, произойдет в понедельник, — он откинется на спинку кресла и добрых десять минут будет с ненавистью взирать на мой пустой стул.

Перед тем как выйти из отделения связи, я просмотрел список намеченных к покупке вещей. Население Тимбербурга составляет всего семь тысяч четыреста шестьдесят три человека, хотя город считается самым крупным торговым центром между Хелиной и Грейт-Фолсом и занимает большую территорию — от реки Фиштейл на западе, где холмы постепенно переходят в горы, до хребта на востоке. Итак, примерно через час, сделав четыре остановки на главной магистрали и две на боковых улочках, я купил все, что было в моем списке: большую банку табаку «Сикс микс» для Мела Фокса (теперь, когда Харви в тюрьме, Мел слишком занят на ранчо, чтобы заниматься еще и покупками); хлопушки Питу Инглсу (прежде чем вставить ногу в стремя, ему непременно надо убедиться, что мухобойка свисает с луки его седла); ленту для «ундervуда» (о машинке я уже упо-

¹ Хелина — столица штата Монтана.

² «Уорлд сиэриес» — осенний чемпионат по бейсболу обладателей кубков двух крупнейших лиг — Американской и Национальной — за звание чемпиона страны.

минал); тюбик зубной пасты для себя и ремень (мой лучший ремень сжевал дикобраз, пока я... Впрочем, это длинная история); увеличительное стекло и блокнот. В Нью-Йорке я никогда не отправляюсь на задание без этих двух предметов. Возможно, они мне и не понадобятся, но привычка есть привычка. Правда, это уже скорее образ жизни.

Потом я заехал в публичную библиотеку, чтобы просмотреть справочник «Кто есть кто в Америке». Статьи, посвященной Филипу Броделлу, там не оказалось, зато его отцу, Эдварду Эллису Броделлу, была отведена примерно треть колонки. Я знал, что он еще жив: неделю назад, когда он приехал закатить нам скандал, а также распорядиться, чтобы тело сына отправили домой, мы обменялись с ним несколькими словами. Он родился в 1907 году в Мент-Луисе и сейчас был владельцем и издателем городской «Стар бюллетин». Информации о том, кто собирается убить его сына, в «Кто есть кто» я не обнаружил.

У меня был довольно приличный вид, когда в четверть первого я вошел в «Континентал кафе». Оглядевшись, заметил за столиком в дальней части зала привлекательную особу в оливково-зеленого цвета рубашке и темно-зеленых широких брюках и направился к ней. Когда я подошел и отодвинул стул, она сказала:

— Либо ты сделал все уж очень быстро, либо что-то забыл!

— Отнюдь! — Я сел и поставил пакет с покупками на пол. — Да, я действительно обернулся быстро, но мне просто повезло. — Я наклонил голову к бокалу с мартини, стоявшему на столе. — «Карсонс»?

— Нет. Его у них не бывает. Зато есть хороший гороховый суп.

Новость показалась мне недурна, поскольку гороховый суп — единственное блюдо, которым повар «Континентала» имел право гордиться. Подошла официантка, и мы заказали две двойных порции супа, крекеры, одно молоко и один кофе, а пока ждали, я нащупал в пакете ремень и увеличительное стекло, желая продемонстрировать Лили, что, если речь заходит о покупках, Тимбербург ничуть не хуже Нью-Йорка.

Суп оправдал наши ожидания. Когда тарелки были почти пусты, а столбик крекеров стал вполосину ниже, я сказал:

— Мне не только удалось купить все, что было запланировано, но я еще и откопал кое-какие факты, пролистав в библиотеке «Кто есть кто». Отец Филипа Броделла состоял членом трех клубов, а его жена в девичестве носила фамилию Митчелл. Такая удача! Явный прогресс!

— Поздравляю. — Лили взяла крекер. — Поедем к Джессапу и все ему расскажем. Хозяин положения ты, я же в этом не разбираюсь...

Я проглотил последнюю ложку супа.

— Должен тебе кое-что сказать.

— Пожалуйста. Что именно?

— А вот что. Послушай, Лили! Я неплохой следователь. К тому же опытный. Но сегодня уже пошел шестой день, как Харви предъявили обвинение, а я все топчусь на месте. Никакого ключа к разгадке. Вероятно, я не такой умный, каким себя считаю, но ведь мне очень мешают. Я не здешний, я — дьюд. Когда речь идет о рыбалке, игре в пинокль или даже о танцах в холле, это одно, но когда речь заходит об убийстве, совсем другое дело — мне не доверяют. Черт, я много раз бывал здесь, давно знаю Мела Фокса, но даже он стал со мной юлить. Со мной все юлят. Я — дьюд. В Хелипе наверняка есть частные сыщики, и, может, среди них даже найдется хороший. Досон наверняка знает кого-нибудь из местных парней.

Лили поставила чашку с кофе.

— Ты предлагаешь, чтобы я наняла тебе в помощники кого-нибудь из местных?

— Не в помощники. Если он настоящий профессионал, то будет не помогать мне, а работать самостоятельно.

— О... — Голубые глаза Лили широко раскрылись, она внимательно посмотрела на меня. — Выпендриваешься.

— Нет. В письме, которое я только что отправил мистеру Вулфу, я сообщил, что рассчитываю вернуться к началу «Уорлд сиэриес». Я остался и пытаюсь предпринять конкретные меры, но, черт побери, мне чинят всяческие препятствия. Поэтому я всего лишь предлагаю, чтобы ты поговорила с Досоном.

— Эскамильо. — Взгляд Лили смягчился, она уже улыбалась. — Нет, право, разве ты не вторая величина в мире сыщиков... после Ниро Вулфа?

— В Нью-Йорке — да, но здесь тебе не Нью-Йорк. А ты не заметила, что даже Досон, хоть ты и уплатила ему задаток в десять тысяч долларов, как-то странно ко мне относится?!

Она кивнула.

— Это одна из более мягких форм ксенофобии. Ты — дьюд, а я — дьюдина.

— Ты — владелица ранчо, поэтому они относятся к тебе несколько иначе.

— Ну... — Лили взяла чашку с кофе и заглянула в нее. Решив, что кофе холодный, поставила чашку на стол. — Очень плохо, что Харви нельзя освободить под залог, так что Мелу придется покрутиться. Сколько у нас времени?

— По словам Джессапа, пройдет, очевидно, два или три месяца, прежде чем Харви предстанет перед судом и его признают виновным.

— И два месяца до начала «Уорлд сиэриес». Ты ведь знаешь, Арчи, мое мнение о тебе ничуть не изменится, даже, если ты передашь это дело другому. Как сыщик ты гораздо

лучше любого из местных. К тому же ты хорошо знаешь, что Харви не способен выстрелить человеку в спину. Местный же, порыскав по округе недельки две, возможно, подумает, что это дело рук Харви. И Досон в этом больше всех уверен. Согласись, что я права!

— Ты всегда права.

— В таком случае, могу я выпить горячего кофе?

Мой стакан из-под молока был уже пуст, поэтому я тоже заказал себе кофе. Потом расплатился, и мы встали. Примерно двадцать пар глаз следили за тем, как мы пробирались меж столов и стульев, а еще примерно двадцать делали вид, будто не смотрят на нас. Убийство Филипа Броделла взбудоражило округ Монро. Отношение его жителей к приезжим нисколько не способствовало единению и братству людей, но дело в том, что дядюды привозили в Монтану много денег, а поэтому нельзя было оставаться равнодушным к тому, что им стреляют в спину, пока они собирают чернику. Вот почему взгляды, устремленные на нас с Лили, были не особенно дружелюбными: ведь курок спустил управляющий ее ранчо. Так, во всяком случае, они считали.

Прежде чем усесться за руль автофургона Лили, на автостоянке позади кафе, я засунул свой пакет с покупками в багажник, и он уютно устроился среди всевозможных ее приобретений. Лили сидела прямо, не касаясь спинки сиденья, которую нагрели косые лучи августовского солнца.

До автозаправочной станции «Престо» было всего два квартала, и я решил заехать туда. У нас оставалось еще полбака бензина, но мне хотелось, чтобы Лили взглянула на человека по имени Гилберт Хейт — тот вполне мог там оказаться. И точно — долговязый парень с руками и ногами как на шарнирах и длинной шеей, делавшей его еще выше ростом, был там. Гилберт протирал ветровое стекло чьей-то машины, и Лили пришлось изрядно изогнуться, чтобы лучше его разглядеть. Когда парень завершил свою работу и машина отъехала, он постоял, наверно, с полминуты, глядя на нас, а затем подошел и произнес:

— Доброе утро.

На самом деле он сказал не «доброе утро», а «доброе вутро». Но я не собираюсь особенно надоедать вам местным произношением — во всяком случае, постараюсь делать это не так часто. Лишь хочу подробно изложить, как все происходило, однако местная речь слишком бы все усложнила и замедлила повествование.

Из вежливости я согласился, что «вутро» и впрямь доброе, хотя шел уже второй час. Гилберт между тем сказал:

— Отец не велел мне разговаривать с вами.

Его отцом был Морли Хейт, шериф округа. Он и мне запретил с кем-либо говорить, да только я не могу бросить старую привычку, ведь именно языком я зарабатываю себе на жизнь.

— Вы тоже полицейский? — спросил Гилберт.

— Вовсе нет, — ответил я. — Полицейский — это твой отец, а я — частный сыщик. Если бы я задал тебе вопрос, как ты провел четверг на прошлой неделе, ты мог бы ответить, что это не мое дело. А вот когда об этом меня спросит твой отец, мне придется обязательно ему ответить.

Гилберт окинул взглядом Лили и снова посмотрел на меня.

— Вы столько тут обо мне расспрашивали... Но я мог избавить вас от излишних хлопот.

— Я бы это оценил.

— Не убивал я того дьюда!

— Прекрасно. Именно это мне и хотелось узнать.

— Вы отдаете себе отчет в том, что наносите мне оскорбление? — На напарника, который уже наполнил наш бак и стоял чуть позади, Гилберт не обращал никакого внимания. — Пуля от первого выстрела ранила его в плечо, и он обернулся, вторая — попала в горло и перебила шейный позвонок. Нет, вы подумайте, это же оскорбление! Я сроду не тратил больше одного патрона на оленя. С тридцати ярдов могу отстрелить змее голову. Спросите любого. Отец не велел мне разговаривать с вами, но я хочу, чтобы вы это знали.

Он повернулся и подошел к машине, которая остановилась рядом с нашей. Его напарник шагнул вперед и сказал:

— Два шестьдесят три.

Я полез за бумажником.

Когда мы отъехали в северо-восточном направлении, я спросил Лили:

— И что?..

— Я — пас, — ответила она. — Мне просто хотелось взглянуть на него. Ты сам как-то сказал, что при поверхностном знакомстве нельзя сделать вывод, убийца этот человек или нет. Не хочу выглядеть глупо. А что он считает оскорблением?

— Ага, и ты обратила внимание?.. — На развилке я взял вправо. — Стрелять он умеет, об этом не сказали по крайней мере трое. Дураку известно, что если хотят прикончить человека — не просто ранить, а убить, — в плечо не стреляют. И в шею тоже. Впрочем... Возможно, этот парень просто хитер? Он знает о том, что слышет прекрасным стрелком, а потому специально подстроил все так, будто стрелял новичок. У него было время все это обдумать...

Лили поразила над моими словами какое-то время, потом спросила:

— А ты думаешь, Гилберт знал, что Броделл... ну, что он отец ее ребенка?

— Черт, да об этом знают все не только в Лейм-Хорс, но и во всей округе, как и то, что Гил Хейт положил на нее глаз. В прошлый вторник, нет, в среду, он заявил одному

человеку, что, несмотря ни на что, по-прежнему хочет жениться на ней.

— Это и есть любовь. Впереди — крутой поворот направо.

Я вовремя ответил, что знаю об этом.

Все двадцать четыре мили от Тимбербурга до Лейм-Хорс мы ехали по автостраде, кроме двух коротких отрезков: одного, где дорога внезапно ныряла в глубокий овраг и так же внезапно выныривала из него, и другого, где после каждой очередной зимы асфальт так корежило выпиравшими из-под земли камнями, что люди перестали приводить дорогу в порядок.

В Лейм-Хорсе проживают примерно около шестидесяти человек. Асфальт заканчивался прямо перед универмагом Вотера, но дорога уходила влево и шла дальше. Поскольку мы побывали в Тимбербурге, у Вотера нам делать было нечего, и мы там не остановились. От универмага до хижины Лили оставалось около трех миль, причем дорога шла все время в гору. Чтобы доехать до построек на ранчо, нужно было пересечь еще и мост через Берри-крик¹. Почти сразу же за мостом ручей делал резкий поворот, образуя петлю, а хижина стояла как раз в этой петле, всего в нескольких ярдах от границы ранчо. Добраться до построек на ранчо от хижины можно было либо по мосту, либо, что было гораздо короче, вброд через ручей. В августе ручей обычно мелел, и в одном месте — прямо напротив хижины — через него можно было перебраться, перескакивая с камня на камень.

Мое любимое местечко на земле находится всего в семи минутах ходьбы от дома Ниро Вулфа на 35-й Западной улице. Это — Геральд-сквер. Там очень многолюдно. Однако тем, кто устал от людей и от шума, лучшим местом в мире показался бы островок, на котором расположилась хижина Лили Роуэн. Правда, здесь тоже шумновато: ручей воюет с камнями, которые не желают подвинуться и уступить ему дорогу. Однако через день-два вы настолько привыкаете, что слышите этот шум, только если пожелаете. Рядом высятся большие ели, чуть дальше — сосны, а ниже по ручью находится Бобровый луг. Вверх по ручью, где он снова поворачивает на север, стоит каменный утес, но его вершины со стороны хижины не видно. Если же вам захочется размяться и, скажем, побросать камешками в мешетчатых крыс, — по аллее до дороги всего три минуты ходьбы.

Сама хижина, разумеется, одноэтажная и сложена из бревен. Пройдя крытую веранду, вы попадаете в гостиную размером тридцать четыре на пятьдесят два фута, с десятифутовым камином в задней ее части. Две двери справа ведут одна в комнату Лили и другая — в комнату для гостей. Войдя в левую дверь, вы оказываетесь в длинном коридоре,

¹ Крик — ручей (англ.).

из которого можно попасть в просторную кухню, в комнату Мими, в большую кладовую и еще в три комнаты для гостей. Хижина насчитывает шесть ванных с душем. Славненькое местечко.

Кроме кроватей, почти вся мебель в хижине плетеная. Во всех комнатах — индейские ковры. На стенах вместо картин висят индейские одеяла и коврики. В гостиной на фортепиано — фотография отца и матери Лили. Лили возит ее с собой из Нью-Йорка и обратно.

Часть покупок, которые Лили сделала утром в Тимбербурге, предназначалась для кухни и кладовки, поэтому, обогнув веранду, мы прошли к двери в коридор. Темноглазая красавица, нежившаяся на солнышке у края веранды, не изъясилась никаким желанием нам помочь. Шорты, а также бретельки, завязанные на шее, не закрывали и трех квадратных футов ее тела. Девушка великолепно загорела и лежала, вытянув обнаженные ноги. Когда мы вылезли из машины, она грациозно поприветствовала нас ручкой.

Лили забрала покупки, а я поставил машину между соснами и достал из нее свой бумажный пакет. Лили задержалась у стула красотки и отдала ей один из пакетов.

Красотку звали Диана Кэдэни. Гостем в хижине Лили мог оказаться кто угодно — от работника социального обеспечения до знаменитого композитора, сочинявшего такую музыку, без которой я вполне могу обходиться. В тот год гостей вместе со мной оказалось трое, что, по-моему, было вполне достаточно. Как-то мы ловили у второй заводи форель на ужин и заговорили о Диане Кэдэни. Я высказал предположение, что ей двадцать два, а Лили сказала, что ей все двадцать пять. Прошлой зимой красotka добилась успеха в спектакле по пьесе «Только не я». Спектакль неплохо бы смотрелся с музыкой знаменитого композитора, о котором я уже упоминал. В Монтану Диану пригласили только потому, что Лили, оказавшую помощь в постановке спектакля, снесло любопытство, что из себя представляла сия особа. Разумеется, рискованно жить целый месяц бок о бок с незнакомым человеком, но в данном случае все оказалось не так уж и плохо. Красotka строила из себя соблазнительницу и пыталась опробовать свои чары на первом попавшемся мужчине. Самыми податливыми, разумеется, оказались мы с Уэйдом Уорти.

Когда я пересекал гостиную, направляясь к своей комнате, дальней справа, Уэйд сидел в углу за столом и стучал на «ундервуде». Он был третьим гостем, но гостем особым — он работал. В течение двух лет Лили собирала материалы о своем отце, а когда их набралось примерно с полтонны, она с помощью своего друга, редактора «Партенон-пресс», принялась подыскивать кого-нибудь, кто мог бы написать книгу.

В мае Лили со своим приятелем заарканили Уэйда Уорти. Предложенный Лили щедрый аванс, половину которого она

не собиралась учитывать при выплате гонорара (что очень не одобрял этот ее друг-редактор), сыграл свою роль. И вот теперь Уэйд Уорти сидел за пишущей машинкой и составлял план книги. Название предполагалось дать такое: «Полосатый, как тигр: жизнь и деятельность Джеймса Гилмора Роуэна». Лили надеялась, что они продадут столько же экземпляров, сколько было клейменых бычков на ранчо ее отца, Джеймса Роуэна.

Оказавшись у себя в комнате, я опорожнил пакет, вдел ремень в брюки, пасту отнес в ванную, а блокнот и увеличительное стекло засунул в карманы. Потом отдал Уэиду Уорти ленту для «ундервуда». Лили все еще болтала с Дианой Кэдэни. Я сказал ей, что возьму машину и съезжу либо в Лейм-Хорс, либо на ранчо Фарнхэма. Она попросила не опаздывать к ужину. Я сел в машину, выехал по аллее на дорогу, свернул налево. Через триста метров свернул еще раз налево, проехал по мосту через Берри-крик, выехал в открытые ворота, которые обычно были закрыты. Миновав два загона, амбары и ночлежку, которую Пит Инголдс называет спальней, я остановился на углу большого, покрытого гравием квадрата, посреди которого росло дерево. Говоря иначе, перед домом Харви Грива.

II

Я выбрался из машины и направился к дому. Она открыла дверь, и я в нее вошел.

Я никогда не встречал девятнадцатилетней девушки, в присутствии которой создавалось ощущение, будто ей известно то, чего не знаю я. Однако именно такое чувство вызывали у меня три девушки приблизительно этого возраста — и крошка Алма Грив была одной из них. Не спрашивайте, в чем тут дело: в глубоко посаженных карих глазах, которые очень редко смотрели прямо на вас, в губах, готовых вот-вот расплыться в улыбке, и которая так и не появилась, или в чем-то еще. Я и сегодня не смогу вам ответить. Когда два года назад упомянул об этом Лили, она сказала: «Ах, оставь, пожалуйста! Тут дело не в ней, а в тебе. Любая симпатичная девушка для мужчины либо умница, у которой он мог бы кое-чему научиться, либо дураха — ту он сам может кое-чему научить. И в том и в другом случае он ошибается. Разумеется, ты вряд ли считаешь ее умницей — по твоему мнению, в природе умных женщин просто не существует». В ответ я схватил малярную кисть и запустил ею в Лили.

Я спросил Алму, есть ли кто дома. Она ответила, что ее мать легла вздремнуть, а малыш спит, и поинтересовалась, не мать ли просила меня купить им мухобоек? Я сказал, что просил Пит.

— Может, присядем и потолкуем? — предложил я.

Ей пришлось слегка запрокинуть голову, поскольку ее глаза оказались на девять дюймов ниже моих.

— Я уже говорила вам, что мне больше нечего сказать. А там как хотите, — заявила Алма.

Я последовал за ней в комнату, которую они пазывали передней. Харви и его жена Кэрол прежде были звездами родео, поэтому стены комнаты украшало множество фотографий: вот Харви хватает быка за рога и валит с ног, вот Харви с Кэрол скачут на полудиких лошадях и заарканивают телят. Там же демонстрировались различные медали, завоеванные ими, а под стеклянным колпаком на столике стоял большой серебряный кубок, который Харви получил в Калгари.

Алма прошла к кушетке у камина и села, скрестив ноги. Я устроился на стуле поближе к ней. Она была в мини-юбке — шорты эта девица никогда не носила, но ноги ее явно уступали ногам Дианы Кэдэни. Впрочем, не так уж они были и плохи.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал я. — Хорошо спишь?

Она кивнула.

— Валийте! Объезжайте меня! Я без седла!

— Раскинь мозгами, Алма! Я очень тебя люблю, мы все тебя любим, но неужели ты не можешь понять, что за убийство Филипа Броделла кому-то придется отвечать, и если мы не сделаем невозможное, этим человеком окажется твой отец?

— Это Монтана, — утвердительно прозвучало в ответ.

— Да. Штат сокровищ. Золота и серебра.

— Моего отца не посадят! Это Монтана. Его оправдают.

— Кто тебе сказал?

— Сказал? Я здесь родилась!

— Только слишком поздно! Пятьдесят лет назад, или чуть меньше, присяжные еще могли бы оправдать человека, который застрелил соблазнителя его дочери. Но не сегодня. Даже если ты предстанешь перед судом с младенцем на руках и заявишь, что рада его смерти... Я решил поделиться с тобой своими мыслями. Думаю, ты догадываешься, кто именно убил Филипа Броделла, может, даже знаешь это наверняка. Но ты не хочешь, чтобы его признали виновным. Ты рассчитываешь на то, что твоего отца виновным не признают. По существу, ты рада, что Броделла убили.

— Я этого не сказала.

— Вздор! Я могу повторить твои слова, все до единого. Ты рада, что он мертв!

— Ну что ж, рада.

— И не хочешь, чтобы кого-то за это посадили! Думаю, у тебя есть основания полагать, что Броделла убил Гил Хейт. Парень заявил, что весь тот четверг провел в Тимбербурге. Предположим, ты знаешь, что в тот день он был здесь, но

ведь отсюда всего две мили до места убийства. К тому же в машине Гила было ружье. Но ты не хочешь ничего говорить, поскольку полагаешь, что твоего отца оправдают. Ты также думаешь, что, если даже его признают виновным в убийстве без смягчающих вину обстоятельств, ты все равно сможешь вызволить его в самый последний момент, рассказав все, что тебе известно. Только ничего у тебя не получится, потому что тебе никто не поверит. Но если ты расскажешь все мне, дальше все будет зависеть от меня. Мы постараемся что-либо сделать. У Гила Хейта шансов выкрутиться не меньше, чем у твоего отца. Его знают все в округе. Он абсолютно чист. Он хотел жениться на тебе. А когда человек, который соблазнил тебя прошлым летом, появился вдруг здесь, Гилберт просто потерял голову.

— Гила в тот день здесь не было, — заявила Алма.

— А я и не говорил, что он был здесь, я лишь предположил это. Есть и другие варианты. Броделла могли убить и по какой-то другой причине, не имеющей отношения к тебе. Если так, то следует припомнить то, что произошло в прошлом году, поскольку этим летом Броделл пробыл здесь всего три дня. Скажем, у них произошла ссора с Фарнхэмом, о которой он мог тебе упомянуть. Когда человек близко сходится с женщиной, он может сказать ей все что угодно. Черт побери, да оставь ты эту дурацкую надежду, будто твоего отца оправдают! Ты можешь мне помочь!

На ее губах чуть было не заиграла улыбка.

— Вы полагаете, я об этом не думаю? Еще как думаю! — Алма поставила ноги на пол и положила руки на колени. — Послушайте, Арчи! Я вам уже раз десять говорила: я считаю, что Броделла убил мой отец.

— А я тебе в десятый раз повторяю, что ты не можешь так считать! Я просто этому не верю! Ведь ты же не сумасшедшая! Но создается такое впечатление, что, прожив девятнадцать лет, ты даже не в состоянии...

— Она не сумасшедшая, — слышался чей-то голос, — она всего лишь дубина.

В дверях появилась Кэрол.

— Моя единственная дочь — и вот надо же... — Кэрол направлялась к нам. — Можешь поставить на ней крест, Арчи. Я уже поставила.

Она посмотрела на Алму сверху вниз.

— Пойди, пожалуйста, подои ослицу или займись каким-нибудь другим делом. Дай мне потолковать с Арчи.

Алма не шевельнулась.

— Он сам сказал, что хочет поговорить со мной. Лично я вообще ни о чем не хочу говорить. Какой от этого прок?

— Да, никакого. — Кэрол уселась на кушетку на расстоянии вытянутой руки от дочери. Она была в помятой рубашке и старых коричневых брюках, в носках, но без обуви. Зато лицо ее, если не считать морщинок вокруг карих глаз,

по-прежнему было молодо, будто ей еще не исполнилось и тридцати. Взгляд этих глаз сосредоточился теперь на мне.

— Полагаю, ты ничего не добился, иначе не пришел бы сюда.

— Совершенно верно. Ты была вчера у Харви?

Она кивнула.

— Провела полчаса. Больше Морли Хейт не позволил. Я и раньше знала этого человека... Кто-то должен его проучить. Непременно. Может быть, я.

— Могу помочь. Есть что-нибудь новое от Харви?

— Нет, все то же самое.

Я покачал головой.

— Хочу с тобой посоветоваться. Я сказал сегодня Лили, что она могла бы попросить Досона подыскать в Хелине хорошего частного сыщика. Ему люди могут рассказать то, чего не скажут мне. Что ты думаешь по этому поводу?

— Странно, — проговорила она.

— Что странно?

— То, что еще двоим, кроме тебя, пришла в голову эта мысль. Флоре и одной моей подруге, которую ты не знаешь. Вчера я спросила Харви, что он думает по этому поводу, а он сказал, что в Хелине не найдется такого умного детектива, как ты. Но Досон все равно считает, что именно Харви застрелил Броделла, и любой, кого он подыщет, будет думать так же. Здесь все так думают, ты ведь знаешь.

— Не все. Тот, кто его застрелил, так не думает. Ладно, забудем пока об этом. Ты сказала, что хочешь о чем-то поговорить со мной.

Кэрол посмотрела на дочь.

— Ты уже не маленькая, моя телочка, и сама отелила теленочка. Шугануть тебя отсюда я не могу.

Кэрол поднялась и предложила:

— Если не возражаешь, выйдем во двор.

Алма встала, хотела было что-то сказать, но передумала и вышла. Кэрол прикрыла дверь и села на край кушетки, поближе ко мне.

— Может, ты и прав в отношении ее, а может, и нет. Ей бы следовало понимать своего отца, но она может его не понимать. Помню, когда я была в ее возрасте, я думала, что понимаю своего отца, а оказалось, что нет. А догадалась об этом только... Ладно, черт подери, тут вот в чем дело: у меня есть идея. Эта парочка у Билла Фарнхэма — доктор и его жена, — они ведь из Сиэтла? Не ты ли говорил, что он доктор?

Я кивнул.

— Роберт Эмори, доктор медицины, и его жена Беатриса.

— Сколько им лет? — поинтересовалась Кэрол.

— Ну, под сорок.

— Опиши мне ее.

— Чуть повыше среднего роста, среднего телосложения. Приятной наружности. Волосы рыжие, крашенные. Делает вид, будто тут ей нравится, но приехала только потому, что ей осточертело дома. Любит ездить верхом на лошади и удить рыбу.

— А что за человек ее муж? Если бы этот Броделл «покрыл» ее, а муж узнал, что бы он сделал?

— Для этого Броделлу потребовалось бы больше времени, он же пробыл здесь всего три дня.

— У нас есть «бык», которому для этого и одного дня больше чем достаточно.

— Я видел этого «быка». Броделл был не такой пустрый. Впрочем, все возможно. Признаюсь, что эта мысль и у меня мелькнула во вторник, и мои расспросы разозлили Билла Фарнхэма. Мне удалось вытянуть из него два факта, но от них мало толку. У доктора Эмори нет алиби на вторую половину дня того самого четверга — он в одиночку отправился вверх по реке. К тому же доктор и стрелять-то толком не умеет. Я ожидал, что в тот день он мог прихватить с собой ружье на случай встречи с медведем, но Фарнхэм это отрицает.

— Разумеется, он будет отрицать. Ему же не хочется, чтобы одного из его дыюдов посадили в загон.

— Конечно. Я лишь передаю тебе, что он сказал. А ты можешь верить этому, можешь нет. За последние шесть дней люди много чего мне наговорили, но я почти никому не верю. Позавчера ты заявила, что никогда не встречала Филипа Броделла. Я должен этому верить?

— Это правда.

— Прошлым летом он гостил здесь шесть недель! Всего в четырех милях вот от этого места!

— Да хоть бы и в четырехстах! Жаль, что это не так. У Билла Фарнхэма ранчо в стиле Дикого Запада, у нас — обычное. К тому же, как тебе известно, Харви с Биллом поцапались. Ты же был здесь, когда наша скотина нашла дырку в изгороди и двинула в лес. Один из его гостей застрелил быка. После этого мы перестали ходить друг к другу. А то что Алма повстречалась с Броделлом на танцах, я знаю только с ее слов. В прошлом году она ни разу о нем не упоминала. Не хочешь мне верить — не верь... Значит, ты исключаешь доктора?

— Я никого не исключаю. Тебя я не подозреваю только потому, что не вижу смысла в том, чтобы менять шило на мыло, хотя ты могла бы выстрелить мужчине в спину.

— Если бы выстрелила, то попала бы не в плечо, а в другое место.

— В том случае, если бы не целилась именно в плечо. — Наши взгляды встретились. — По-моему, я тебя не спрашивал. Или спрашивал?

— О чем?

— Не ты ли его застрелила?

— Нет. Ты не спрашивал, а я в него не стреляла. Тебе, похоже, жуть как хочется что-то с чем-то увязать.

— А как же. И ты это знаешь. Но я говорю вовсе не для того, чтобы послушать собственный голос. Давай-ка посмотрим, сходимся ли мы с тобой по двум — нет, по трем пунктам. Во-первых, ты не Харви, ты женщина, и ты могла бы выстрелить человеку в спину. Во-вторых, ты хорошо стреляешь, поэтому и пуля угодила бы в радиусе полудюйма от намеченного тобой места.

— Никакого полудюйма. Она бы угодила туда, куда я целилась.

— Ну что ж. Теперь третий момент. Многие, в том числе, вероятно, Хейт и Джессап, говорят, что Харви специально ранил Броделла в плечо, чтобы тот повернулся, а затем добил его выстрелом в шею, поскольку все знают, как он стреляет, а ему, мол, хотелось представить все так, будто это сделал человек, который не умеет стрелять. Но дело-то все в том, что Харви по складу своего характера не способен на такое. Если даже допустить — а я этого даже не допускаю, — что он выстрелил Броделлу в спину, ему бы и в голову не пришло прибегнуть к подобной уловке. Но ты, Кэрол, мыслишь по-другому. Тебе это могло прийти в голову. Ты согласна со мной?

Уголок ее губ приподнялся.

— Лили, — сказала она.

— При чем тут Лили?

— Это она думает, что я его застрелила?

— Она мне об этом не говорила. Тут только ты и я. Даже если Лили и думает так и сказала бы мне об этом, у меня своя голова на плечах. Итак, что ты мне ответишь?

Уголок ее губ так и не опустился.

— Скажем, я отвечу «да», и что тогда? Ты же сам заявил, что менять меня на Харви — все равно что менять шило на мыло. Или ты имел в виду что-то другое?

— Разумеется, только это. Я просил Алму быть откровенной со мной и теперь прошу о том же тебя. Предположим, застрелила Броделла ты, а я продолжаю расследование, будто ничего не знаю. В таком случае, что получится? Необходимых улик я обнаружить не смогу. Я окажусь связанным по рукам и ногам и буду работать впустую. Однако, если бы я знал, что застрелила его ты, я мог бы что-нибудь предпринять. Некоторый опыт оказания помощи в трудных ситуациях у меня есть. Тебе ведь известно, что время от времени я выдаю какую-нибудь интересную идею. Итак, поговорим начистоту?

Кэрол прищурилась.

— Значит, ты думаешь, что это я его застрелила, — констатировала она.

— Не думаю. Я лишь предполагаю. Со слов Алмы известно, что всю вторую половину того дня вы обе находились здесь. Но это еще ничего не доказывает — сказать иначе она просто не могла. Согласен, с твоей стороны было бы величайшей глупостью признаться мне в том, что это ты его застрелила, — ведь ты не уверена, что я буду держать язык за зубами. В Нью-Йорке есть несколько человек, которые мне верят. Здесь мне не верит никто, кроме Харви. Но мне не разрешают свидание с ним. Если ты передашь ему, что я поклялся никому об этом не говорить, он наверняка велит тебе быть со мной откровенней.

— Значит, ты уверен, что это я его застрелила?

— Да нет же, черт побери! Но я стреножен, а мне непременно надо докопаться до истины. Неужели ты не видишь, как мне трудно?

— Да. Вижу... — Она огляделась. — У нас нет Библии. — Она встала и еще раз посмотрела по сторонам, потом направилась в угол, где на колышке висело почти новое седло.

— Тебе известно, что это за седло? — спросила она.

Я кивнул:

— Ручная работа Куонтрелла, с серебряными стремянами и заклепками. Ты получила его в Пендлtone в сорок седьмом году.

— Верно. То был самый великий день в моей жизни. — Кэрол положила ладонь на седло и посмотрела мне в глаза. — Если я застрелила эту жабу Броделла, пусть это седло расплавится и сгниет, пусть его источат черви. Да поможет мне Бог.

Она повернулась, похлопала по задней луке седла и вновь посмотрела на меня.

— Этого достаточно?

— Лучшего доказательства и желать не могу. — Я встал. — Ну что ж, ты вне игры, тебя мы вычеркиваем, не такая уж у меня работа, извини. Скажи Харви, что я не хуже, чем он меня считает. — Я указал пальцем: — Табак для Мела, а мухобойка — для Пита. Дождаться их возвращения я не стану, надо еще кое-что посмотреть. Ты слышала, что я сказал Алме?

— В основном да.

— В тот день после полудня она была здесь с тобой все время?

— Я же сказала — да.

— А Гила Хейта здесь не было?

— Я же сказала — нет.

Уже около двери я повернулся и спросил:

— По-прежнему клянешься седлом?

— По-прежнему, — ответила она.

Я поехал взглянуть на место преступления.

Дорога от Лейм-Хорс к «Ранчо Дж. Р.» и к хижине Лили заканчивается у реки Фиштейл, где справа по ходу находится ранчо Билла Фарнхэма в стиле Дикого Запада. Оно, можно сказать, шикарное по сравнению со многими другими ранчо. Правда, хижине Лили все-таки уступает. Больше шести гостей сразу Фарнхэм не принимает. Сейчас на ранчо было и того меньше — за несколько дней до убийства Броделла парень из Спокана сломал руку и уехал домой — мистер и миссис Эмори и еще одна пара из Денвера. Фарнхэм женат не был, и вся обслуга состояла из кухарки, горничной и двух ковбоев — Берта Мейджи и Сэма Пиккока. Для гостей был отведен один дом — обыкновенная бревенчатая коробка с пристройками по бокам, занимавшая примерно с пол-акра. Амбар и загоны для скота находились далеко от реки, за сосновым леском.

Я остановил машину между двумя деревьями и вылез из нее. Никого не было видно. Ни за домом, ни со стороны реки. Но, когда я направился к сетчатой двери и произнес нараспев: «Дома есть кто-нибудь?» — чей-то голос разрешил мне войти, и я вошел. Комната была вполосину меньше гостиной Лили, и посреди нее, положив голову на кисть диванных подушек, на ковре возлежала рыжеволосая женщина. При моем приближении она отложила журнал и, подавив зевок, произнесла:

— Я узнала ваш голос.

Я остановился в четырех шагах от нее и извинился, что разбудил ее. Она ответила, что спит только по ночам, и добавила:

— Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания — я настолько ленива, что даже лень одернуть юбку. Ненавижу брюки. — Она снова зевнула. — Если вы пришли не ко мне, вам не повезло: на заре все отправились на лося — перешли вброд реку и поднялись в горы, и трудно сказать, когда вернутся. А вы все еще пытаетесь вызволить из тюрьмы вашего друга?

— Надо же чем-то себя занять. Позвольте поправить вам юбку?

— Не стоит. Если вы пришли ко мне — правда, я не понимаю, с какой целью... — то я вся перед вами.

Я улыбнулся, чтобы показать, что оценил ее юмор.

— Собственно говоря, миссис Эмори, я пришел вовсе не для того, чтобы повидать какое-то конкретное лицо. Я лишь хотел сказать Биллу, что оставлю здесь машину и пойду взглянуть на Блю-Граус-Ридж. Если он вернется раньше меня, скажите ему об этом, ладно?

— Разумеется. Только раньше вас он не вернется. — Она убрала со лба прядь волос. — Это там все и произошло?

Я кивнул и повернулся, чтобы уйти, но вынужден был снова обернуться на ее голос.

— Вы, наверное, знаете, что я здесь единственная, кто вам сочувствует. Остальные считают, что это... забыла фамилию...

— Грив. Харви Грив.

— Все они считают, что это сделал он. Я же с первого взгляда распознаю умного человека. Я уверена, вы знаете, как себя вести. Желаю удачи.

Я поблагодарил ее и вышел.

Я хорошо знал Блю-Граус-Ридж — лучшего места для сбора черники в здешних местах не сыскать, и мы с Лили частенько наведывались туда — иногда собирали ягоды, а иногда охотились на голубых куропаток, которые питались исключительно черникой, и к шестинедельному возрасту становились упитанными, а блюда, приготовленные из них, могли сравниться разве что с лучшими блюдами Фрица. Разумеется, охота на них запрещена, поэтому мы действовали осторожно. За два дня до убийства Броделла мы вместе с Дианой Кэдэни и Уэйдом Уорти взобрались на этот хребет за ягодами, а вовсе не за голубыми куропатками.

Я мог бы добраться до Блю-Граус-Ридж напрямик от ранчо или от хижины Лили, но это в два раза дальше и к тому же утомительнее. А от Фарнхэма туда всего с милю. Сразу за амбарными постройками и загонами для скота начинался пологий склон, поросший еловым лесом, затем шел каменистый отрезок пути — мне на нем пришлось изрядно потрудиться. За ним — как раз по косогору хребта, было огромное поле медвежьей травы. Медвежья трава, в августе сухая и колючая, цеплялась за ноги и замедляла продвижение. Выбравшись из нее ярдах в пятидесяти от перевала, я свернул влево и двинулся параллельно хребту, пытаясь отыскать какие-нибудь следы пребывания человека: затоптанное место или сломанные ветки. Я не следопыт и не привык лазать по горам, но наверняка на Блю-Граус-Ридж должно было сохраниться что-то такое, благодаря чему даже дюд узнает место преступления. Первой уликой оказалась кровь на поверхности валуна, вернее, то, что от нее осталось: какой-то зверь слизнул ее языком, и теперь лишь след узенькой кровавой полоски, сбегавшей с камня, указывал на место убийства.

Над валуном рос большой куст черники. Значит, подумал я, Броделл собирал ягоды, и ему выстрелили в спину. Потом я обратил внимание на сломанные ветки, в том числе веточки на кустах черники, камни, сдвинутые со своих привычных мест, затоптанные ягоды и прочее. Тут топталось множество людей. Должно быть, они искали гильзы. Я повернулся и попытался найти взглядом то, что меня интересовало больше всего, — укрытие для нападавшего. На расстоянии в сотню ярдов простирались лишь заросли черники

и валуны, а дальше шли кустарники и одинокие деревья. Даже житель Нью-Йорка вроде меня наверняка смог бы приблизиться к своей жертве ярдов на сорок, не говоря уж о человеке, который привык ходить на оленя и лося. Но сорок ярдов — это слишком большое расстояние, чтобы точно поразить цель из пистолета, значит, сделал я вывод, стреляли из ружья. Однако в Монтане в разгар лета никто не ходит на охоту с ружьем, разве что на койотов. Но из-за койота вряд ли стоило взбираться на Блю-Граус-Ридж.

Я набрал пригоршню ягод и сел на камень. Как же я был глуп, когда думал, будто осмотр места происшествия даст мне ключ к разгадке. Ничего подобного не произошло и теперь уже не произойдет. Я оказался в незнакомом мне мире, хранившем свои тайны. Если благодаря этим уликам и можно вычислить, кто именно подкрался к Филипу Броделлу и убил его, это суждено сделать не мне. Три часа пропали зря. Показался бурундук и, испугавшись меня, тут же удрал. Я взял камешек размером с мяч для гольфа, и, когда бурундук выскочил снова, запустил в него, но, конечно же, промазал. А ведь в хижине бурундуки были моими лучшими друзьями! Недовольный всем на свете, я стал спускаться с холма и добрался до машины, оставленной у дома Фарнхэма, даже ухитрившись не сломать себе ногу. Там по-прежнему никого не было видно. Когда я вернулся в хижину Лили, до ужина оставалось еще полчаса — ужин подавали в шесть.

Ужинать полагалось в повседневной одежде, но поскольку я испачкался, то решил пойти к себе в комнату, ополоснуться и надеть чистую сорочку и просторные коричневые шерстяные брюки. Когда я причесывался, послышался легкий стук в дверь небольшого холла, отделявшего мою комнату от комнаты Лили, и я пошел открывать. Лили была все в той же зеленой сорочке и брюках. Увидев, что я переоделся, она спросила:

— У нас будут гости?

Я рассказал ей, где побывал, объяснив, что валун находится ярдах в двухстах к северу от того места, где, как она однажды видела, я снял с дерева глупую тетерю. И передал ей содержание моих бесед с Алмой и Кэрл.

— Не знаю, как считаешь ты, — заявил я, — но, мне кажется, Кэрл верить можно. Из числа подозреваемых я ее исключаю. Положи она руку на Библию, я бы, может, еще и засомневался, но она поклялась седлом, и я ей поверил.

Лили помолчала и кивнула.

— Ну что ж, значит, она не лжет. Однажды я хотела опробовать это седло на Кошке — просто посмотреть, как оно сидит, — но Кэрл мне не позволила. Ты прав: если бы она застрелила Броделла, то созналась бы тебе. Только не воображай, что ты лучше меня разбираешься в женщинах!

Лили, конечно же, хотела опробовать седло не на рыси и не на пуме. Кошкой она назвала свою пегую кобылицу — три года назад, когда Лили на нее впервые села, та перепрыгнула через широченную канаву.

Завтракали и обедали мы за столом у большого окна на кухне, там же и ужинали, хотя обычно ужин сервировали на веранде, где вместо стекол была сетка от москитов, со стороны ручья. Трапезничать на веранде было хлопотным занятием — из Нью-Йорка Лили привезла одну Мими, а местную прислугу брать упорно отказывалась, поэтому подавали на стол и убирали со стола мы сами. В тот вечер в меню были филе миньон, печеный картофель, шпинат и шербет из малины, причем все продукты, кроме картофеля, взяли из огромного холодильника в кладовой. Филе миньон, обложенные льдом, доставлялись экспрессом из Чикаго. За ручьем у Лили разгуливали тысячи тонн живой говядины, и пищу можно было приготовить попроще и подешевле — однако, опробовав этот способ, признали его неудовлетворительным.

За столом на веранде Лили всегда сидела лицом к ручью, протекавшему всего в дюжине шагов. Слева от нее восседал Уэйд Уорти, Диана Кэдэпи — напротив, а справа — я.

Взяв нож, Диана сказала:

— Мне сегодня пришла в голову ужасная мысль.

Разумеется, это был пробный шар. Его подхватил Уэйд, которого я так толком и не раскусил. На его пухлом лице с широким носом и квадратным подбородком возникала целая гамма разнообразных улыбок, и порой их трудно было истолковать. Улыбаясь дружески, он мог сказать что-нибудь язвительное, тогда как мог произнести приятное с саркастической улыбкой на устах. Улыбка, которой он сейчас одарил Диану, была просто вежливой. Он сопровождал ее словами:

— Судить объективно о собственных мыслях никто не в состоянии. Поделитесь же с нами!

— Если бы я не собиралась посоветоваться с вами, — ответила Диана, — я бы об этом даже не упомянула. — Она подцепила вилкой кусочек мяса и принялась его тщательно пережевывать. Диана делала так часто. Возможно, она надеется получить роль, по ходу которой ей придется демонстрировать способности вести беседу и одновременно пережевывать пищу, а тут без практики и не обойтись. Актер может практиковаться где угодно, когда угодно и с кем угодно. Большинство из них так и делают. — Если бы того мужчину не убили, — продолжала Диана, — Арчи бы здесь давно уже не было. Так что, выходит, убийца оказал нам любезность — мысль и впрямь ужасная.

— Мы благодарим его, когда узнаем, кто он, — заметила Лили.

Диана проглотила кусок и изящным движением воткнула в картофелину вилку.

— Я не шучу, Лили. Мысль и впрямь ужасная, но она

подсказала мне одну идею. Можно было бы сочинить пьесу о женщине, которая проделывает всякие жуткие вещи — лжет, ворует, уводит чужих мужей, возможно, даже убивает кого-то. Но вся соль в том, что всякий раз, когда она причиняет кому-то боль, это помогает другим людям. К примеру, одним она заставляет испытывать страшные муки, зато другие, а их в десять раз больше, получают от этого какую-то выгоду. То есть своими поступками она приносит гораздо больше добра, чем зла. Я еще не решила, какой будет финальная сцена — пусть ее придумает тот, кто напишет эту пьесу, но она может получиться великолепной. И подойдет для любой актрисы. Мне уж точно.

Картофелина была съедена, теперь дожевывался последний кусочек мяса. У Дианы и впрямь это здорово получалось, правда, она обладала неоспоримым преимуществом — у нее было весьма привлекательное личико. Девушке с хорошенькой мордашкой нужно быть настоящей неряхой, чтобы окружающим захотелось смотреть куда-то, а не на ее лицо.

Диана подняла глаза на Уорти и сказала:

— Вы писатель, Уэйд. Почему бы вам не взяться за это?

Тот покачал головой.

— Это не для меня. Предложите Олби или Теннесси Уильямсу. Что же относительно того, будто убийца оказал нам любезность, то, по моему мнению, не такая уж она и большая. За эту неделю мы Арчи почти не видели. — Он посмотрел на меня с дружеской улыбкой. — Как продвигается дело?

— Прекрасно. Осталось лишь добиться признания. В тот день Диана собирала чернику. Ей попался великолепный куст, а Броделл пришел и оттолкнул ее. Вот она его и застрелила. К счастью...

— Из чего? — спросила Диана.

— Не перебивайте. К счастью, подоспел Уэйд, он как раз охотился на мешетчатых крыс. Он выстрелил, но попал Броделлу в плечо, и тогда вы, Диана, попросили его дать ружье вам.

— Сознаться мы не собираемся, — произнес Уэйд. — Придется вам это доказать.

— Ну что ж... Вам что-нибудь известно о врожденной радиации?

— Нет.

— О том, что врожденная радиация у всех разная, как и отпечатки пальцев?

— Звучит обнадеживающе.

— Не только обнадеживающе, но и вполне научно. Удивительно, как вообще можно что-то раскрыть без современных достижений. Я сегодня поднялся на Блю-Граус-Ридж с новым счетчиком Гейгера, и он выдал вас с Дианой с потрохами. Вы оба побывали там. Теперь я знаю все, что нужно...

— Разумеется, мы там были, — сказала Диана с набитым ртом. — Вы с Лили водили нас туда! Три или четыре раза! — Докажите это, — сказала Лили. — Я что-то не помню. — Лили! Вы помните! Вы должны помнить!

Общаясь с Дианой, нельзя было понять до конца, дурочка она или только прикидывается ею.

Когда настало время шербета с кофе, мы уже обсудили планы на вечер. Обычно вечером мы играли в пинокль, читали, смотрели телевизор, беседовали или занимались каждый своим делом у себя в комнате, а иногда, особенно по субботам, общались с местным населением. В тот вечер Уэйд предложил сыграть в пинокль, но я заявил, что им придется играть втроем, так как собирался съездить в Лейм-Хорс. Они немного порассуждали, стоит ли им поехать со мной, но решили остаться дома, а я, убрав за собой со стола, вышел и сел в машину.

Я столкнулся с одной проблемой, о которой и хочу пове-
дать вам. Если я начну подробно излагать, чем занимался в последующие четверо суток, от восьми вечера в субботу до восьми вечера в среду, вы за это время успеете повстречаться с десятками людей и лучше познакомитесь с округом Монро, штат Монтана, но ничего не узнаете об убийце Филипа Броделла, поскольку я сам не смог узнать о нем ровным счетом ничего. Да вам это может просто осточертеть, как осточертело мне. Поэтому я приведу один пример моего времяпрепровождения, и им вполне может послужить тот субботний вечер.

По вечерам в субботу публика съезжалась на машинах в Лейм-Хорс, хотя до Тимбербурга было всего двадцать четыре мили. Следовало бы ожидать, что люди поедут в столицу округа, где был кинотеатр с плюшевыми сиденьями, кегельбан и другие развлечения, а вот поди ж ты, нет. По субботним вечерам многие из проживавших в Тимбербурге — человек сто, если не больше, — приезжали в Лейм-Хорс. Притягивало их сюда большое ветхое каркасное строение рядом с универмагом Вотера. На краю крыши этого весьма примечательного здания красовалась вывеска футов в двадцать длиной: «ХОЛЛ КУЛЬТУРЫ ВУДРО СТЕПАНЯНА».

Это местечко обычно называли «Вудис». Вуди — ему шел уже седьмой десяток — построил его лет тридцать назад на деньги, оставленные ему отцом, который чем только не торговал в этих местах, еще когда Моптана не была штатом. Все свои молодые годы Вуди провел в универмаге на колесах. При рождении его нарекли Теодором, в честь Рузвельта¹, но, когда ему исполнилось десять лет, отец сменил его имя на Вудро, в честь Вильсона². В 1942 году Вуди по-

¹ Теодор Рузвельт (1858—1919) — двадцать шестой президент США (1901—1909).

² Томас Вудро Вильсон (1856—1924) — двадцать восьмой президент США (1913—1921).

думывал о том, чтобы стать Франклином, в честь еще одного Рузвельта¹, но решил, что это повлечет за собой много осложнений, в том числе связанных со сменой вывески.

Субботняя вечерняя программа в заведении Вуди началась в восемь с кинофильма, который я не жаждал увидеть. Поэтому, поставив машину на обочине дороги, я прошел в универсам Вотера и тут же понял, что мог бы не ездить в Тимбербург, разве только чтобы отправить письмо и заглянуть в справочник. Полный инвентарный список товаров, предлагавшихся в этом магазине, занял бы несколько страниц, поэтому я назову лишь несколько предметов: сковороды, широкополые ковбойские шляпы, пятигаллоновые кофейники, рыболовные снасти, журналы, книжки в мягких обложках, ружья и боеприпасы, всевозможные товары, пончо, шпоры и седла, сигары, сигареты и табак, орехи и конфеты, охотничьи и кухонные ножи, мужская и женская одежда, стол, заваленный «ливайсами», цветные открытки, шариковые ручки, три полки с коврами...

В зале было несколько покупателей, а Морт Вотер, его жена Мейбл и их сын Джонни их обслуживали. Я пришел вовсе не для того, чтобы что-то купить, и даже не затем, чтобы поговорить, а просто послушать. Оглядевшись, выбрал подходящий объект — худющую женщину с длинными черными волосами, которая разглядывала туфли на прилавке. Ее звали Генриетта, она была полукровка. Живя у дороги, она знала всех. Желавшие могли купить у нее спиртное. Я подошел к ней поближе и сказал:

— Привет, Генриетта! Готов спорить, ты меня помнишь!

Она слегка склонила голову и прищурилась, как частенько делают осторожные люди.

— На что спорим?

— На доллар.

— Фи. Вы — приятель мисс Роуэн. Ваше имя мистер Арчи Гудвин. — Генриетта протянула руку. — С вас один доллар.

— Сама ты «фи». Впрочем, может, ты вовсе не то имеешь в виду, поэтому не будем об этом. — Я вытащил бумажник. — Для меня приятный сюрприз видеть тебя здесь. — Я протянул ей деньги. — В субботу вечером у тебя наверняка полно клиентов?

Она повертела в руках банкнот.

— Трюк? — проворчала Генриетта и уронила деньги на пол. — Очередной трюк.

— Да никакой не трюк! — Я поднял пятидолларовую бумажку и снова протянул ей. — Один доллар я проспорил. Остальные четыре — плачу за время, которое займут у тебя ответы на мои вопросы.

¹ Франклин Делано Рузвельт (1882—1945) — тридцать второй президент США (1933—1945).

— Ненавижу вопросы.

— Они тебя не касаются. Как ты знаешь, мой дружок Харви Грив в беде.

— В страшной беде, — уточнила она.

— В очень страшной. Ты, вероятно, также знаешь, что я пытаюсь помочь ему.

— Об этом знают все.

— Да. И все, похоже, считают, что ничего у меня не получится, поскольку он убил человека. Ты встречаешься со многими людьми и слышишь много разных разговоров. Они все так думают?

Она указала на купюру, которую я все еще держал в руке.

— И ты заплатишь мне за ответ? Четыре доллара?

— Я заплачу вперед. Возьми деньги, а потом отвечай.

Генриетта взяла банкнот и снова оглядела его и сунула в карман в юбке.

— В суд я не пойду, — сказала она.

— Разумеется, нет. Ведь мы просто беседуем.

— Многие говорят, что убил его мистер Грив. Правда, не все. Некоторые считают, что его убили вы.

— И сколько таких?

— Может, трое, а может, четверо. Вы знаете Эмми?

Я кивнул. Эмми — это Эммет Лейк, который пас стадо на «Ранчо Дж. Р.». Мне известно, что он один из лучших клиентов Генриетты.

— Только не говори мне, будто он утверждает, что это сделал я.

— Нет. Он сказал, что это сделал мужчина, который сейчас гостит у мистера Фарнхэма.

— А он не говорил, кто именно? По-моему, ты просто не хочешь мне сказать. Ладно, а что думаешь ты сама?

— Я — думаю? Фи.

Я улыбнулся ей, как мужчина улыбается женщине.

— Готов спорить, ты о многом думаешь!

— На что спорим?

Я проигнорировал ее вопрос.

— Только я не мог бы этого доказать. Слушай, Генриетта, ты ведь в курсе всяких разговоров. Человек, которого убили, прожил здесь шесть недель в прошлом году и говорил мне, будто что-то у тебя покупал.

— Да, один раз. С мистером Фарнхэмом.

— Не упоминал ли он тогда о ком-нибудь?

— Не помню.

— Хорошо. Но ты должна помнить, что говорили люди на этой неделе, после его убийства. Мне очень важно это знать. Мне не нужно, чтобы ты называла имена, расскажи лишь, что о нем говорили. — Я вытащил из бумажника еще десять долларов и держал их на виду. — Возможно, тогда я

смогу помочь мистеру Гриву. Расскажи мне, что ты о нем слышала!

Генриетта взглянула на банкнот и снова подняла на меня глаза.

— Нет, — сказала она.

Мне так и не удалось уговорить ее, хотя я потратил еще десять минут, пытаюсь это сделать, — десятку пришлось вернуть в бумажник. Ничего бы не вышло, даже если бы я удвоил сумму или, скажем, довел ее до ста долларов: Генриетта не хотела оказаться в роли свидетеля, дающего показания в суде, поклявшись я даже на десяти седлах, что делать ей этого не придется.

Я отошел от нее и огляделся. Из находившихся в это время в универмаге людей я знал по именам почти всех, но ни один из них скорее всего не захотел бы высказаться об интересующем меня деле, поэтому я вышел из магазина и направился к Холлу культуры.

Снаружи здание казалось еще внушительнее универмага Вотера, но внутри состояло всего из трех небольших помещений.

Полки и прилавки были завалены пластинками, книгами репродукций картин и рисунков, бюстами великих людей, факсимильными изданиями Декларации независимости и многими другими вещами. Здесь можно было увидеть и Библию на армянском языке. Торговля у Вуди шла плохо, и он как-то сказал Лили, что выручает в неделю всего двадцать долларов. Главными источниками дохода являлись кинозал и танцзал — оба заведения функционировали только по субботам.

Когда я вошел, Вуди беседовал с четырьмя дядями с какого-то ранчо: тремя мужчинами и женщиной, которых я никогда прежде не видел. Я немного послушал, делая вид, что разглядываю книжки, но ничего нового для себя не узнал. Как и большинство жителей штата, Вуди был невысокого мнения о приезжих, но Лили ему нравилась, поэтому он принимал и меня. Вуди оставил своих собеседников, подошел ко мне и спросил, приедет ли мисс Роуэн. Я ответил, что она устала и собиралась пораньше лечь спать, но просила передать ему привет.

Вуди был не столь краток, как Алма Грив, но в разговоре со мной он тоже склонил голову набок. Глаза у него были такие же черные, как у Генриетты, а копна волос белой, как вершина Чэр-маунтин.

— Кланяйтесь ей, — сказал он. — Целую ей ручку с глубочайшим уважением. Она прямо как куколка. Позвольте спросить, удалось ли вам узнать новенькое?

— Нет, Вуди, не удалось. Вы все еще с нами?

— Да. Навсегда и еще на один день. Если того мужчину застрелил мистер Грив, то я кривоногий койот. Я ведь рассказывал вам, что впервые увидел его, когда он был еще

двухлетним карапузом, а мне тогда уже стукнуло шестнадцать. В тот день его мать купила у моего отца четыре одеяла и две дюжины носовых платков. Так, значит, вы ничего не узнали? — без всякого перехода снова спросил он.

— Ничего. А вы?

Он степенно покачал головой.

— Должен признаться, что нет. Правда, в будние дни я редко встречаюсь с людьми. Сегодня вечером услышу много разговоров и буду держать ушки на макушке. Вы останетесь?

Я ответил, что останусь. В это время вошла парочка дьюдов и направилась к Вуди, а я вернулся к книжкам, выбрал «На греческий манер» Эдит Хэмилтон, о которой говорили Лили и Ниро Вулф, и присел на скамью.

В 9.19 появился служащий в розовой сорочке, джинсах, ковбойских сапожках и с желтым платком на шее. Он открыл дверь, ведущую в танцзал, и поставил на столик перед ней ящик для денег и коробку с входными билетами. Пистолет на его ремне был только для виду: Вуди часто проверял, не заряжен ли он.

В 9.24 прибыли музыканты — разодетые, как швейцары, со скрипкой, аккордеоном и саксофоном — все местные таланты. Фортепиано, которое, по словам Лили, было ничуть не хуже ее собственного, стояло на площадке в зале.

В 9.28 появились первые постоянные клиенты, а в 9.33 дверь слева отворилась, и из кинозала вывалила публика, причем большинство зрителей сразу же направились к противоположной двери. Следующие четыре часа у Вуди происходило то, ради чего люди всех возрастов приезжали сюда из Тимбербурга, а дьюды даже из Флэт-Бэнк: настоящее веселье. Когда суматоха у дверей несколько поутихла, я заплатил два доллара и тоже вошел. Оркестр наяривал «Лошадка, задери хвост», и пар пятьдесят извивались и дергались в танце. Одну из пар составляли Вуди и вдова Флора Итон, которая стирала и убирала на ранчо Лили. Сколько приезжих пытались заполучить Вуди на этот первый танец, но он всегда выбирал кого-нибудь из местных!

Итак, я рассказал о том, как провел часть субботнего вечера. Ушел я оттуда примерно в час тридцать, так и не узнав ничего нового.

Впрочем, я слышал, как девушка в вишневой рубашке крикнула появившемуся довольно поздно Сэму Пикку, одному из ковбоев Фарнхэма: «Постригись, Сэм! У тебя разбойничий вид!» — а он ответил: «Сейчас-то я еще ничего. Посмотрела бы ты на меня годовалого: мать приходилось связывать, перед тем, как кормить меня грудью».

Я видел, как Джонни Вотер и Вуди выставили двух дьюдов, пытавшихся отобрать у одного из музыкантов аккордеон. Выпивку, которая толкнула их на этот подвиг, они приносили с собой — в баре в углу продавали лишь шипучку,

лед, бумажные стаканчики, безалкогольные напитки и аспирин.

Я слышал, как женщина средних лет с огромным бюстом кривнула мужчине примерно одного с ней возраста: «Как бы не так, ничего я не подложила в бюстгальтер!»

А один дьюд в смокинге сказал своей подруге в платье чуть ли не до пят: «Шит-снэппер — это не проститутка. Это девушка или женщина, которая заправляет постели». Я слышал, как Гил Хейт бросил в разговоре: «Разумеется, ее здесь нет. Ей надо присматривать за младенцем». Я видел, как при моем приближении люди разных возрастов и комплекций отворачивались, замолкали или смотрели на меня невидящим взором.

В заключение рассказа о субботнем вечере — но до того, как перейти к подробностям вечера в среду, — я должен сообщить об одном инциденте, который произошел в хижине во вторник пополудни. Я только что вернулся и коротал время с Лили на так называемой «утренней» веранде, как вдруг подъехала машина, «дождь коронет». Впереди сидели двое мужчин, и Лили обратилась ко мне:

— Вон они. Я как раз собиралась сказать тебе — звонил Досон и сообщил, что они хотят повидать меня. Правда, не уточнил, зачем.

Из машины вышли Лютер Досон и Томас Джессап. Увидев их, я совершенно забыл о приличиях и встал, только когда они подошли к нам. То, что адвокат и прокурор округа вместе приехали повидать владелицу ранчо, которым управлял Харви Грив, могло означать лишь одно: им стало что-то известно. Мне стоило усилий сдерживать улыбку. Их лица, после того, как мы обменялись приветствиями и они уселись на стулья, были серьезными. Разумеется, лицу прокурора округа полагается быть серьезным, тем более когда возникают осложнения с делом об убийстве. Лили предложила им выпить, но они поблагодарили ее и отказались.

— Вас, наверное, удивляет, что мы приехали вместе, — начал Досон, — но мистеру Джессапу хотелось кое о чем вас спросить. Мы решили, что спрашивать более подобает мне, пусть и в его присутствии.

Лили кивнула.

— Разумеется. Закон и этикет должны быть соблюдены.

Досон посмотрел на Джессапа. Они оба родились и выросли в Монтане. Досон, мужчина лет шестидесяти, в полосатой сине-зеленой рубашке с закатанными рукавами, без галстука, в брюках цвета хаки, был крупным и представительным, а прокурор округа — лет на двадцать моложе, в своем темно-сером костюме, белой сорочке и темно-бордовом галстуке и казался невысоким и стройным. Досон перевел взгляд на меня, хотел что-то сказать, но вместо этого обратился к Лили:

— Вы не мой клиент. Мой клиент мистер Грив. Но вы,

мисс, уплатили аванс и обещали выплатить гонорар адвокату. Поэтому я хочу спросить у вас, не консультировались ли вы... эээ... не обращались ли вы еще к кому-нибудь в связи с этим делом?

Лили внимательно посмотрела на него.

— Разумеется, обращалась.

— К кому?

— Ну... к Арчи Гудвину. К миссис Харви Грив. К Мелвину Фоксу. К Вудро Степаняну. К Питеру Инголсу. К Эммету Лейку. К Мими Деффэнд. К Морт...

— Простите, что перебиваю вас. Мне следовало несколько иначе поставить вопрос. Обращались ли вы к местным жителям? К кому-нибудь в Хелине?

Если бы Лили была заурядной женщиной, я бы после подобного вопроса вмешался в разговор, но сейчас я считал это излишним. И оказался прав.

— Скажите, мистер Досон, сколько вам лет, — в свою очередь, спросила она, — и сколько свидетелей со стороны обвинения вы подвергли перекрестному допросу?

Он уставился на нее.

— Полагаю, — продолжала Лили, — блюстители закона тоже люди и могут грубить, но и другие вовсе не обязаны терпеть их хамство. — Она повернулась ко мне. — Что скажете, Арчи? Какое ему дело, обращалась я к кому-то или нет?

— Вот именно, — ответил я, — но дело не в этом. Судя по тому, что сказал мистер Досон, этот вопрос задает вам через него мистер Джессап. Причем он лезет не в свое дело, и они оба ведут себя довольно нагло. Не знаю, как в Монтане, но если бы в Нью-Йорке обвинитель спросил у человека, нанявшего защитника, к кому еще тот обращался за помощью, этим бы наверняка заинтересовалась коллегия адвокатов. Но раз уж вы спросили мое мнение, я на вашем месте велел бы им обоим убраться отсюда.

Лили посмотрела на одного, потом на другого и сказала:

— Проваливайте отсюда!

Но тут ко мне обратился Досон:

— Вы совершенно неправильно истолковали ситуацию, мистер Гудвин.

Я прервал его:

— Послушайте, мистер Досон! Я не удивляюсь, что вы все сами испортили, ведь вы сказали: дело довольно обычное. Если бы вы не запаниковали, у вас все пошло бы как по маслу. Значит, произошло нечто такое, из-за чего у мистера Джессапа создалось впечатление, будто еще кто-то вмешался в это дело, и он подозревает, что тут не обошлось без мисс Роуэн. Именно это ему и хочется знать, вам — тоже. Наверное, вам следовало бы рассказать мисс Роуэн, что же именно произошло, а уж потом спрашивать, имеет ли она к

этому отношению. И язык бы у вас не отсох, если бы вы при этом произнесли «пожалуйста». А если вы не желаете поступить подобным образом, тогда вам придется убраться.

Выслушав мой страстный монолог, Досон взглянул на прокурора округа.

— Я бы хотел, чтобы все уяснили: дело строго конфиденциальное, — произнес он.

Досон кивнул, а Лили сказала:

— Если вы хотите, чтобы мы дали слово никому ничего не рассказывать, то это пустой номер. Мы не собираемся трезвонить, но и никаких обещаний не дадим.

Досон повернулся к Джессапу и спросил:

— Что скажете на это, Том?

— Нужно посоветоваться, — ответил Джессап.

Он встал и обратился к Лили:

— Разрешите оставить вас на минуту, мисс Роуэн?

Лили кивнула, и мужчины направились к своей машине. Когда они зашли за нее, Лили спросила, есть ли у меня какие-нибудь соображения? Я поднял вверх руку и сказал, улыбаясь, что ставлю два против одного, что что-то случилось, но что именно, не знаю.

Совещание длилось недолго. Я бы несколько не удивился, если бы Досон подошел один и извинился за причиненное беспокойство, но через несколько минут они вернулись оба. Усевшись, Досон произнес:

— Прошу правильно меня понять: я здесь только потому, что мистер Джессап посчитал это уместным, и я согласился. — Досон сосредоточил взгляд на Лили. — Вы, мисс Роуэн, можете, конечно, не давать нам слова, но я заявляю, что разделяю надежду прокурора округа на то, что вы отнесетесь к его сообщению как к конфиденциальному. Если бы его сделал я, это даже была бы информация из вторых рук, поэтому передаю слово мистеру Джессапу.

За последние пять дней я трижды пытался попасть к Томасу Р. Джессапу для частного разговора, но так и не смог. Нет закона, согласно которому обвинитель обязан беседовать с одним или со всеми друзьями обвиняемого. Допрашивал меня как возможного подозреваемого или главного свидетеля Морли Хейт, шериф. Раньше я видел Джессапа лишь издали, и вот теперь у меня появилась возможность присмотреться к нему повнимательней.

Он улыбнулся Лили улыбкой дипломата и заговорил:

— Прошу извинить нас за возникшее недоразумение, мисс Роуэн. Мистер Гудвин сказал, что язык бы у нас не отсох, если бы мы произнесли слово «пожалуйста». Вот я и говорю: пожалуйста. Пожалуйста, отнеситесь к моему сообщению как к конфиденциальному. Мистер Гудвин заявил, что нам следует рассказать вам, что именно произошло, и я сейчас вам все расскажу. Это займет немного времени. Рано утром мне позвонили от имени одного высокопоставленного

лица из Хелины и пригласили к нему. Меня попросили прихватить с собой папки по делу Харви Грива. Я отправился в Хелину и провел с этим человеком почти три часа. Он попросил представить подробный отчет и, после того как я продиктовал отчет его секретарю, принялся задавать вопросы.

Он снова улыбнулся, словно присутствовал на политическом рауте — сначала Лили, потом мне, потом — снова Лили.

— Это было весьма необычно. Насколько мне известно, беспрецедентный случай, когда, чтобы главный... это официальное лицо штата в столь срочном порядке вызывает прокурора округа в Хелину представить подробный отчет о деле, которое тот ведет. Да еще по делу об убийстве. Разумеется, я спросил, чем вызвал столь неожиданный интерес, но объяснения не получил. Выйдя из его кабинета, я оставался в абсолютном неведении, зачем меня вызывали... Я проехал миль двадцать в сторону Тимбербурга, прежде чем мне пришлось в голову, что тут, вероятно, могли... э-ээ... вмешаться вы. Вы, мисс Роуэн, обеспокоены судьбой Харви Грива. Вы от его имени дали задаток Лютеру Досону, видному члену коллегии адвокатов Монтаны. О ваших политических связях мне ничего не известно, но женщина с таким, как у вас, происхождением, положением и богатством должна... наверняка знакома со многими важными персонами. Тогда я поехал к мистеру Досону и описал ему ситуацию. Он сказал, что ни о каком обращении к... к этому официальному лицу ему ничего не известно, и после некоторого раздумья согласился, что было бы резонно спросить об этом вас, и позвонил вам. Я ни в коем случае не пытаюсь подвести к мысли, будто вы вели себя неподобающим образом. Но если высокое должностное лицо штата собирается... э-э... вмешаться в ход важного дела, которое ведет прокурор округа, я имею право и желаю знать, почему это происходит. И вполне естественно, мистер Досон как защитник тоже. — Джессап перевел дух и снова улыбнулся. — Разумеется, если то, что сказал я, конфиденциально, ваш ответ тоже будет считаться конфиденциальным.

Если бы они знали Лили, как я, они бы поняли — легкое круговое движение носка ее туфли означало, что она в бешенстве. К тому же один ее глаз, левый, был прищурен чуть больше правого, что было еще хуже.

— Вы спрашиваете меня, — заговорила она, — не использовала ли я какие-нибудь рычаги в Хелине?

— Ну... я бы выразился не совсем так.

— А я бы выразилась и выражаюсь именно так. То, что говорю я, мистер Джессап, не конфиденциально. Я утверждаю, что это вы вели себя неподобающим образом! С чего бы вам вообще о чем-то меня спрашивать или ожидать, буд-

то я вам что-то скажу? Идите и посидите в машине! Мистер Досон через минуту к вам присоединится.

— Уверяю вас, мисс Роуэн...

— Черт побери, вы хотите, чтобы мистер Гудвин помог вам?

Джессап посмотрел на меня, потом на Досона — Досон покачал головой. Джессап встал и с достоинством не спеша удалился. Когда он оказался в машине, в двадцати шагах от нас, Лили повернулась к защитнику.

— Право, не знаю, мистер Досон, подобающим ли образом вели себя вы. Если ваше поведение и было пристойно, оно мне все равно не нравится. Однако я облегчу вам задачу, с тем чтобы вы могли использовать все свои возможности для защиты ваших клиентов, включая и Харви Грива. Я ни к кому не обращалась и ни с кем не советовалась, кроме вас. И я понятия не имею, почему какой-то там чиновник штата интересуется этим делом. А вы, Арчи?

— Тоже не прибегал ни к чьим услугам.

— Тогда с этим покончено! Пошли выпьем.

Лили направилась в хижину, и я последовал за ней.

Внутри дома она свернула налево, к двери в длинный коридор, но я немного задержался в гостиной и увидел, как Досон присоединился к Джессапу. Когда машина скрылась за поворотом, я прошел в коридор, а оттуда на кухню. Лили накладывала кубики льда в кувшин, а Мими стояла у центрального стола и резала помидоры, привезенные мною из магазина Вотера.

— Я пытаюсь вспомнить, — сказала Лили, — бывала ли я когда-нибудь в таком бешенстве, как сейчас?

— Разумеется, — сказал я. — И неоднократно! — Я вытащил бумажник, извлек из него два однодолларовых банкнота и предложил ей. — Ты выиграла, черт побери!

— Что выиграла?

Круглые синие глаза Мими на ее круглом лице, которое вполне гармонировало со всеми прочими ее округлостями, зыркнули по банкнотам и вернулись к помидорам. В ее присутствии мы говорили так же свободно, как я беседовал с Вулфом в присутствии Фрица.

— Я же сказал, — напомнил я Лили, — ставлю два против одного, что грянет какая-то перемена. Однако ничего подобного не произошло.

— Но я же не приняла пари. Впрочем, откуда тебе известно? Если высокопоставленный чиновник штата интересуется...

— Да, главный прокурор штата. — Я сунул банкноты в карман и достал с полки бутылки с джином и вермутом. — Один раз Джессап чуть не проговорился. Неужели ты не догадалась, кому предназначался этот отчет?

— Нет. — Она слегка наклонила голову. — Значит, ты все-таки к кому-то обращался?

— Нет, не я. Но ставлю десять против одного, что знаю, кто это сделал. Я же сыщик, и мне полагается все предусматривать. То письмо я отправил в субботу. Вулф получил его вчера утром, а когда поднялся к орхидеям, Теодору досталось от него больше, чем обычно. За ланчем у Вулфа не было аппетита. Он склонен думать, будто без меня не может обойтись. Из моего письма нельзя понять, когда я вернусь — через неделю, две, через месяц, два месяца, — а он не терпит неопределенности.

— И он незамедлительно позвонил главному прокурору Монтаны и потребовал подробный отчет?

— Нет, не ему, но кому-то точно позвонил. — Все ингредиенты уже были в кувшине, и я принялся размешивать его содержимое стеклянной палочкой. — Многие весьма признательны ему за то, что он когда-то для них сделал — даже после выплаты гонорара. И среди них найдется несколько человек, кто может позвонить губернатору или даже президенту, не говоря уже о каком-то там главном прокуроре. Он позвонил одному из них, может, даже и не одному, а уж тот позвонил в Хелину. Он просил не о каком-то одолжении, а всего лишь дать отчет. Суть его поисков, вероятно, сведется к тому, что все улики против Харви Грива окажутся неубедительными. Если он уже получит отчет по телефону, то за ужином у него вообще не будет аппетита. — Я посмотрел на часы. — Сейчас в Нью-Йорке семь тридцать две, он как раз за столом.

Я отложил палочку — коктейль был готов. Взяв бокал, Лили сказала:

— Признаю, в твоей догадке что-то есть, но все же до конца ты не уверен. И я тоже. Конечно, перемена возможна... — Она высоко подняла бокал. — За Харви!

— Десять против одного! За Харви!

Насколько успешно я заключил пари, зависело от того, следует ли рассматривать как перемену то, что произошло много часов спустя, приблизительно в восемь вечера. А это, в свою очередь, зависело бы от человека, который и стал бы это рассматривать. День я провел, рыская по округе в тщетных попытках отыскать какой-нибудь камень, под которым хоть что-нибудь лежало. За ужином я был молчалив, а после кофе заявил, что мне надо написать письмо, и ушел к себе в комнату. Мне и впрямь хотелось что-то написать, но только не письмо. Доведенный до отчаяния, я собирался сделать нечто такое, чего еще сроду не делал: записать все факты, которые собрал за десять дней. Я хотел попытаться отыскать какие-нибудь связи или противоречия, которые бы хоть на что-то меня натолкнули. Я сидел за столом у открытого окна, раздумывая, с чего начать, как вдруг услышал шум подъехавшей машины. Видеть ее я не мог — моя комната выходила на ручей, — поэтому стремительно

бросился в гостиную, что свидетельствует о том, какое я испытывал нетерпение.

Диана сидела за фортепиано, а Лили подошла к двери и смотрела во двор. Я присоединился к ней. Около хижины стояло такси из Тимбербурга. Уже сгущались сумерки, но было еще достаточно светло, чтобы увидеть, как водитель высунул голову из окошка и крикнул:

— Это дом Лили Роуэн?

Я открыл дверь, вышел наружу и громко сказал «да». Задняя дверца такси распахнулась, и из нее показалась спина какого-то человека. Такая широкая спина могла быть только у Ниро Вулфа, а когда он выпрямился и повернулся, оказалось, что и грудь тоже его. Лили, стоявшая рядом со мной, произнесла:

— Гора идет к Магомету.

И мы направились ему навстречу.

IV

Ниро Вулф никогда не здоровается за руку с женщиной и очень редко здоровается с мужчиной. Но, оказавшись в этом благословенном краю, люди расслабляются, и, когда его рука отпустила мою, он подал ее Лили, сказав при этом:

— Приношу извинения. Мне следовало бы вначале позвонить. Вы, вероятно, страшно не любите незваных гостей. Я и сам их не люблю. Я вас не побеспокою. Мне надо только поговорить с мистером Гудвином.

— К гостям, проделавшим две тысячи миль, я проявляю снисходительность, — ответила Лили. — Ваш багаж в машине?

— Он в Тимбербурге. То есть почти там — в одном местечке под названием «Шейфер-крик мотель». У меня предложение, — обратился ко мне Вулф. — Тот мужчина — адский водитель, и его колымага может в любую минуту развалиться. Если здесь есть машина, я отпускаю его, а вы отвезете меня, после того как мы все обсудим.

Я повернулся к Лили.

— Он считает, будто все машины ненадежны. Если вам автомобиль не понадобится...

— Что за глупости, — перебила меня Лили и обратилась к Вулфу: — Разумеется, спать вы будете здесь. У нас есть комната с кроватью. После дня, проведенного в самолетах и автомобилях, вы и сами-то, наверное, того и гляди развалитесь. Арчи распорядится съездить за вашим багажом, а я покажу вам комнату. Она с ванной. Вы обедали?

— Мисс Роуэн, я не стану злоупотреблять...

— Послушайте. Вы привыкли, что все зависит от вас, а теперь сами попадаете ко мне в зависимость. Машины для вас не будет. Вы обедали?

— Да, я поел. Мне еще нужно оплатить счет.

Я сказал, что позабочусь об этом. Выйдя, поговорил с таксистом. Идея съездить за вещами в мотель ему явно не понравилась, но, когда я сказал, что его пассажир сможет туда вернуться лишь далеко за полночь, он согласился, что лучше съездить за багажом, чем торчать тут в ожидании. Я дал ему деньги на оплату счета в мотеле, он развернулся и покатил по аллее, а я, пройдя к хижине по длинному коридору, направился к открытой двери в дальнем его конце. Опустив подбородок на грудь и закрыв глаза, Ниро Вулф сидел в кресле у открытого окна. Я остановился и посмотрел на него. В тот момент он, вероятно, был единственным человеком в округе Монро, кто носил жилетку. И она, как и брюки с пиджаком, разумеется, была темно-синего цвета. В мотеле он переоделся: манжеты и воротничок его желтой сорочки были хорошо отутюжены. Синий галстук казался чуть темнее костюма. Бедра моего патрона едва помещались между подлокотниками плетеного кресла.

— Путешествие было приятным? — поинтересовался я.

— Там что, ручей? — спросил он и открыл глаза.

— Да, называется Берри-крик. Знай мы, что вы приедете, на завтрак была бы форель. Вы долго здесь пробудете?

— Фу.

Я прошел и сел в кресло.

— Именно так зовут моего жеребца. Мисс Роуэн назвала свою кобылу Кошкой, а я назвал своего коня — моего, на время, когда я бываю здесь, — Фу, потому что он немного капризен. Местные называют его Фи. Если вы собираетесь поехать по горам, рекомендую вам одного голубка по кличке Спотти, потому что с вашими формами...

— Заткнись.

Затыкаться я не собирался, но мне пришлось все-таки сделать это, потому что вошла Лили с подносом, и я встал, чтобы взять его. На подносе были два стакана, бутылка пива, открывалка, кувшин с молоком и бумажные салфетки.

— О полотенцах я позаботилась, — сказала Лили и добавила: — Я принесла всего одну бутылку, вы ведь любите, чтоб пиво было холодным. Что-нибудь еще?

— Если потребуется, сам принесу. Ты нам можешь понадобиться, поэтому далеко не уходи, — попросил я.

Она сказала, что будет поблизости, и вышла. Я поставил поднос на стол перед Вулфом, он наклонил к себе бутылку, изучил этикетку — «Горная пивоварня, Бутте», — и, открыв, налил пиво в стакан.

— Неплохое, — сказал я. — Тут, правда, есть еще и другого сорта, но в него, по-моему, добавляют медь.

Вулф подождал, пока в стакане осядет пена, и выпил пиво медленными глотками.

— Я бы предпочел лечь спать, — сказал он. — Сомневаюсь, что смогу работать, но все же попытаюсь. Твое письмо получил. Оно пришло в понедельник, позавчера. Из

него я не все понял. Мне захотелось узнать побольше, и я позвонил кое-кому. Вначале мистеру Оливеру Макфарленду — ты его помнишь?

— Конечно.

— Он мне многим обязан. У него широкие интересы в банковском деле и в горнодобывающей промышленности данного региона. Вчера вечером по его просьбе мне позволил главный прокурор Монтаны. Если факты таковы, как он их изложил, завтра утром ты сможешь вернуться вместе со мной.

Я кивнул.

— На обсуждение у нас уйдет какое-то время, поэтому есть смысл взять кресло побольше и получше этого. Встаньте, пожалуйста, я заменю ваше кресло. Мне так же неудобно смотреть на вас, как вам сидеть в нем.

Вулф попытался встать, но его бедра застряли между подлокотниками и приподняли кресло. Он с трудом выбрался из него и выпрямился. Я забрал кресло и прошел в гостиную. Лили сидела у камина с Дианой и Уэйдом Уорти и рассказывала им, очевидно, о приезде нового гостя. Увидев меня с креслом, она воскликнула:

— Как же я сама не догадалась! Вон оно!

Взяв кресло, покрытое шкурой с оленьего брюшка, я вернулся в комнату Вулфа. За это время бутылка опустела, поэтому я сходил на кухню и принес еще одну. Себе я налил стакан молока. В более просторном кресле Вулф и смотрелся лучше и, разумеется, лучше себя чувствовал.

— Я изложу вам лишь основные факты, — сказал я. — Если я держусь более непринужденно, чем обычно, то, наверное, потому, что нахожусь в отпуске без сохранения содержания. Я не думаю, что цель вашего приезда — увезти меня домой. Вы знаете меня не хуже, чем я знаю вас. Я написал вам, что ставлю пятьдесят против одного, что Харви чист. А вы знаете, что я держу такие рискованные пари, только когда бываю абсолютно уверен в выигрыше. Думаю, вы приехали ознакомиться с моими фактами и подсказать, какие шаги мне предпринять для ускорения дела. Я полагаю, вам известно от главного прокурора, что весной дочь Харви родила младенца и сказала Харви и Кэрол — своему отцу и своей матери, — что отец ребенка — Филип Броделл, дьюд, который отдыхал на соседнем ранчо прошлым летом. Вскоре об этом уже знала вся округа.

— Таковы факты?

— Именно. Этим летом, двадцать второго июля, в понедельник, Броделл снова появился здесь. Три дня спустя...

— Остановись. Конечно, ты в отпуске без сохранения содержания, но позволь уж закончить мне. В четверг, около трех часов дня, Броделл поднялся на какой-то холм за ягодами. Он не вернулся к вечерней трапезе, люди забеспокоились, а с наступлением темноты начали поиски. Примерно в

половине десятого некий Сэмюэл Пикок обнаружил тело Броделла на валуне, почти у самой вершины холма. В него стреляли дважды: в плечо и в шею. Пуль или гильз не нашли, но сами раны указывали на то, что выстрелы были произведены из ружья крупного калибра. Медицинское освидетельствование показало, что умер он между тремя и шестью часами. Первый предел установлен в силу того, что около трех Броделла видели живым четыре человека; ближе к истине, вероятно, второй предел. Ты с чем-нибудь не согласен?

— Вовсе нет. — Я отпил молока. — Надеюсь, прокурор звонил не за ваш счет?

— Нет. Я задал много вопросов. Ты не оспариваешь, что у мистера Грива был мотив для убийства?

— Разумеется, был.

— Тогда рассмотрим вероятность убийства. Грив не имеет алиби с часу дня. Он говорит, будто искал отбившуюся скотину, но подтвердить это пекому. На лошади можно подъехать примерно за милю до того места, где было обнаружено тело. Теперь об орудиях убийства. Он имел доступ к трем ружьям указанного типа, два находились у него дома и одно — в спальне для работников ранчо.

— Ни одно из приведенных доказательств не удовлетворило бы ни вас, ни присяжных. Жена и дочь Харви Грива утверждают, что ружья в тот день из дома никто не брал, а Мел Фокс говорит, что и его ружье висело на своем месте в комнате. Я понимаю, жена с дочерью не могли сказать иначе, а Мел и сам носился в тот день верхом по округе.

— Теперь подробности. У людей, которые могли иметь тот же мотив для убийства, как и у него, есть алиби. Алиби проверены и подтверждены. Их фамилий мне не сообщали, но...

— Это Кэрол и Алма, жена и дочь Харви, а также парень по имени Гилберт Хейт. Что касается жены и дочери, тут полный порядок. Паренек же все еще в моем списке. Его отец — шериф округа. Хейт хотел жениться на Алме и говорит, что по-прежнему готов это сделать — паренек, не шериф.

— В самом деле? — Бровь у Ниро Вулфа поднялась. — Ты оспариваешь его алиби?

— Я совсем немного над ним поработал. Беда в том, что я — дьюд. А дьюд в здешних краях примерно в таком же положении, как хиппи в воскресной школе: существует проблема коммуникации. Вы бы и сами это почувствовали, если бы остались. Есть еще подробности?

— Да, — продолжал Вулф. — Через день после появления здесь мистера Броделла два человека слышали, как мистер Грив в их присутствии заявил: «Поденок с такой толстой шкурой не имеет право на жизнь». К тому же...

— Я это тоже слышал. Выразился он несколько по-другому, но за смысл я ручаюсь.

— К тому же, — продолжал Вулф, — в пятницу, на другой день после убийства Броделла, он съездил в Тимбербург и купил бутылку шампанского — такая покупка для него весьма нехарактерна, — а вечером выпил бутылку с женой и дочерью. Далее...

— Ничего себе телефонный разговорчик. Зная, какие чувства Харви испытывает к Броделлу, я удивился, что он купил не две бутылки, или даже целый ящик, и не устроил вечеринку. — Я выпил молока.

— А на следующий день, когда отец Броделла, прилетевший из Сент-Луиса за телом сына, пошел посмотреть на Грива, тот на него набросился, — закончил Вулф.

— Он поставил ему синяк под глазом. Жаль, что отец слишком стар и оказался не в состоянии его хорошенько избить. Однако здесь все знают, что дергать Харви за нос не следует. Еще что-нибудь?

— Разве этого мало?

— Для присяжных, возможно, и хватит. На этом телефонный разговор закончился?

— В общем-то, да.

— Теперь моя очередь. В том письме я предлагал пари: пятьдесят против одного, и по-прежнему предлагаю. Я знаю Харви, знает его и мисс Роуэн. У меня нет ни малейшего сомнения в его невинности и ни одной улики против кого бы то ни было другого. Кстати, главный прокурор не намекнул, что первая пуля, попавшая Броделлу в плечо, была выпущена сзади?

— Нет. — Вулф открыл вторую бутылку пива.

— Ему стреляли в спину. Броделл стоял на валуне, лицом к вершине холма, а убийца подкрался снизу. После первого выстрела Броделл повернулся и стоял к убийце лицом — тут вторая пуля и угодила бедняге в шею. Харви Грив не мог быть этим убийцей. Я не верю, чтобы он без всякого предупреждения выстрелил человеку в спину. Вы убедите меня в этом, только если парежете маринованных пикулей, польете их кленовым сиропом и приметесь есть ложкой. Все здесь знают, что Харви — лучший стрелок в округе. Если бы он выстрелил человеку в спину, он бы попал не в плечо. А второй выстрел — в шею? Вздор какой-то!

Вулф нахмурился. Он выпил пиво и отставил стакан в сторону.

— Арчи, чувства явно мешают твоему мыслительному процессу. Если всем известно, что Грив прекрасный стрелок, значит, представить все таким образом, будто убийца не был хорошим стрелком, — весьма удобная уловка.

— Только не для Харви. Он не так устроен. Слово «улов-

ка» не для него. Харви не мог подкрасться к человеку тайком и выстрелить в спину. Ставлю сто против одного.

Вулф нахмурился еще больше.

— Все это вздор! Какая уж тут беспристрастность! Обосновывать заключение — о виновности или невиновности человека, исходя лишь из знания его характера, — чушь собачья, и ты это знаешь, Арчи. Фу.

Я одарил его благодарной улыбкой.

— Прекрасно. Наконец-то вы высказались. Вы были правы, голова у вас сегодня плохо варит. Два с лишним года назад вы сами обосновали заключение о невиновности Орри Кэсера всего лишь на знании Солом Пэнзером его характера. Вы сомневались и даже советовались с Фредом и со мной, но все решил Сол¹. Очень жаль, что мое мнение ценится не так высоко, как мнение Сола. Но у меня есть поддержка со стороны мисс Роуэн. В одиннадцать утра из Хелины вылетает самолет...

Морщины на лице Вулфа разгладились, но губы сжались и образовали тонкую прямую линию. Он вылил остаток пива в стакан, подождал, пока осядет пена, и выпил. Потом оперся на подлокотники кресла и приподнял свое массивное тело весом в одну седьмую часть тонны, повернулся к окну, закрыл его, снова сел и спросил:

— Есть ли в этом доме электрическое одеяло?

— Вероятно, есть. Спрошу у мисс Роуэн. Когда я почью с субботы на воскресенье ложился в постель, было тридцать шесть градусов выше нуля². Ладно уж, отвезу вас в Хелину. Чтобы успеть на этот рейс, придется выехать раньше семи часов. Пожалуй, лучше сделать предварительный заказ, чтобы забронировали вам место.

Вулф набрал носом полную грудь воздуха и выпустил его через рот. Потом повторил процедуру. Посмотрел на кровать, на туалетный столик, на дверь в ванную и лишь затем на меня.

— Кто спал в этой комнате прошлой ночью?

— Никто.

— Приведи мисс Роуэн и... Нет, ты же в отпуске, Арчи. Будь добр, спроси у мисс Роуэн, может ли она присоединиться к нам?

— С удовольствием.

Проходя мимо двери комнаты Уэйда, я услышал стрекот его машинки, но не «ундервуда». В гостиной Диана с журналом, а Лили с книгой сидели в креслах у камина, в котором, как обычно по вечерам, горели шестифутовые поленья. Я сказал Лили, что ее новый гость желает знать, будет ли она так любезна присоединиться к нам. Она отложила книгу, встала и пошла со мной.

¹ См. роман Р. Стаута «Смерть милой».

² По Фаренгейту.

Я полагал, Вулф начнет расспрашивать Лили о характере Харви, но он этого не сделал. Когда она спросила, не надо ли ему чего, он запрокинул голову и сказал:

— Сделайте одолжение, мисс Роуэн. Сядьте. Я не люблю говорить с людьми, глядя на них снизу вверх или сверху вниз. Предпочитаю, чтобы наши глаза были на одном уровне.

Я подвинул к Лили кресло.

— Если бы я знала, что вы приедете, — сказала она, усевшись, — я бы поставила в этой комнате вазу с орхидеями.

Вулф хмыкнул.

— Мне сейчас не до орхидей. Я в затруднительном положении. Мне необходимо побыть именно здесь, чтобы иметь возможность общаться с мистером Гудвином, но я не знаю, как долго это продлится. Заведение около Тимбербурга, где я остановился, в общем-то, чистое, но пребывание в нем было бы для меня мукой. К тому же далековато. Человек, направляющийся в гости, достоин сожаления, но альтернативы у меня нет. Могу я занять эту комнату?

— Разумеется. — Лили пыталась сдержать улыбку. — Арчи как-то процитировал вас: «Гость — это драгоценный камень на подушечке гостеприимства». Я слишком много о вас знаю, чтобы принимать вас за драгоценный камень, но и ничего особенно дурного в вас не нахожу. Вы, мистер Вулф, могли бы просто послать Арчи за мной, вместо того чтобы, предварительно извинившись, приглашать меня. Впрочем, вы обставили это очень мило. Мне известно, как вы относитесь к гостям: я имела честь обедать у вас дома. Однако, прежде чем лечь спать, скажите мне, не нужно ли вам чего?

— Я позволил себе смелость спросить у мистера Гудвина, пет ли у вас электрического одеяла.

— Разумеется, есть. — Она встала. — Что-нибудь еще?

— В данный момент — ничего. Сядьте... пожалуйста. Когда мистер Гудвин расскажет мне, чем он занимался, мы обсудим, что следует предпринять. Я буду задавать вопросы, и вы, возможно, ответите на них лучше, чем он. Вы остаетесь?

— Да, конечно.

— Очень хорошо. Мой первый вопрос к вам, мисс Роуэн. Скажите, где вы провели вторую половину дня в четверг двадцать пятого июля?

— Ловила рыбу в Фиштейл-ривер, — сказала она. — В середине лета форели в ручье мало, и, чтобы наполнить корзину, приходится ходить на реку. Примерно в час дня мы с Арчи перекусили у заводи. Лошадей своих мы оставили у начала тропы. — Она повернулась ко мне. — Как далеко мы находились от Блю-Граус-Ридж?

— Милих в десяти-двенадцати.

Лили снова повернулась к Вулфу.

— Блю-Граус-Ридж — место, где убили Филипа Броделла. После ленча мы снова ловили рыбу, потом решили испустаться — вода поправилась бы лишь белому медведю, — затем наблюдали, как бобры чинят плотину в ручье. Арчи запустил камнем в медведя — бурого, не белого, — который прыгнул в заводь, чтобы переплыть на другой берег, как раз когда Арчи попала на крючок красноперка. Мы вернулись домой уже в сумерках, и Диана — моя гостя — сказала, что звонил Билл Фарнхэм и спрашивал, не у нас ли Филип Броделл.

— А что такое красноперка?

— Форель с красной полоской. Если б у меня был головной убор, я вставила бы в него перо¹ — ведь я употребила слово, которое вы не знали.

— Есть тысячи слов, которых я не знаю. — Вулф повернулся ко мне. — Если бы вы, Арчи, не исключили мисс Роуэн из списка подозреваемых, вы бы не остались ее гостем. Я провел долгий утомительный день и так устал, что туго соображаю. Я даже не спросил вас, не вы ли застрелили этого человека?

— А я все гадал, почему же вы не спрашиваете?

— Я устал. Но если я обнаружу, что не поспеваю за тобой, я тебе так и скажу. Докладывай.

— Вынужден спросить — зачем? Вы сказали, что не знаете, как долго здесь пробудете. Если вы намереваетесь проверить наше заключение о Харви и пожелать нам удачи, тогда какой смысл в том, чтобы...

— Но как я могу проверить заключение? Я могу либо принять его, либо отвергнуть. Ну что ж, я его принимаю. Продолжительность моего пребывания здесь зависит от того, сколько времени нам потребуется, чтобы доказать невиновность вашего приятеля.

— Нам?!

— Да.

Я вскинул бровь.

— Право, даже и не знаю. Конечно, вы желаете нам добра, и я это ценю, но все же есть «но». Во-первых, мы еще сроду так вместе не работали. Мы на равных, и оба — гости мисс Роуэн. Вы не станете платить мне за то, что я буду у вас на побегушках. Я мог заартачиться, если б считал...

— Вздор. Ты, как и я, благоразумен.

— Не всегда. И особенно вы. Я был свидетелем того, как вы... впрочем, нет смысла говорить об этом сейчас, ведь наш тандем может и сработать. Во всяком случае, попробоваться можно. Во-вторых, вы окажетесь в таком же затрудни-

¹ Аллюзия на известное выражение, возникшее в связи со старым обычаем индейцев носить столько перьев в головном уборе, сколько убито врагов.

тельном положении, как и я. Никто вам ничего не скажет. Я, как вам известно, бывал здесь и прежде, но люди, которые травили со мной байки, играли в пинокль и гонялись за койтомами, мгновенно умолкали, когда я хотел поговорить с ними об убийстве. Я уже десять дней бьюсь над всем этим, и результат пока плачевен. А ведь вы не просто дюд, вы еще и совершенно незнакомый человек, да к тому же чужак, который носит жилет. Даже если бы вы и попросили меня пойти и привести кого-нибудь из тех, кого вам захочется увидеть, и я бы его привел, все равно после его ухода вы знали бы ничуть не больше, чем знали до прихода.

— Арчи, — перебил меня Вулф, — если заключение отпосительно мистера Грива обосновано и я его принял, значит, есть человек, который может его подтвердить. Мое присутствие здесь затруднит тебе работу?

— Нет.

— Очень хорошо. Мисс Роуэн сказала, что я могу занять эту комнату. И я бы с удовольствием просмотрел подробный отчет.

— На это ушла бы вся ночь. Нам лучше лечь спать, а...

— Я не могу лечь, пока не привезут мой багаж.

— О'кей. Еще пива?

Он отказался. Я заерзал в кресле и скрестил ноги.

— Это будет самая бесполезная работа, какой мне когда-либо приходилось заниматься. Я потратил десять дней и, как уже сказал, не обнаружил ни одной улики, которая бы меня хоть на кого-то вывела, а подозреваемых уйма. Двое из них, как и вы, гости мисс Роуэн: мисс Диана Кэдэни, актриса из Нью-Йорка, которой еще далеко до Бродвея, но она вознамерилась пробиться туда, и мистер Уэйд Уорти, писатель, тоже. Он составляет план книги, которую собирается написать об отце мисс Роуэн. У них у обоих были орудия убийства. В шкафу кладовки висит ружье — двустволька «модсли». Правда, при стрельбе у любого из них возникли бы проблемы, как попасть из нее в амбар, не говоря уже о том, чтобы попасть в дверь амбара. Впрочем, они это и доказали неделю назад, когда мы с Дианой выступили на пару в стрельбе по мишени против мисс Роуэн и Уэйда. Тут все сходится, поскольку убийца был паршивым стрелком. Так что двое подозреваемых находятся здесь. Шериф Морли Хейт проверил ружье с позволения мисс Роуэн лишь после полудня в пятницу. Оно оказалось хорошо вычищенным. Но ведь за это время можно было успеть обо всем позаботиться.

— А мотивы убийства?

— О них мы еще поговорим. И возможности у них тоже были. Мими Деффэнд, которая будет готовить вам завтрак, если только вы не предпочтете готовить его сами, взяла в тот день отгул, поскольку мы с мисс Роуэн запланировали пикник у реки, и уехала в Тимбербург. Я не расспрашивал ни Диану, ни Уэйда, но из разговоров получается, что она

в этот день была в том месте, которое мы называем второй заводью, и вернулась домой около шести, так что Уорти оставался здесь совершенно один. Итак, алиби ни у одного из них нет, и им бы пришлось изрядно понервничать, если бы на них пало хоть малейшее подозрение. Броделла, заявляет эта парочка, они сроду не видели, хотя Диана все-таки могла его встретить несколько позже. Сам же я имел счастье видеть его в прошлом году — однажды они с Фарнхэмом приезжали на ужип, потом мы ездили к ним. Броделл любил шоу и бывал в Нью-Йорке, не знаю уж, как часто. Я подумывал о том, чтобы написать Солу и попросить его разузнать о возможных контактах между Броделлом и Кэдэни или Броделлом и Уорти. Но вы же знаете эту адскую работу — а платить пришлось бы мисс Роуэн, к тому же пять сотен в неделю.

— Не обеднела бы от этого, — сказала Лили, — но я не могу себе представить, чтобы Диана и Уэйд лгали, утверждая, что в глаза его не видели и ничего о нем не слышали. Это было через день после приезда Броделла, когда я сообщила им, что вернулся отец младенца Алмы.

— Я упустил возможность увидеть их вместе с ним, — продолжал я, — но откуда мне было знать, что через двадцать четыре часа Броделл умрет. Фарнхэм пригласил мисс Роуэн и ее гостей в среду на ужин. Лили с Дианой поехали, а мы с Уорти остались — я могу спокойно сидеть за столом с человеком, соблазнившим девушку. Что же касается Броделла, то к его любимцам я и так никогда себя не причислял, поэтому я не поехал и выиграл восемьдесят центов в карты у Уорти — у него вдруг пропал азарт, и ему захотелось пораньше лечь спать.

Я щелкнул пальцами.

— Эти двое — отличные кандидаты в убийцы. Кроме того, на ранчо Фарнхэма проживают кухарка и служанка, два ковбоя, четыре дьюда и сам Фарнхэм. На «Ранчо Дж. Р.» находятся Флора Итон, которая стирает и работает по дому, и Мел Фокс — он теперь, когда нет Харви, за главного, — и два гуртовщика. Кэрол и Алма, жена и дочь Харви, вычеркнуты мною из списка потому, что у них общее алиби. Я расскажу вам почему, когда займемся деталями. Таким образом, насчитывается пятнадцать подозреваемых, которые находились в непосредственной близости от места убийства и могли добраться до него пешком. Еще прибавьте к ним все взрослое население округа Монро. Любой мог бы подъехать туда, оставить машину примерно в двух милях от того поворота, где вы свернули на нашу аллею, и подняться на хребет. Фарнхэм говорил, что в прошлом году Броделл три или четыре раза бывал в Тимбербурге, — вот я и провел там три дня в поисках его контактов.

— Арчи узнал, что Броделл отвез корзинку черпика де-

вужке, которая продает билеты в кинотеатре, — сказала Лили.

Вулф хмыкнул.

— Он что, любитель ягод и приехал сюда из Сент-Луиса с единственной целью собирать чернику?

Я сказал, что Броделл еще ездил верхом и удил рыбу.

— Из трех дней, проведенных в Тимбербурге, больше всего времени я потратил на Гилберта Хейта — вернее, на людей, которые его знают. Кроме семьи Гривов, он единственный, у кого были основания для убийства. Его алиби, возможно, и липовое, но, чтобы опровергнуть его, пришлось бы доказать, что по меньшей мере три человека лгут, и уличить их во лжи невозможно, поскольку на помощь местных жителей надеяться не приходится, ведь его отец — шериф округа. Одна из проблем в подобной ситуации — личные взаимоотношения. Морли Хейту выгодно держать Харви на крючке — Харви весьма активно выступал против Хейта, когда тот баллотировался в шерифы. Прокурор округа Томас Р. Джессап не очень-то будет копать против Харви, поскольку Харви немного помогал ему на выборах. Однако тянуть время Джессап не сможет — необходимые улики Хейт уже представил. Было бы просто здорово, если бы мы смогли извлечь из данной ситуации собственную выгоду, но я ничего интересного пока не придумал. Я не могу даже пробиться к Джессапу — вероятно, потому, что он считает дело Харви безнадежным и вынужден дать ему ход.

Вулф кивнул.

— Главный прокурор сказал мне, что прокурор округа — человек способный, честный и рассудительный.

— И это, вероятно, справедливо, несмотря на то, что он учудил здесь вчера. Он явился сюда с адвокатом, которого мисс Роуэн наняла для защиты Харви, чтобы задать ей несколько вопросов. Джессапу хотелось знать — им хотелось знать, — не обращалась ли мисс Роуэн...

Я замолчал, услышав шум мотора. Лили встала, по я сказал, что схожу сам, а когда вышел, она последовала за мной на веранду. Это оказалось знакомое нам такси. Водитель уже вытаскивал из задней дверцы большой желтовато-коричневый чемодан, который последние шесть лет простоял в подвальной кладовой старого особняка на 35-й Западной улице. Багаж нового гостя прибыл.

V

На следующий день, в четверг, в четверть четвертого, мы с Вулфом сидели на камнях лицом друг к другу. Мы пробыли в таком положении больше трех часов. Поверхность верхней части камня, на котором он сидел, была ровной и более-менее гладкой, но, главное, довольно просторной для нижней части туловища. Мой камень тоже оказался ровным,

хотя далеко не гладким, но я время от времени вставал. Справа от Вулфа простирались заросли кустарника, слева и сзади росли деревья, главным образом сосны, а перед ним, ярдах в десяти, по каменистому дну легко и плавно нес Берри-крик свои воды к хижине, паходившейся от нас примерно в полумиле.

Накануне вечером мы с Лили решили, что нечего баловать Вулфа, и оставили его одного. Он попал в суровые условия, и ему придется терпеть лишения и неудобства. Пусть теперь сам загружает поднос в кухне и тащит завтрак к себе в комнату. Не хочет заправлять постель — пусть не заправляет. Позже, вернувшись к нему и найдя его под электрическим одеялом, я ознакомил его с заведенным в доме распорядком, но он лишь что-то проворчал и перевернулся на другой бок.

Завтракали мы в девять — обычно все к этому времени уже вставали, лишь Диана частенько спала допоздна. Но в то утро она пришла вовремя — вероятно, потому, что появился новый объект, на котором можно было опробовать свои чары. Разумеется, Мими знала, какой Вулф гурман, и я ухмыльнулся, заметив, что она посыпает яичницу паприкой. Во второй раз ухмыльнулся, когда увидел, что бекопа и хлеба для тостов она нарезала чуть ли не в два раза больше обычного, а вместо трех сортов джема на столе оказалось целых шесть. Усаживаясь, Уэйд Уорти заметил:

— У репутации вроде вашей, мистер Вулф, безусловно, есть свои преимущества. Такое изобилие блюд!

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала Диана. Она нежно притронулась к рукаву Вулфа двумя пальчиками. — Он просто ревнует. Я бы с удовольствием намазала для вас тост маслом.

Вулф отклонил это предложение, но оно его явно растрогало. Да, гость — это драгоценный камень. Мими подала еще тарелку с яйцами, и они тоже оказались с паприкой.

После завтрака мы с Вулфом прошли в его комнату, и я помог ему разложить вещи. Когда я помогал таксисту тащить багаж, я уже заподозрил, что Вулф, уезжая из дома, приготовился к длительному отсутствию. Среди вещей оказался еще один костюм — коричневый в зеленую крапинку, из камвольной ткани, — пара туфель, пять сорочек, десять пар носков, четыре книги, одну из которых он, вероятно, привез в качестве справочника. Это был фолиант Питера Фарба «Возникновение человеческой цивилизации на примере индейцев Северной Америки». Вулф, вероятно, полагал, что среди подозреваемых может оказаться какой-нибудь индеец из племени «черноногих» или из племени чиппева, и ему хотелось знать, что они собой представляют.

Когда мы опорожнили чемодан и разложили его содержимое по ящикам и в шкаф, я предложил:

— На подробный отчет уйдет несколько часов, поэтому

стоит пройти в мою комнату — она в два раза больше этой. Если хотите, можем также поговорить в гостиной или на веранде. Вам, вероятно...

— Нет, — сказал он.

— Что нет? Отчет не нужен?

— Нужен, но только не здесь. Вчера вечером я постоянно возвращался к мысли о том, что нас могут подслушать — через окно, через дверь или через стену. Свои проблемы, Арчи, мы всегда обсуждали с тобой в звуконепроницаемой комнате и в полной безопасности. Здесь же... в доме три женщины, и одна из них совершенно несносна. Черт побери, неужели мы не можем куда-нибудь пойти?

— Если вы имеете в виду какое-нибудь заведение под крышей, тогда — нет, а на природу — пожалуйста. Я знаю с десяток прекрасных мест для пикника. Полки в кладовой уже не ломятся, как месяц назад, но там еще остались осетрина, ветчина, сушеная говядина, сыры — можете выбирать. В холодильнике на кухне половина зажаренной индейки, а температура воды в ручье идеальна для охлаждения пива.

— Как далеко до этих мест?

— До одних — сотня ярдов, до других — сотни миль. Если возьмем лошадей...

Вулф с ненавистью посмотрел на меня и спросил, где кладовая.

Было почти одиннадцать, когда мы уходили из дома через утреннюю веранду. Диана, сидевшая там в кресле, подняла глаза на Вулфа, надула губки и сказала, что с удовольствием бы пошла с нами, но тот даже не отреагировал.

И вот в четверть четвертого мы сидим на камнях на берегу Берри-крик. Остатки ленча, в том числе три пустые жестянки из-под пива, убраны в рюкзак, отчет сделан, на все вопросы отвечено. Разумеется, отчет был неполным, но у Вулфа сложилась общая картина во всех подробностях, поскольку включала в себя фамилии, отношения и связи, гостей и много чего другого. О края камня, на котором сидел Вулф, терлись стволы трех деревьев, и он раз двадцать пытался приспособить их в качестве спинки кресла, но каждый раз терял равновесие. Он попробовал сделать это в очередной раз, но опять неудачно, свалился с камня, встал и хотел было заговорить, но не произнес ни слова, потому что его внимание привлекло что-то у меня за спиной, Вулф поднял палец, нацелил его на что-то и спросил:

— Что это?

Я повернулся. На ветку, примерно в двадцати футах от нас, опустилась большая серая птица.

— Глухая тетеря, — объяснил я. — Из тех тетерок, которые думают, будто все на свете идет по их любимой поговорке: «Мир на земле — добрая воля тетеркам». Можно подкрасться к ней и снять с ветки руками.

— Эти птицы съедобны?

— Конечно, и очень вкусные.

— Тогда почему же они уцелели?

— Я и сам задавался этим вопросом, но если тетеркам не хватает ума, значит, их не зря зовут глупыми тетерьями. Но их здесь совсем мало.

Вулф оперся о дерево, тряхнул сначала правой ногой, затем левой. И закатанные до колен брюки опустились вниз.

— Я намерен кое-что предпринять, — сказал он после всех этих телодвижений. — Вначале позвонить по телефону. Ты писал, что линия мисс Роуэн, вероятно, прослушивается. Но кем? Шерифом или прокурором округа?

— Шерифом.

— Тогда ее телефон не подходит. Есть ли тут телефон, которым я мог бы воспользоваться, не опасаясь, что меня подслушают?

— В Лейм-Хорс. Вы будете звонить в Нью-Йорк? Солу?

— Нет. Мистеру Вилу.

— Я не знаю никакого мистера Вила.

— Я упоминал о нем, — ответил Вулф, — правда, называл не фамилию, а должность. Это главный прокурор в Хелине, у меня есть его номер. Он знает, что я здесь. По моей просьбе мистер Макфарленд позвонил ему вчера еще раз и сообщил, что я приезжаю. Я уже заходил к нему в Хелине, а сейчас мне надо кое-что у него спросить.

Я встал и надел рюкзак, сказав, что машина, вероятно, будет свободна, а если нет, то я возьму автомобиль у кого-нибудь на ранчо, и мы тронулись.

Путь назад оказался для Вулфа труднее, поскольку теперь мы шли под уклон. Мы миновали два-три места, где можно было легко споткнуться и упасть, но, слава Богу, все обошлось. Я вошел в хижину, сбросил рюкзак, списал телефонный номер с бумажки, которую извлек из ящика стола Вулфа, нашел Лили на веранде со стороны ручья, сказал ей, что у нас дело в Лейм-Хорс, и спросил, свободна ли машина. Она ответила утвердительно и поинтересовалась, вернемся ли мы к ужину. Я тоже ответил утвердительно, пояснив, что мы всего лишь собираемся позвонить.

Вулф воспринял машину как должное и быстро влез в нее, что было несколько дерзко со стороны гостя. К тому же он сел спереди, а в своей машине, которую вожу тоже я, он всегда садится сзади — там для него есть ремень.

Я сел за руль, и мы отправились в путь.

Проехав каменистый участок дороги, я сказал:

— Человека, от которого мы хотим позвонить, зовут Вудро Степанян. Он один из немногих, кто считает, что Харви тут абсолютно ни при чем.

— Помню, три года назад ты рассказывал мне, что в Холле культуры тебя пытались заставить читать эссе Бэкона.

— Я вижу, к вам вернулась память. И это может оказаться весьма кстати. — Я сбавил скорость, спустился в

лощину и прибавил газу, когда начался новый подъем. — Вуди и все, с кем вы встретитесь, захотят пожать вам руку. Предрассудков у них в отношении дьюдов и так хватает.

— Мне противна любая формальность, требующая пожатия рук, — проворчал Вулф.

— Да уж знаю. Но что такое еще одно лишение по сравнению с теми, через которые вам пришлось пройти со вчерашнего утра?

Он поджал губы и отвернулся, паблюдая, как мешетчатые крысы ныряют в норы.

Я остановился перед самым входом в заведение Вуди. Вулф, прежде чем войти внутрь, постоял с минуту, обозревая окрестность. Мы направились к столу у стены, где шла игра в скрабл¹, хотя находился там всего один человек — Вуди, — а имена всех четырех игроков были написаны на карточках и лежали напротив свободных стульев: Уильям Шекспир, Джон Милтон, Ралф Уолдо Эмерсон и Вудро Степанин. Мне доводилось видеть это представление и раньше, правда, партнеры менялись, разумеется, за исключением Вуди. При нашем приближении он встал, я представил их с Вулфом друг другу, и мой патрон, как джентльмен, пожал протянутую руку. В тех редких случаях, когда он здоровается за руку, он делает это на совесть.

— Для меня честь познакомиться с вами, — произнес Вуди. — Склоняю перед вами голову. Вы играете в скрабл?

— Нет, — сказал Вулф. — Я вообще ни во что не играю. Я люблю пользоваться словами, а не играть в них.

— Мы приехали попросить вас об одном одолжении, — вступил я в разговор. — Нам надо позвонить по личному делу, а шериф, возможно, прослушивает линию мисс Роуэн. Кстати, она передает вам привет. Можем ли мы воспользоваться вашим аппаратом?

— Конечно, — сказал он и тут же пробормотал себе под нос: «Очередь Милтона» — и вышел на улицу. Вулф направился в угол, где стоял телефон, присел на хлипкий стульчик, и я велел ему набрать сначала код коммутатора, а уж потом сообщить номер. Он скривился, как всегда, когда ему приходилось пользоваться телефоном, и снял трубку.

Поскольку параллельного аппарата для меня не было, я могу лишь сообщить, что сказал Вулф. Он назвал свою фамилию, попросил к телефону мистера Вила и, подождав две-три минуты, произнес:

— Да, у аппарата... Нет, не в Тимбербурге, я остановился в хижине работодателя мистера Грива, у женщины, которой принадлежит это ранчо... Да, у мисс Роуэн. Мне нужно немедленно связаться с мистером Джессапом, и я хотел бы знать, созвонились ли вы с ним... Да-да, понимаю, что падо

¹ Скрабл — название игры в слова на разграфленной доске алфавитными косточками.

соблюдать осторожность... Нет, он этого не сделал, ведь он даже не знает, где я нахожусь... Очень вам признателен, думаю, и мистер Макфарленд тоже будет вам признателен.

Вулф положил трубку, повернулся ко мне и сказал:

— Свяжись с мистером Джессапом. — Он нахмурился и добавил: — Пожалуйста.

Поскольку я уже четыре раза звонил в контору прокурора округа в Тимбербурге, пытаюсь добиться приема, мне даже не нужно было заглядывать в справочник. Стоя у стола, я потянулся к аппарату, набрал номер и сказал секретарше, что Ниро Вулф желает поговорить с мистером Джессапом. Через минуту в трубке послышался его голос:

— Мистер Вулф?

— Арчи Гудвин. Передаю трубку мистеру Вулфу.

И снова я могу сообщить лишь то, что говорил Вулф:

— Мистер Джессап? Ниро Вулф. Я полагаю, мистер Вил говорил с вами обо мне... Да, так он мне сказал. Я хочу поговорить, причем разговор может выйти довольно продолжительный. И лучше не по телефону. Да... Разумеется... Я бы предпочел сегодня... Да, я понимаю... Нет, я в Лейм-Хорс, в кабинете Вудро Степаняна... Нет. Не знаю. Вам лучше поговорить с мистером Гудвином.

Он протянул мне трубку.

— Арчи Гудвин.

— Вы знаете, где кладбище Уэдона?

— Разумеется.

— Я смогу выехать через десять минут — самое большое через двадцать. Встретимся там. С вами кто-нибудь будет, кроме мистера Вулфа?

Я сказал «нет», а он ответил «хорошо» и повесил трубку.

Я бросил Вулфу:

— Мы встретились с ним на кладбище Уэдона, которое от Тимбербурга чуть дальше, чем отсюда. Около десяти миль. Джессап не хочет, чтобы вы приезжали к нему в контору, потому что контора шерифа находится тоже в здании суда.

Я посмотрел на часы: было без пяти минут три. Нужно позвонить мисс Роуэн и предупредить, что мы опоздаем к ужину.

Я позвонил, справился на коммутаторе, сколько мы должны за переговоры, а потом направился к машине, где меня уже ждал Вулф.

Подошел Вуди, я поблагодарил его и уплатил за переговоры, помахал семье Вотеров, которые все еще стояли перед магазином, гадая, с кем это я приехал. Я сел за руль, завел двигатель и направил машину по камням к начинавшемуся вдалеке асфальту.

Мы уже проехали три или четыре мили, когда Вулф сказал:

— Ты нарочно едешь по кочкам?

— А вот и нет — дорога такая. Попробуйте-ка проехать

по ней и не понасть на кочку. К тому же это не ваш «херон» с его специальными рессорами. — При этих словах машина подпрыгнула. — Обсудим, что вы скажете Джессапу?

— Во время этой тряски? Нет уж. Что и как сказать, я решу, когда увижу его.

Если вы захотите посетить кладбище Уэдона, вам следует точно знать, где оно находится. Ни указателя, ни дорожки на пути. Так вот, сразу за рядом осип у шоссе вы проезжаете канаву, сворачиваете направо, огибаете холм и сотни две ярдов следуете по краю узкого ущелья. Когда доберетесь до места, причин для радости, что приехали, не остается. То, что когда-то, вероятно, было домом с крышей, сейчас представляет собой груды развалин, которыми мог бы поиграть Пол Баньен¹, — старые бревна и доски торчат в разные стороны, а другие разбросаны кругом. Можно также увидеть белые, хорошо отполированные кости, но вряд ли их созерцание доставит вам удовольствие. Джонни Вотер говорит, что некоторые из них принадлежат самому Уэдону, хотя и признает, что он не эксперт по костям, а его утверждение, будто гробовщик из Тимбербурга с ним согласен, я так и не проверил.

Автомобиля Джессапа на месте не оказалось. Я развернул машину, заглушил двигатель и сказал:

— Есть предложение. Если он будет сидеть на заднем сиденье, то во время разговора вам придется поворачивать голову. Если же вы пересядете назад, а он сядет со мной рядом, поворачиваться придется ему.

— Я еще никогда не вел важных переговоров в автомобиле, — заявил Вулф.

— Да нет, вели. Один раз с мисс Роуэн, другой — со мной и несколькими посторонними. Память у вас отменная. Как-то раз вы заявили, что у памяти есть ценное свойство отсеивать то, что нам не нужно. А где еще вы хотели бы сидеть? На этом кладбище нет могильных камней.

Вулф открыл дверцу и пересел на заднее сиденье. Я повернулся, посмотрел на него и произнес:

— Ну вот, так гораздо лучше. Когда-нибудь вы поймете, сколько я для вас делаю.

Вулф фыркнул.

— Зачем я приехал сюда? За две тысячи миль от дома...

— Чтобы присутствовать при торжестве справедливости и исправить допущенную другими ошибку. Теперь пасчет Джессапа. Составить о нем представление вам, возможно, поможет следующее: он родился в Монтане, ему сорок один год, счастлив в браке, у него трое детей. Учился в университете в Миссуле, штат Монтана. В своем отчете я не упо-

¹ Пол Баньен — символ «американского духа», герой американского фольклора, которому по плечу все подвиги просто уже в силу того, что он американец.

мянул, что, по словам Лютера Досона, Джессап предпочел бы быть судьей, нежели прокурором, он был четвертым в своей группе в университете и... да вот и он.

Поскольку мы уже развернулись, нам не нужно было нагибаться, чтобы увидеть, как «форд», вынырнув из-за склона, запрыгал по кочкам на краю ущелья. В двадцати ярдах от нас машина остановилась, затем снова двинулась вперед. Я полагал, Джессап, чтобы мы не превосходили его численностью, прихватит кого-нибудь с собой, но он оказался один. Джессап вышел из машины, кивнул мне и подошел к задней дверце. Представился Вулфу и протянул руку в открытое окошко. На какую-то долю секунды я испугался, что Вулф не последует моему совету, но он тоже представился, протянул руку и вошел в физический контакт. Джессап сказал, что, по его мнению, наша машина просторней, чем его, и мы с ним согласились.

Я открыл дверцу, он понял намек и сел.

Потом повернулся ко мне.

— Я приехал послушать, что скажет мистер Вулф, прежде всего я хотел бы кое-что уточнить. Вы сообщили на днях, будто не знаете, почему высокое должностное лицо штата интересуется делом Харви Грива. Теперь стало очевидно, что вы сказали неправду. Вы это знали.

— Послушайте, — ответил я. — Вместо того чтобы обвинять меня во лжи, почему бы еще раз не задать мне тот же самый вопрос? О том, что мистер Вулф предпринял какие-то шаги, я узнал только вчера вечером. В качестве доказательства, что это не ложь, скажу лишь следующее: если бы я знал о его приезде, я бы отправился за ним в Тимбербург или даже в Хелину. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения, поскольку вы уже знаете, что тот отчет был нужен главному прокурору именно для него.

— Да, знаю. — Джессап повернулся и положил колено на сиденье, чтобы удобнее было смотреть назад. — Мистер Вулф, я — служитель закона. Мой начальник сказал мне, что вы приехали рассле... поинтересоваться делом Харви Грива, и попросил меня, да, именно так: «попросил» оказывать вам всяческое содействие.

— Разве он не сказал о сотрудничестве?

— Возможно. Я пытаюсь быть учтивым со всеми моими согражданами и как должностное лицо, и как человек, но прежде всего я ответствен перед людьми этого округа, которые избрали меня. Буду с вами откровенен. С подобной просьбой главный прокурор обратился ко мне впервые. Мне бы не хотелось оставлять ее без внимания — если только я не буду вынужден сделать это. Поэтому прошу и вас быть откровенным со мной. Я хочу, чтобы вы сказали мне, какое давление оказали вы на мистера Вила, если он пошел на такой шаг.

Вулф кивнул.

— Естественно, вам хотелось бы знать, а ведь многие служители закона даже и не подумали бы спросить об этом. Мистер Вил называл какие-нибудь имена?

— Только ваше и мистера Гудвина.

— В таком случае, боюсь, я не смогу быть столь же откровенен, как вы. «Давление», вероятно, слишком сильное слово. В Монтане у меня нет связей — ни политических, ни профессиональных, ни личных — никаких вообще, но они есть у одного моего нью-йоркского знакомого, который ко мне расположен. Раз его не назвал мистер Вил, не могу его назвать и я, скажу лишь, что это человек исключительно честный и порядочный. Я полагаю, он просто попросил мистера Вила об одолжении. Уверен, он не стал бы оказывать никакого давления, но, разумеется, вопрос о чистосердечности моих заверений остается открытым. Вы ведь меня не знаете.

— Ваше имя мне известно. Даже здесь его многие знают. Я звонил двум знакомым в Нью-Йорк — один из них окружной прокурор, — и мне сказали, что вам можно верить на слово, но, имея с вами дело, надо непременно знать, каково же оно, это слово.

Уголок рта у Вулфа приподнялся — для него это было равносильно улыбке.

— То же самое можно было бы сказать и о дельфийском оракуле. А какие, собственно, заверения вы хотели бы от меня получить?

— Вы не сообщите мне фамилию этого человека? Неофициально.

— Но для меня это равносильно официальному сообщению. Если этого не сделал мистер Вил, значит, я тоже не имею права. — Вулф наклонил голову. — Один вопрос, мистер Джессап. Почему вы не спрашиваете, какого рода сотрудничества я от вас ожидаю? Вполне вероятно, вы согласились бы на него, даже не попроси вас об этом мистер Вил.

— Ну что ж, скажите мне.

Вулф закрыл глаза и немного помолчал.

— Я ожидаю, что мне предоставят возможность беспрепятственно вести расследование. В течение десяти дней этим заниматься пытался мистер Гудвин и пришел в отчаяние — ему просто не дают работать. С ним не желают говорить. У него не было никаких полномочий. Он даже не являлся представителем мистера Грива, потому что адвокат, нанятый мисс Роуэн, считает, что Броделла убил именно мистер Грив. И вы в это тоже верите.

— Это не просто вера. Это заключение, основанное на уликах.

— Уликах, представленных мистером Хейтом. Я обвиняю мистера Хейта в бездействии, которое равносильно должностному преступлению. Он имеет предубеждение против обвиняемого. Собрав, как он полагает, достаточно улик на мистера Грива для возбуждения уголовного дела, он не пред-

принял попыток расследовать другие версии. В тот четверг пятнадцать человек могли пешком дойти до места преступления, причем почти все они были в тех или иных отношениях с мистером Броделлом, а мистер Хейт совершенно не обратил на них внимания.

— Вы можете это обосновать?

— Могу, — заявил я. — Они не скажут ничего о Броделле или об убийстве, зато с радостью поведают о Хейте. Спросите их.

— Жену и дочь мистера Грива в число этих пятнадцати я не включаю, — сказал Вулф, — поскольку мы с мистером Гудвином вычеркнули их из списков подозреваемых, мы имеем доказательства, которые убеждают нас, но которые не убедили бы вас. Не приняли бы вы в качестве решающей и улику, которая опять же убедила нас, что мистер Грив невиновен. Мы всего лишь хотим иметь возможность действительно заниматься расследованием. Наверное, нет и доказательства, которое сняло бы вину с мистера Грива, но мы заявляем о своем праве найти его. Для того чтобы...

— Это право я не оспариваю. Его никто не может оспаривать. Продолжайте.

— Но это же просто слова, мистер Джессап, и вы это знаете. Точно так же вы могли бы сказать человеку без ног, что не оспариваете его право ходить. Мы с мистером Гудвином хотим вашей активной поддержки. Конечно, мы можем получить такую поддержку у мистера Хейта, но лучше бы, если ее оказали нам вы. Мне говорили, что в Монтане прокурор округа в основном руководствуется информацией шерифа и полиции штата, но зачастую проводит независимое расследование — либо самостоятельно, либо с помощью сотрудников, а если нужно, то и назначает особых следователей. Мы с мистером Гудвином хотим расследовать это дело для вас. Профессиональная подготовка у нас есть, нам нужны лишь верительные грамоты. Никакой платы за услуги или возмещения расходов мы от вас не потребуем.

— Понятно. — Джессап посмотрел на меня, увидел открытую и мужественную физиономию человека, готового помочь, и снова перевел взгляд на Вулфа. — Вот, значит, как? Это предложил мистер Вил?

— Нет. Это мое предложение, — сказал Вулф. — Очевидно, мистер Вил не исключал такую возможность, иначе бы он не попросил вас встретиться со мной. Имея официальные полномочия, мы не будем выглядеть людьми, сующими нос в свое дело. Отношение к нам изменится, нас станут слушать, и мы будем настаивать на том, чтобы отвечали на наши вопросы.

Джессап улыбнулся, потом решил, что подобный поворот дела заслуживает большего, и добродушно засмеялся, широко открыв рот. Знай я наверняка, что Джессап смеется

над Морли Хейтом, я бы тоже не отказал себе в этом удовольствии.

Джессап посмотрел на Вулфа.

— Над этим надо подумать.

Тот кивнул.

— Ситуация этого заслуживает.

— Не знаю, представляете ли вы, как это может сказаться на моей карьере, — сказал Джессап. — Вы вызовете возмущение в округе и уедете, а я тут останусь...

— Зато и все заслуженные нами лавры навсегда останутся у вас, — прервал его Вулф.

— Да — если вы их заслужите. От вашего расследования зависело бы мое будущее. Очевидно, вы надеетесь доказать, что Грив невиновен, но ведь при имеющихся уликах доказать это невозможно, если только вы не предъявите обвинения кому-то другому. Но кому?

— Не имею представления. Впрочем, мистер Гудвин также. У нас даже нет конкретного подозреваемого. У нас есть лишь твердое убеждение — оно удовлетворяет нас, но не удовлетворило бы вас, — что мистер Грив невиновен, и мы намерены это доказать.

— Даже если я откажусь сотрудничать с вами?

— Да. Если вы не прислушаетесь к нашему предложению, я думаю, нам сможет помочь мистер Вил, но если и он не захочет, у нас по-прежнему останутся два преимущества: финансовая поддержка мисс Роуэн и наша компетентность. На расследование может уйти несколько дней, месяцев или даже лет, но мы полны решимости взяться за это дело.

— А мистер Вил станет помогать вам, если я отвечу категорическим отказом?

— Нет. Он дал понять, что, возможно, и поможет, но не говорил, что сделает это непременно.

— Выходит, вы угрожаете мне.

— Мистер Джессап, нельзя осудить намерение, просто назвав его угрозой.

— Да, но ведь некоторые намерения действительно можно расценивать как угрозу. Мне посоветовали удостовериться в том, что на ваше слово можно положиться. Вы сказали: «У нас даже нет конкретного подозреваемого». Уточняю вопрос: вы подозреваете Гилберта Хейта?

— Наравне с остальными. У парня был мотив для совершения преступления, но у него есть алиби, очевидно, небезосновательное. Попытки мистера Гудвина проверить его оказались тщетными. Вы сказали, что от нашего расследования будет зависеть ваше будущее, а сейчас вы ставите свое будущее в зависимость от расследования мистера Хейта. Что, если суд, опираясь на собранные Хейтом улики, признает мистера Грива виновным, а месяц или год спустя мы представим доказательства обратного?

Джессап повернулся и сел, вытянув ноги, насколько позволяло пространство, и уставился перед собой. У меня есть своя теория относительно подобного взгляда в подобной ситуации: чем меньше человек моргает, тем усердней он думает. Если он моргает три или четыре раза в минуту, значит, его мозг работает на полную катушку, а Джессап моргнул всего одиннадцать раз за три минуты. Затем он заморгал чаще и спустя некоторое время повернулся к Вулфу.

— Послушайте, — заговорил он, — вы сказали, что я мог бы согласиться сотрудничать с вами, даже если об этом не попросил мистер Вил. Совершенно согласен — мог бы. Вернее, я пошел бы на это. Однако тот факт, что вы вышли на меня через мистера Вила, придает делу не слишком приятный для меня оборот. Прежде чем ответить вам, я хочу кое с кем посоветоваться.

Вулф нахмурился.

— Полагаю, не с мистером Хейтом?

— Разумеется, нет. С единственным человеком, интересы которого совпадают с моими. С женой. Скоро я дам вам знать.

— Чем быстрее, тем лучше.

— Вероятно, сегодня же вечером. Где я могу найти вас? У мисс Роуэн?

Вулф, все еще хмурясь, ответил «да». Джессап прошел к своей машине и сел в нее. Когда «форд» уехал, я сказал:

— Ну вот, теперь все зависит от мнения женщины.

— Он осел, — проворчал Вулф. — Двух человек, интересы которых полностью совпадают, попросту не существует.

— Да, как законнику, ему бы следовало это знать. К тому же он еще и лжец. Без звонка Вила он бы с вами даже не поздоровался, не говоря уж о том, чтобы приехать на встречу с вами на кладбище Уэдона. — Я повернул ключ зажигания, послышался гул мотора, и мы тронулись. До шести — времени ужина — оставалось три минуты, и я порадовался, что предупредил Лили о возможном опоздании.

Когда до Лейм-Хорс оставалось примерно с миллю, Вулф вдруг сказал:

— Останови машину!

Я сбавил скорость, съехал с асфальта, притормозил и взглянул на Вулфа.

— Мы сможем позвонить в такое время от мистера Степаняна?

— Вероятно. Он живет в задней части дома.

— Тогда свяжись с Солом. Который сейчас час в Нью-Йорке?

— Восемь. Даже немного больше. В четверг по вечерам Сол играет дома в покер.

— Свяжись с ним, — снова повторил Вулф. — Мне не по душе, что за одним столом с нами сидит убийца. Скажи Солу, мы хотим знать, не было ли контактов между мисс Кэдэни

или мистером Уорти и мистером Броделлом во время визита последнего в Нью-Йорк. Ты сможешь раздобыть их фотографии и послать ему, но так, чтобы никто не знал об этом?

— Вероятно, смогу, но сомневаюсь, что в этом есть необходимость. Диана Кэдэни — актриса, и Сол без проблем достанет ее фотографии. Фотографии Уорти наверняка есть у его издателя. Может, сначала позвонить мисс Роуэн и сказать ей об этом?

— Скажешь позже, или я сам скажу. Гонорар Сола и расходы оплачиваю я.

— А вдруг она захочет сделать это сама?

— Тогда пусть платит.

VI

«Монро Каунти Реджистер» выходила в Тимбербурге раз в неделю по пятницам, на восьми страницах, и экземпляры этого еженедельника попадали к Вотеру в Лейм-Хорс около пяти часов дня. Свой экземпляр мы обычно забирали в субботу, а то и в понедельник или во вторник, но в ту пятницу я находился у Вотера, причем оказался там не случайно, и купил два лишних экземпляра. В пять тридцать мы с Вулфом уже сидели у него в комнате и обсуждали один из материалов на первой странице, заголовок которого гласил:

**«ДЖЕССАП ПОРУЧАЕТ НИРО ВУЛФУ РАССЛЕДОВАНИЕ
УБИЙСТВА, ПРОИСШЕДШЕГО ВО ВРЕМЯ СБОРА
ЧЕРНИКИ**

Знаменитая нью-йоркская ищейка
расследует убийство Филипа Броделла».

Ниже шел текст:

«Прокурор округа мистер Томас Р. Джессап заявил сегодня, что поручил мистеру Ниро Вулфу, частному сыщику с мировой известностью, и его помощнику мистеру Арчи Гудвину, расследовать дело об убийстве 25 июля сего года мистера Филипа Броделла из Сент-Луиса, гостившего на ранчо мистера Уильяма Т. Фарнхэма, неподалеку от Лейм-Хорс.

В ответ на вопрос нашего корреспондента, ожидает ли он, что мистер Вулф и мистер Гудвин представят доказательства, которые подкрепят обвинение против Харви Грива, находящегося сейчас в тюрьме округа по обвинению в убийстве, мистер Джессап заявил: «Совсем необязательно. Если бы я полагал, что делу против Харви Грива недостает улики, ему не было бы предъявлено обвинение и его не содержали бы под стражей без права выхода под залог. Просто я узнал, что могу прибегнуть к услугам мистера Ниро Вулфа, к тому же дело вызвало столь живой интерес у жителей округа Монро и всего штата Монтана, что я решил не упускать возможность воспользоваться услугами такого выдающегося сыщика, как мистер Ниро Вулф. И я ее не упустил». Прокурор округа добавил:

«Расследование, проводимое мистером Вулфом и мистером Гудвином, разумеется, будет находиться под моим постоянным присмотром и контролем. Никаких дополнительных расходов округ не понесет, поскольку мистер Вулф и мистер Гудвин не требуют никакого вознаграждения, а любые доказательства, которые они представят, будут тщательнейшим образом изучены и проанализированы моими сотрудниками. Если они не обнаружат никаких новых улик, ничего страшного. Если же все-таки представят новые доказательства, а мое ведомство найдет их вескими и убедительными, тогда, я думаю, население округа Монро согласится со мной, что они оказали нам неоценимую услугу».

Мистера Джессапа спросили, отдает ли он себе отчет в том, что мистер Арчи Гудвин, который гостит в хижине мисс Роуэн, владелицы «Ранчо Дж. Р.», пытается — что известно всем — доказать невиновность Харви Грива, а вовсе не подкрепить предъявленное ему обвинение. Прокурор округа заявил, что не допустит, чтобы личное мнение или интересы мистера Арчи Гудвина помешали выполнению им своих обязанностей.

«Мне, — сказал в заключение мистер Джессап, — как и населению всего нашего округа, нужна правда, только правда и ничего, кроме правды».

Когда ему задали вопрос, советовались ли с ним относительно привлечение к расследованию мистера Вулфа и мистера Гудвина, шериф Морли Хейт заявил: «От комментариев воздерживаюсь». На все последующие вопросы был получен тот же самый ответ.

Мистер Ниро Вулф, с которым мы связались по телефону, позвонив мисс Роуэн, в хижине которой он тоже гостит, заявил, что добавить ничего не может, поскольку считает, что вся информация относительно его участия в этом деле должна исходить от прокурора округа мистера Джессапа.

Сообщение о подобном развитии событий поступило перед самым подписанием номера в печать, и мы очень довольны тем, что первыми в округе напечатали это сообщение. Не так уж часто в еженедельнике появляются материалы, представляющие общенациональный интерес. Пять экземпляров данного номера мы отправляем в библиотеку Конгресса. Не выбрасывайте свои. Когда-нибудь они будут стоить денег».

Читая это, Вулф несколько раз скорчил гримасу, но при обсуждении покритиковал только два слова — «сыщик» и «присмотр», однако признал, что, если человек, находящийся на выборной должности, будет говорить то, что думает, его вовсе сочтут набитым дураком; спорить по этому поводу мы не стали.

Спор произошел вечером, когда Джессап позвонил и сообщил, что в интересах общественности он принимает наше предложение и мы можем получить наши документы в одиннадцать утра у него в кабинете, а Вулф ответил, что за ними

приеду я. Меня несколько удивило, что Джессап так и не попросил Вулфа приехать вместе со мной, — вероятно, боялся, как бы мы не сделали попытку уговорить его позволить нам ознакомиться с материалами дела, о чем ранее не упоминалось. Спор возник позже. Я заявил, что первой моей остановкой после получения документов будет автозаправочная станция — я хотел побеседовать с Гилом Хейтом, Вулф сказал «нет». Кроме всего прочего, я желал получить удовольствие от выражения лица этого нахала, когда он увидит мои документы.

— Нет, — повторил Вулф. — Его алиби можно подвергнуть сомнению лишь с помощью людей, которые его поддерживают, а это может подождать до лучших времен.

— Для меня, — возразил я, — нет ничего лучше, чем сообщить Гилберту Хейту о том, что я хотел бы задать ему несколько вопросов, и пригласить его проехать со мной в контору окружного прокурора, чтобы ответить на них. Именно так я и поступлю.

— Я уже сказал — нет.

— А я говорю — да, и тут последнее слово за мной.

Наши взгляды встретились. Мой выражал дружелюбие равного, который знает, что спорить с ним бесполезно, глаза Вулфа сузились до щелок. Он держал их прикрытыми достаточно долго — за это время можно было сделать два глубоких вдоха, затем снова открыл.

— Сегодня восьмое августа, — сказал он. — Четверг.

— Совершенно верно.

— Твой отпуск закончился в среду, тридцать первого июля. Как тебе известно, я привез с собой чековую книжку. Выпиши чек себе на зарплату за полторы недели, то есть как раз до конца этой недели, а далее будешь получать деньги каждую неделю.

Я вскинул одну бровь — мне это зачастую помогает, поскольку он этого проделать не может и его точит зависть. В его предложении были свои «за» и «против». Сначала рассмотрим то, что было «против»: я знал тамошних людей и их настроения, он — нет; к тому же этот отпуск без сохранения содержания я взял по собственной инициативе, а не по договоренности с ним. Теперь — «за»: он приехал, чтобы поскорее увезти меня, значит, приехал по собственному желанию, а не по договоренности со мной; и, хотя деньги не имели для него особого значения — это я запомнил по одному его весьма характерному высказыванию, — для меня они значение имели; к тому же напряжение от усилий держать в памяти, что мне нужно говорить «пожалуйста», портило ему жизнь. Мне потребовалась минута, чтобы вынести вердикт. На листке блокнота я набросал несколько цифр: 600 долларов за вычетом федерального подоходного налога в размере 153 долларов 75 центов, подоходного налога штата в размере 33 долларов и налога на социальное обеспечение в

размере 23 долларов 88 центов. Потом я достал из ящика туалетного столика чековую книжку, выписал чек на свое имя на 389 долларов 37 центов и протянул его Вулфу вместе с ручкой. Вулф подписал его и вернул мне.

— О'кей, — сказал я, — слушаю ваши указания, сэр. Что может быть лучше, чем ткнуть им Гила Хейта носом в дерьмо?

— Не знаю. Пора спать. Завтра покажет.

На следующий день, то есть в пятницу, испортилась погода. На восточных склонах Скалистых гор летом очень солнечно. В июле выдалось всего три дня, когда наезднику следовало побеспокоиться о пончо. В пятницу утром я отправился в Тимбербург, вернулся уже после ленча, а потом, около пяти, поехал в Лейм-Хорс, чтобы купить «Монро Каунти Реджистер», и все время лил мерзкий и нудный дождь. Я вовсе не ставлю Вулфу в вину, будто он нарочно тормозил дело. Документы, адресованные «всем, кого это касается», отпечатанные на официальных бланках прокуратуры и подписанные Джессапом — по одному на каждого из нас, — устраняли все препятствия, но я согласился, что лучше подождать, пока «Реджистер» разнесет эту новость.

Мы ужинали на кухне, поскольку по-прежнему шел дождь и на веранде у ручья было холодно и сыро. Экземпляр еженедельника Лили лежал на полке: вероятно, она считала, что Мими следует знать о новом статусе двух ее гостей. Вторая парочка тоже видела газету. Когда мы с Вулфом вошли, Диана, сидевшая за столом в центре, перестала накладывать себе на тарелку и посмотрела на нас так, будто никогда прежде не видела, а Уэйд сказал:

— Поздравляю! Вот уж не думал, что вы настолько знамениты. И когда же вы приметесь за дело?

Я ответил, что не раньше, чем отужинаем, поскольку за едой никогда о делах не говорим. Мы с Вулфом решили не сообщать Лили о том, что я звонил Солу. Ей стало бы неудобно оттого, что прошлое двух ее гостей расследуется двумя другими гостями, а если Сол ничего не откапает, тогда ей и знать об этом необязательно. Я и сам чувствовал себя несколько неловко, когда передавал Диане соль или спрашивал Уэйда, как продвигаются дела с планом книги. Вероятно, такую же неловкость испытывал и Вулф. Конечно, что касается их, наши угрызения совести были напрасны — они хорошо знали, что, имея они какой-то шанс оказаться замешанными в этом деле, их бы заподозрили в первую очередь. Можно было поставить один против десяти миллионов, что Сол ничего не найдет, но если это все-таки случится, вот тогда и возникнет проблема поведения, которой не касается Эми Вандербилт. Тем временем, доедая баранью ногу, зеленую фасоль (из холодильника), хлеб от миссис Барнс, помидоры, пирог с черникой, я с удовольствием наблюдал за тем, как Диана пытается решить, следует ли ей изменить

манеру поведения с нами, и если да, то каким образом. Уэйд уже принял решение. Для него мы по-прежнему оставались такими же гостями, как и он сам, с которыми можно говорить на разные темы, скажем, о бейсболе (со мной) или о структурной лингвистике (с Вулфом).

Ярко полыхавший в гостиной камин манил к себе, и все шли к нему с чашечками кофе в руках. Мы же с Вулфом прошли в комнату, чтобы, как полагал я, обсудить, чем лучше всего заняться на следующий день. Однако Вулф, войдя в комнату, не направился по своей привычке к креслу у окна, а остановился посередине комнаты и спросил:

— У мистера Фарнхэма есть телефон?

— Конечно.

— Он мог видеть газету?

— Вероятно.

— Позвони ему. Скажи, что мы хотим приехать и побеседовать с ним и со всеми остальными.

— Утром?

— Сейчас.

Тут я чуть не сморозил глупость. Раскрыл было рот, чтобы произнести: «Дождь же идет», но тут же закрыл его, не дав словам сорваться с языка. Привычка — вторая натура, и я не исключение. Не раз в плохую погоду Вулф жалел меня и не отпирал даже по срочному поручению, а чтобы его самого выгнать из дому в дождь или в снег, требовалось что-то из ряда вон выходящее, например, экземпляр какого-то нового вида орхидеи. Очевидно, сейчас случай был особый, поэтому я без единого слова прошел в гостиную и направился к столику с телефоном. Набрал номер, и после четырех продолжительных гудков трубку наконец-то взяли.

— Билл? Арчи Гудвин.

— Хелло! Я вижу, вам выдали бляху.

— Нет, не бляху, а всего лишь клочок бумаги. Очевидно, вы читали «Реджистер»?

— А как же. Теперь полетят перья, да?

— Надеемся. Если вам удобно, мы с мистером Вулфом хотели бы заскочить и побеседовать с вами и вашими людьми. Особенно с Сэмом Пикоком. Неплохой способ провести дождливый вечер, а?

— Почему «особенно с Сэмом»?

— Человек, который обнаружил тело, всегда на особом счету. Другие, естественно, тоже. Мистер Вулф хочет поговорить с людьми, которые лучше всех знали здесь Броделла. О'кей?

— Что за вопрос? Мистер Дюбуа сам только что сказал, что хотел бы побеседовать с Вулфом. Приезжайте.

Билл положил трубку. Лили, Диана и Уэйд сидели у камина спиной ко мне и смотрели телевизор, когда я спросил Лили, можно ли нам взять машину, чтобы съездить к Фарнхэму. Она без всяких вопросов или комментариев сказала

«разумеется», и я пошел к себе в комнату, чтобы прихватить пончо.

Я сроду не видел Вулфа в пончо с капюшоном, у Лили же пончо были ярко-красные, причем все одного размера. На Вулфа пончо едва налезло, и у него оказался очень веселый вид — лицо, правда, было довольно мрачным. Выражение его не изменилось, когда, оставив машину под елями на ранчо Фарнхэма, мы, подсвечивая фонариком, прошлепали по лужам и я постучал в дверь. Открыл ее Билл Фарнхэм.

Кроме Фарнхэма, в комнате находились шестеро: трое мужчин и женщина сидели за карточным столом у камина, а еще двое мужчин стояли, наблюдая за игрой. Вулф прошел в комнату, остановился в четырех шагах от них и сказал:

— Добрый вечер! Мистер Гудвин рассказывал мне о вас. — Он кивнул женщине. — Миссис Эмори.

Затем кивнул мужчине напротив нее — круглолицему, широколобому, давно начавшему лысеть:

— Доктор Роберт Эмори из Сизтла.

Кивок в сторону сорокалетнего мужчины с широкими плечами и квадратным подбородком, который явно не мешало бы побрить:

— Мистер Джозеф Колихэн из Денвера.

И еще один кивок — мужчине справа от нее, почти такого же возраста, темнокожему, с пушистыми бровями, видимо, иностранцу:

— Мистер Арман Дюбуа, тоже из Денвера.

Мужчина, стоявший за спиной Эмори, удостоился следующего кивка. Выглядел он лет на шестьдесят. У него были густые седые волосы и грубая, обветренная кожа. Одет он был в рабочие «ливайсы» и розовую рубашку, порванную на одном плече:

— Мистер Берт Мейджи.

Мужчину, который стоял чуть поодаль за Колихэном, — приблизительно лет тридцати, невысокого роста, с худощавым лицом, и тоже в «ливайсах» и в рубашке, похожей на грязную воловью кожу, с красно-белым платком на шее, — Вулф удостоил кивком последним:

— Мистер Сэм Пикок.

Фарнхэм повесил пончо и, вернувшись, сказал:

— Вот это, доложу я вам, загончик для клеймения скота, а?

Из шести присутствовавших мужчин, не считая нас с Вулфом, он был единственным, кого я назвал бы красивым. Он спросил Вулфа:

— А как насчет приветствия? В жидком виде имеется все — от «Монтана спешэл» до мочи койота.

— Он пьет пиво, — заметил Арман Дюбуа.

— А что такое «Монтана спешэл»? — спросил Вулф.

— Любая вода, кроме дождевой. Из ручья или из реки. Хороша как в чистом виде, так и в разбавленном, однако в такую погоду, как сегодня, ее лучше разбавлять чем-нибудь крепче. Заказывайте. Пиво?

— Пока ничего. Спасибо. Возможно, попозже. Как вы знаете, нам с мистером Гудвином предстоит работа. Однако мы помешали вашей игре.

— Бридж — это не игра, — заметил мистер Дюбуа, — а непрерывная перебранка. Мы играем в него весь день. — Он отодвинул стул и встал. — Уж лучше мы слушаем, как вы задаете свои вопросы.

— Я слышал, вы круты, — раздался голос Фарнхэма, — хотя по виду этого не скажешь. Впрочем, внешность порой обманчива. Вы будете задавать нам вопросы каждому по отдельности или всем вместе?

— Если говорить с каждым, то потребуется вся ночь, — ответил Вулф. — Да, у нас официальные полномочия, по нашу беседу можно считать неофициальной. Присядем?

Под прямыми углами к камину стояли две длинные просторные кушетки. Дюбуа с Фарнхэмом убрали карточный стол и стулья. Зная, что Вулф сядет на кушетку вместе с остальными только в том случае, если сесть больше будет некуда, я принес стул, более или менее подходящий для него, и поставил его между кушетками подальше от камина. И тоже сел на стул. Фарнхэм, Пикок, Мейджи и Колихэн устроились на кушетке слева от нас. Дюбуа и чета Эмори — справа. Усаживаясь, миссис Эмори обратилась к Вулфу:

— Я все пытаюсь вообразить, о чем вы можете спросить меня. После такого промозглого дня я чувствую себя словно пьяная, и мне самой интересно, что я скажу. — Она приложила руку к губам, пытаясь подавить зевок. — Вероятно, я могла бы и соврать.

— Советую этого не делать, мадам. Мистер Гудвин подробно меня обо всем проинформировал. — Вулф оглядел сидящих. — Мистер Гудвин доложил мне, исходя из ваших рассказов, как каждый из вас провел вторую половину дня в тот четверг. Мне известно, что все вы, кроме миссис Эмори, не исключаете возможности, что мистера Броделла мог убить Харви Грив. Мы с мистером Гудвином считаем, что это не так. Мистер Джессап, окружной прокурор, знает о нашем мнении, он знает также, что мы не собираемся заниматься подтасовкой доказательств в пользу нашего мнения. Мы намереваемся ответить на вопрос, кто убил мистера Броделла, и лучше всего начать с тех людей, которые общались с ним, когда он гостил здесь. Сперва ответьте на следующий вопрос, — обратился Вулф к Фарнхэму. — Как вы знаете, ни пуль, ни гильз не обнаружили, но характер ран указывает на вид оружия, из которого были сделаны выстрелы. У вас есть такое оружие?

— А как же. Но не только у нас.

- Где вы его храните?
- В шкафчике в своей комнате.
- Шкафчик запирается?
- Нет.
- Ружье обычно заряжено?
- Разумеется, нет. Кто же держит ружье заряженным?
- Где вы храните патроны?
- Да на полке, в таком же шкафчике.
- А вы не знаете, не оказалось ли в тот день в вашем доме какое-нибудь другое ружье?

— Только не такое, из которого можно было бы так разворотить плечо и шею Броделла. У меня два дробовика и револьвер, а у Берта Мейджи — только дробовик.

— Вы сказали мистеру Гудвину, что в тот четверг вы и миссис Эмори всю вторую половину дня провели на так называемой Тропе Верхнего Ягодного ручья. Это верно?

- Да.
- Большую часть дня?
- С двух часов.

— Стало быть, вы не знаете, было ли в это время ружье на месте. Его могли взять, сделать из него выстрел и поставить обратно в шкафчик. В следующий раз, когда вы увидите ваше ружье, оно было точно в таком же положении, в каком вы его оставили?

— Что за глупости! — Фарнхэм повысил голос. — Помоему, вы никудышный следователь. Стоит мне ответить утвердительно, и вы скажете, что узнать я это мог, только когда услышал об убийстве, а раз так, то, значит, я подумал, будто Броделла застрелил кто-то из проживающих здесь. Вы — не крутой, вы всего лишь по-злому хитрый. — Он встал и сделал шаг вперед. — Пожалуй, вам лучше проваливать. Эти люди — мои гости и мои работники, и нам не нужны ваши грязные вопросы. Убирайтесь отсюда!

Плечи Вулфа едва заметно приподнялись и опустились.

— Как вам будет угодно, — сказал он. — Вызывать в окружную прокуратуру всех вас в качестве свидетелей для меня излишние хлопоты, а для вас неудобство. Если вы возмущены тем обстоятельством, что я будто бы подразумеваю одного из присутствующих здесь в убийстве мистера Броделла, значит, вы простофиля. Я сказал, что хочу побеседовать с вами, хотя, признаться, расспросы об убийстве человека редко бывают приятными. Так будем продолжать или отложим?

— Конечно, продолжим, — сказал Дюбуа. — Мы все считаем, что Броделла убил, скорее всего, Грив, — все, кроме миссис Эмори, — но Ниро Вулф далеко не глуп. Я и раньше говорил, — теперь он обращался уже к Фарнхэму, — что шерифу следовало бы поинтересоваться вашим ружьем. А он на него даже не взглянул.

— Нет, взглянул. — Фарнхэм все еще стоял. — На другой день. После полудня, в пятницу.

— Но разве это можно назвать расследованием? Сядьте и остыньте. — Дюбуа снова повернулся к Вулфу. — Пока займитесь лучше мной. Мы с Джо Колихэном во второй половине дня в четверг находились за рекой вместе с Бертом Мейджи — лазали по горам, — так что алиби друг другу обеспечили. Но мы близкие друзья и, не задумываясь, со временем, если одному из нас будет угрожать опасность. Однако задавайте свои вопросы — я постараюсь на них ответить.

— Чуть позже, — сказал Вулф. — Я еще не закончил с мистером Фарнхэмом. О ружье поговорим попозже. Ответьте на следующий вопрос: вы осматривали свое ружье и патроны, после того как убили мистера Броделла?

— Разумеется, осматривал. — Фарнхэм присел на кушетку. — В тот же вечер. Это же естественно. Ружье оказалось на месте, из него не стреляли, и ни одного патрона не пропало.

Вулф кивнул.

— Если я вас спрошу, не подумали ли вы тогда о ком-нибудь, вы ответите «нет», но я вам не поверю. За те три дня, что мистер Броделл провел здесь, не произошло ли инцидента между ним и еще кем-то?

— Нет.

— Ах, Бога ради, Билл. Следовательно, пужны факты. В день появления Броделла, — обращаясь к Вулфу, произнес он, — мы с ним крупно повздорили. Это случилось в понедельник. Я жил здесь уже две недели и ездил на лошади, которую он облюбовал в прошлом году. Броделл захотел, чтобы ее снова отдали ему, но она мне самому нравилась. Утром во вторник я увидел, как он ее седлает. Я, конечно, ее расседлал, но Броделл замахнулся уздечкой и поцарапал мне ухо мундштуком, а я дал ему сдачи. После этого мы не разговаривали, но лошадь осталась в моем распоряжении, у меня не было причин стрелять в него. К тому же я не охотник и даже не сумел бы зарядить ружье Фарнхэма. Да я и не знал, что оно у него есть.

— Я тоже не знал, — вставил Дюбуа, — но, разумеется, не могу этого доказать.

— Кто-нибудь из вас знал прежде мистера Броделла?

Оба ответили отрицательно.

— А вы, доктор Эмори? Видели ли вы раньше мистера Броделла?

— Никогда, — зычным голосом ответил Эмори.

— А вы, миссис Эмори?

— Нет.

Взгляд Вулфа задержался на ней.

— Каково ваше мнение о нем?

— О Филипе Броделле?

— Да.

— Ну... Я могла бы кое-что присочинить — моих мыслей вы тоже не знаете. Но я на вашей стороне. Не думаю, чтобы кто-то из присутствующих здесь убил его. С чего бы это вдруг? Мое мнение... видите ли, мы знали, что приезжает Броделл и что он отец ребенка той девушки. Так что какое-то представление о нем у меня сложилось еще до того, как я его впервые увидела.

— А почему вы на моей стороне?

— О-о, все уверены, что Броделла убил Харви, — ведь он отец и защищал честь дочери! Ну а Филип Броделл... я попыталась понять, чем же Филип Броделл соблазнил эту девушку, а ведь она, как вам известно, была порядочной девушкой... Поэтому, право, не могу ответить, какое мнение сложилось у меня самой. Во всяком случае, вам бы оно ничем не помогло, правда же?

— Как знать, может, и помогло. Мистеру Гудвину подбросили идею, будто мистер Броделл соблазнил вас, а ваш муж якобы узнал об этом и убрал его. Идея эта привлекательна тем, что у вашего мужа нет алиби.

Эмори зашумели: он презрительно хмыкнул, она весело фыркнула.

— Разумеется, — сказала Беатриса, — такое могло прийти в голову только этой девчонке Грив. Сомневаюсь, что ему удалось бы соблазнить меня даже за три года, не то что за три дня. — Она взглянула на меня. — Почему вы не рассказали об этом?

— Все думал, как бы это сделать поделикатней, — ответил я. — Подобное предположение исходило не от мисс Грив.

— Я отдаю себе отчет в том, — заговорил Эмори, — что всякий, кто занимается расследованием убийства, вправе ожидать глупостей и нелепостей, но нельзя же это поощрять. В тот день я прошел около десяти миль вверх по реке, без ружья, а моя жена, как вы знаете, находилась с мистером Фарнхэмом. Мы не располагаем информацией, которая могла бы помочь в деле. Я живу в другом штате, но расследование у нас ведется примерно так же. Гражданин обязан ответить на дурацкие вопросы представителя закона, но вы-то тут при чем? Если вы сообщили окружному прокурору что-то такое, что заставило его усомниться в виновности этого Грива, тогда, может, скажете, почему он облек вас официальной властью?

— Страхование на случай стихийного бедствия, — ответил Вулф.

— Страхование? От чего?

— От того, чтобы лишний раз не подвергать сомнению мою репутацию. Вам, должно быть, известно, мистер Эмори, что репутацию надо заслужить. Слава чемпиона в беге имеет фактическую основу — показания секундомера, а известность практикующего врача лишь отчасти зиждится на

контрактах. Многие из тех, кого он лечит, выздоравливают, а многие и умирают. Нельзя опираться только на одни факты. Доктора, которому верят пациенты, могут презирать его коллеги. Что касается следователя, его общественная репутация может иметь весьма слабое фактическое основание, его подвиги, которыми восхищаются, можно объяснить исключительно везением. Возьмем меня. Не наберется и дюжины таких, кто с полным основанием мог бы заявить, что моя репутация заработана честно.

— Арчи Гудвин может, — сказал Дюбуа.

— Да, может, но ведь он пристрастен. Суждение *ex parte*¹ всегда подозрительно. — Вулф посмотрел по сторонам. — Мистеру Джессапу посоветовали облегчить расследование, сообщив кое-какие сведения мне. Он проявил благоразумие и не стал докапываться, почему мы с мистером Гудвином отвергаем обвинение против мистера Грива; он знал, мы будем стоять на своем, пока не найдем впечатляющих доказательств его невиновности. Что же касается нашего приезда сюда, мы не настолько наивны, чтобы полагать, будто можно что-то узнать, просто задавая вам вопросы. Опытный следователь никогда не забудет о взаимовыручке. Мистер Дюбуа, — Вулф обращался теперь непосредственно к нему, — вы попросили задавать вам вопросы и сказали, что попытаетесь ответить на них. Если я и получу какую-то информацию, то только не при помощи глупых вопросов.

Он снова оглядел всех присутствующих.

— Существовала вероятность того, что встреча с вами выявит какие-то противоречия, которые нас на что-то натолкнут. Вряд ли пять человек проживут три дня под одной крышей тихо и спокойно. Мне нужно было решить, стоит ли тратить на каждого из вас время — а это несколько часов, учитывая каждую минуту, каждое произнесенное слово за те три дня, что мистер Броделл прожил на ранчо. Я в этом сомневался. Если бы, к примеру, мистер Колихэн или доктор Эмори слышали что-то, дающее повод думать о том, что о мистере Броделле известно гораздо больше, сказали бы они мне об этом? Думаю, нет. Я не почувствовал никаких признаков вражды, которая могла бы заставить кого-нибудь из вас решиться на такой шаг. Если кто-то раньше и знал мистера Броделла, то доказательств тому здесь скорее всего не найти. Возможно, придется съездить или послать кого-нибудь в Септ-Луис, к нему домой. Впрочем, надеюсь, до этого не дойдет.

— Я бы не возражал побеседовать с вами наедине, — заявил Дюбуа.

— Я бы тоже не возражала, — сказала миссис Эмори. — Если вы...

¹ *Ex parte* (лат.) — в интересах одной стороны, как правило, без ведома другой.

— Бог мой, зато я бы возражал, — встрял в разговор Фарнхэм. — Да вы, мистер Вулф, пустозвон и больше ничего. Чем скорее вы отправитесь в Сент-Луис, тем лучше. Ну что ж, беседа наша состоялась. Дверь вон там.

Вулф кивнул ему.

— Возможно, вы потеряли контроль, поддавшись эмоциям, или опасаетесь разоблачения. Прежде чем уйти, мне надо поговорить с одним человеком, который может сказать кое-что полезное. Но сперва, мистер Мейджи, хочу задать вопрос вам. Вы были с мистером Дюбуа и мистером Колихэном за рекой в тот четверг?

— Совершенно верно. Был.

— Всю вторую половину дня?

— Да.

— Когда вы вернулись?

— В шесть часов — или около того.

— Вы знаете цель моих вопросов: найти какое-либо подтверждение — неважно какое, — предположению, что того человека убил не мистер Грив. Вы не можете мне помочь?

— Нет. Разумеется, Харви следовало его застрелить, что он и сделал, и я надеюсь, его оправдают.

— По-человечески ваше состояние понятно, но это не цивилизованный способ. Мистер Пикок, — теперь Вулф смотрел на него, — у меня к вам много вопросов, и мне представляется, вы ответите на них лучше других. Как часто вы проводили время с мистером Броделлом в те три дня?

Сидя между Фарнхэмом и Мейджи, Самюэл Пикок казался даже меньше, чем был на самом деле, а красно-белый платок, повязанный вокруг шеи, не только не скрывал ее худобы, а напротив, привлекал к ней внимание. Прежде чем посмотреть на Вулфа, он бросил быстрый взгляд на Фарнхэма.

— Можно сказать, часто, — произнес он. — В прошлом году я дал ему мушку, на которую он поймал шестифунтовую форель. После этого он очень дорожил дружбой со мной. Когда Броделл снова появился здесь, Билл послал меня за ним в Тимбербург, и Фил сразу же спросил, нет ли у меня еще мушки.

— В какое время Броделл прибыл в Тимбербург в тот понедельник?

— Он приехал автобусом в полдень, но ему надо было закупить еще уйму всяких вещей — одежды, снастей, не знаю, чего еще, — так что мы попали сюда... я думаю... было... Который был час, Билл?

— Около пяти, — сказал Фарнхэм.

— Я бы даже сказал, чуть позже.

— Вы присутствовали при его встрече с доктором, мистером Дюбуа и мистером Колихэном?

— Нет, сэр, не присутствовал. По-моему, я в это время находился на кухне — ужинал вместе с Бертом. После ужи-

на Фил попросил меня сходить с ним на реку, мне не хотелось ему отказывать, и я пошел.

— Вы называли его по имени?

— Он попросил меня об этом еще до того, как поймал ту форель.

— Вы были с ним во вторник?

— Да, сэр. Как раз утром, когда возникли неприятности из-за лошадки Монти. — Острый взгляд серых глаз Пиконка скользнул по Колихэну. Язык у него ворочался медленно, зато взгляд был стремительным. — Фил велел мне оседлать ее, а тут пришел Колихэн, ну, и как он сам вам сказал, они немного повздорились. Тогда я вернулся в загон, вывел для Фила другую лошадь, и мы отправились вниз по реке. Пробыли там весь день и вернулись как раз к ужину. Фил и этот жеребец — Тибэг — не очень-то поладили между собой, но, по-моему, я рассказываю больше, чем вам следовало бы. Во всяком случае, все это я уже говорил Арчи.

Вулф кивнул.

— Иногда мистер Гудвин бывает неточен в деталях. Вы сказали все, что могли. Вы видели мистера Броделла во вторник после ужина?

— Нет, сэр, не видел. Он вымотался, да и меня тут не было. Я ушел прогуляться.

— А на следующий день? В среду?

— В среду — да. Мы с Филом ушли рано, отправились пешком вверх по реке. Шестифунтовой форели он не поймал, но наполнил рыбой большую корзину. Денек и впрямь выдался на славу. Правда, Фил поскользнулся на камне и весь вымок, но солнце вскоре подсушило его одежду. К тому времени, как показался дымок из трубы нашего дома, он еле волочил ноги, а спину ему ломило от прогулки накануне верхом на Тибэге, поэтому я спросил его, как он собирается провести следующий день. Мне казалось, он не встанет с постели даже к столу. Однако встал. Утром Конни сказала мне, что он попросил пластырь и съел три рыбки на завтрак.

— Кто это Конни?

— Наша кухарка.

— Он был с вами в четверг утром?

— Нет, сэр, не был. Он сказал, что собирается побродить вдоль Берри-крик, а я хожу слишком быстро. После ленча он сообщил...

— И долго его не было утром?

— Часа два, а может, и больше. Затем...

— Он собирался пойти вверх по Берри-крик или вниз?

— Не знаю, говорил ли он об этом. До поворота дорога легкая, а там выбирай куда хочешь — вниз или вверх. Но, по-моему, к верхней заводи он не ходил — во всяком случае, снасть не брал.

— Он не говорил, встречал ли кого-нибудь по пути?

— Нет, сэр, не говорил. — Пикок потянул за уголок шейного платка. — У вас слишком много вопросов, мистер.

— Однажды я задал одной женщине десять тысяч вопросов... Утро того четверга меня особенно интересует, поскольку ясно, что в то утро мистер Броделл единственный раз отлучался отсюда один. Тропинка, ведущая к ручью, подходит где-нибудь близко к дороге?

— Да, сэр. У холма.

— Таким образом, он мог и не дойти до ручья, если встречал кого-нибудь на дороге. Вы разговаривали с ним, когда он вернулся?

— Не сразу, только после ленча, сэр.

— Из сказанного им вы не сделали вывод, побывал он у ручья или нет?

— Я не делаю никаких особых выводов из того, что человек говорит. Вот если он бы заявил, будто видел в заводи за излучиной четырнадцатидюймовую калифорнийскую форель, тогда бы уж вы точно могли сказать, что он побывал на Берри-крик, хотя вам долго пришлось бы гадать, видел ли он ее на самом деле. Люди склонны прихвастнуть, особенно рыболовы. Во всяком случае, после ленча мы с ним не разговаривали. Я поправлял у загона столб, а тут появляется он и говорит, что сходит на холм за черникой. Было пять минут четвертого — Конни сказала, что именно в это время он вышел из дому, но и я посматривал на свои часы... — Сэм бросил взгляд на запястье. — Сейчас ровно без десяти десять.

— И вы больше не видели его... живого?

— Нет, сэр, не видел.

— А где вы были следующие пять часов?

— Поблизости. Поправил тот столб. Подковал лошадь, поставил новую подпругу и еще сделал кое-что по мелочам.

— Вы не выходили за пределы недвижимости?

— Ничего себе словечко — «недвижимость»! Если вы имеете в виду, не поднимался ли я на холм с ружьем и не застрелил ли Филадельфия, то нет, сэр, я этого не делал. Это не было предусмотрено распорядком моего дня: Конни в любое время могла открыть дверь и позвать меня.

— И вы не видели никого с ружьем?

— Нет, сэр. Совершенно верно, сэр. Первым человеком, которого я увидел, был Билл. Он вернулся с мисс Эмори, я забрал у них лошадей. Когда со своими двумя подъехал Берт, я был у себя в комнате — мылся. Сразу после ужина Билл спросил меня о Филе, но я мог сказать ему не больше, чем уже сказал вам. Когда солнце село, мы решили, что нам надо поискать Филадельфия, и Билл, Берт и я поднялись на холм. Я лучше их знал любимые места Филадельфия, поэтому именно я и нашел его.

Вулф повернул голову. Он молча спрашивал у меня: «От-

личается ли теперь его рассказ от того, который ты слышал от него раньше, и бросаешь ли ты ему вызов?»

Я покачал головой.

Вулф обвел всех взглядом и бесстыдно солгал:

— Прежде чем продолжить расследование, я должен посоветоваться с мистером Джессапом — он сказал, что будет контролировать каждый мой шаг. Я думаю, что хотя бы один из вас утаивает факты, но вряд ли они обнаружатся, даже просиди мы здесь всю ночь. Для меня очевидно одно: в четверг в интересующее нас время вы все находились в определенных местах, но, спрашивается, где вы были утром того дня в течение двух часов, когда мистер Броделл отлучался один?

Вулф покачал головой.

— Не хочется посылать мистера Гудвина в Сент-Луис, он нужен мне здесь, но ничего другого не остается. — Он встал. — Просто диву даешься: как часто взрослые люди, пребывающие в здравом уме, думают, будто могут скрыть факты, которые легко проверить. Я буду иметь в виду, мистер Дюбуа, ваше пожелание расспросить вас и, возможно, так и сделаю.

Я последовал за Вулфом через всю комнату к вешалке, где находились наши пончо и фонарик. Присутствующие остались на своих местах, но, когда я уже натягивал капюшон, к вешалке подошел Фарнхэм. Он тоже взял пончо, надел его и открыл дверь. Проявлять вежливость с его стороны было слишком поздно, и я полагал, он выходит по каким-то своим делам, однако он проводил нас до машины. Дождь кончился, но с елей еще капало. Фарнхэм распахнул перед Вулфом дверцу автомобиля и, когда тот забрался внутрь, сказал:

— Не хочу, чтобы у вас создалось впечатление, будто я пытался утаить какие-то факты: вряд ли кто-нибудь здесь знает, что у отца Фила Броделла есть закладная на мой дом, и я не вижу причины сообщать им это, но если мистер Гудвин поедет в Сент-Луис и повстречается с Броделлом-старшим, этот факт, разумеется, станет известен. Лучше, если вы узнаете об этом от меня.

— Приличная закладная? — буркнул Вулф.

— Да, черт побери!

Билл хлопнул дверцей гораздо сильнее, чем следовало бы.

VII

В субботу, в четверть одиннадцатого утра, я открыл дверь на первом этаже здания окружного суда в Тимбербурге и вошел в дверь, на которой значилось большими жирными буквами с позолотой по краям: «МОРЛИ ХЕЙТ. ШЕРИФ». Оказавшись в приемной и даже не удостоив взглядом сидев-

шего за перегородкой клерка, я прошел прямо в кабинет шефа.

Признаюсь, было бы неверно думать, что я преследовал человека, укрывающегося от правосудия, но человек, которому я, образно говоря, наступал на пятки, все время ускользал от меня. Прибыв двадцатью минутами раньше на автозаправку «Престо», я подъехал к краю площадки, вежливо спросил служащего, здесь ли Гилберт Хейт, и вошел с яркого солнца в прохладу помещения, на которое мне указали пальцем. Гилберт, стоявший слева и укладывавший на полку жестянки с маслом, повернул длинную шею и посмотрел на меня, потом занял прежнюю позу и проверил, ровно ли поставил банки.

— Доброе утро, — произнес он.

Если бы это случилось накануне, когда я только что вернулся из конторы Джессапа с документами в руках, я бы немного повеселился, но сейчас это было обычной рутинной.

— Да, утро значительно лучше, чем вчера, — ответил я. — Вот был дождичек!

Гилберт кивнул.

— Может, присядем и побеседуем?

Он снова кивнул.

— Я знал, что вы обязательно придете.

— Естественно. Если ваш отец по-прежнему не советует вам со мной разговаривать, тогда, может, мне следует сперва повидать его? Я не против.

— Ничего такого он не говорит. Он знает закон. Но здесь не место для разговора. Я полагаю, у вас есть бумага от окружного прокурора?

Я вытащил из кармана конверт, извлек из него «Всем, кого это касается», развернул и протянул Гилу. Он дважды медленно прочитал его, вернул мне и сказал:

— Вроде бы все в порядке. Пожалуй, лучшее место для беседы — прямо там, в кабинете отца. Мою машину взяла сестра, поэтому поедem на вашей. На машине мисс Роуэн, — уточнил он.

Я решил не возражать. Гилберт поставил на полку еще несколько банок, вышел, сказав напарнику, что ненадолго отлучится — это было его право, поскольку заведение принадлежало Хейту-старшему, — и уселся рядом со мной на переднем сиденье. До места назначения было всего полмили. Как обычно в субботу, все лучшие места для парковки оказались заняты, но я обогнул здание суда и проехал мимо знака: «ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ МАШИН». Во-первых, теперь я был официальным лицом, а во-вторых, фамилия моего спутника — Хейт. Задняя дверь оказалась открытой. Я вошел первым и направился по длинному коридору к главному входу, где находилась главная лестница. Три двери слева были с железными решетками — за ними когда-то размещалась окружная тюрьма. Оказавшись в боль-

шом вестибюле, я свернул направо к лестнице, но, не дойдя до нее, резко остановился и обернулся — Гил устремился обратно в боковой вестибюль. Останавливать его я особого желания не испытывал, но мне хотелось все знать наверняка, поэтому я столь же быстро добрался до этого вестибюля и успел увидеть, как он влетел в какую-то дверь. Когда я добежал до нее, она, естественно, была уже закрыта.

Когда я бежал через приемную, служащий вскочил из-за стола и что-то крикнул мне, но я остановился только в кабинете:

— Какого черта он вытворяет это? Ведь на нашей стороне закон!

Вы еще не встречались с Морли Хейтом, но мы с Лили его видели, поэтому нам было о чем посудачить. По мнению этого служаки, образцовый фигурой шерифа из западных штатов был Уайетт Эрп¹. Он и старался подражать ему в одежде. Однако теперь, вероятно, было модно носить пистолет на ремне, как носят его полицейские, поэтому он подражал им, хотя знал, что делать этого не следует. Главное же заключалось в том, что от природы он любил драть глотку, а это явно было не в стиле Уайетта Эрпа. Кроме того, он говорил двум людям, которых я знал, что, когда у него возникала какая-нибудь проблема, он всегда спрашивал себя, как бы в подобной ситуации поступил Джон Эдгар Гувер². А в общем, это был столь сумбурный субъект, в котором не смог бы разобраться даже опытный психоаналитик.

Поскольку Хейт знал, что я сделаю, как только получу документы от Джессапа, и поскольку он растолковал сыну, как следует поступить, мое появление не было для него сюрпризом — он даже не стал притворяться, что удивлен. Лишь прищурился, глядя на меня, как, вероятно, по его мнению, прищурился бы его любимый герой, и рывкнул:

— Что это вы так долго?

Его сын, который стоял тут же, унаследовал от своего папочки длинную шею, а также высокий рост, что, разумеется, не идеально для шерифа. И все же Хейта избрали на эту должность, а это уже немало, если учесть такой физический недостаток. Правда, Хейт всегда прибегал к одной и той же уловке — расправлял и слегка приподнимал плечи, чтобы они казались шире, а шея — короче. Сейчас он проделал именно это.

В торце его стола стоял простой деревянный стул. На него я и уселся.

— Мистер Вулф решил, что вчера у нас были дела поважнее, — вежливо начал я. — Впервые мне приходится

¹ Уайетт Берри Стэпп Эрп (1848—1929) — герой американского фронта, охотник и игрок.

² Джон Эдгар Гувер (1895—1972) директор ФБР с 1924 по 1972 год.

допрашивать подозреваемого в убийстве в присутствии шерифа. Нам нужен стенографист?

— Он нам не нужен. — Хейт открыл ящик стола, порылся в нем и вытащил заявление одного из подозреваемых, которого допрашивал я. Он протянул бумагу мне, и я ее взял. — Полагаю, читать вы умеете?

Отвечать я счел излишним. Заявление было отпечатано на обычном листке в один интервал и с широкими полями:

Тимбербург, Монтана,
28 июля 1968 г.

Я, Гилберт Хейт, проживающий в доме номер 218 по Джефферсон-стрит в Тимбербурге, штат Монтана, заявляю, что в четверг 25 июля 1968 г. с 12.50 до 14.25 находился на автозаправочной станции «Престо» на Мейн-стрит. Время, указываемое в данном заявлении, точное, разница может составить не более пяти минут.

С 14.35 до 16.25 я, не отлучаясь, находился с мисс Бесси Ботон в ее доме номер 360 по Виллоу-стрит, Тимбербург. С 16.40 до 17.05 я, не отлучаясь, был с мистером Хоумером Даудом в его офисе в «Дауд Руфинг Компани», Мейн-стрит, Тимбербург. С 17.20 до 18.00 часов я также безотлучно был с мистером Джимми Негроном на его ферме по разведению цыплят на 27-м шоссе к югу от Тимбербурга.

Гилберт Хейт.

Засвидетельствовано: Эффи Т. Даггерс

Под подписями были напечатаны фамилии: все в безупречном порядке.

Разумеется, папенька ожидал, что я начну расспрашивать его сыночка, надеясь откопать уязвимое место в алиби, либо перейду непосредственно к его отношениям с Алмой Грив и контактам с Филипом Броделлом, поэтому следовало предпринять что-то необычное. Выбор был не так уж и богат. Я осторожно сложил документ, убрал его в карман, посмотрел, прищурившись, на Хейта, и сказал так, как сказал бы Уайетт Эрп:

— Судя по бумажке, с ним вроде бы все в порядке, хоть его алиби и подлежит проверке, а вот как насчет вас? Где были вы в четверг двадцать пятого июля с четырнадцати до восемнадцати часов?

Реакция превзошла даже мои ожидания. Рука Хейта потянулась к ремню, и я подумал было, что он и впрямь вытащит пистолет. Глаза у него полезли на лоб, и он заревел, словно бык, которого клеймят раскаленным железом:

— Проклятый нью-йоркский выскочка!

При этих словах он дернулся и начал вставать из-за стола, но, право, не знаю, как быстро, ибо я уже выходил из дверей его кабинета. Миновав приемную, я пересек вестибюль и сел в машину.

Поскольку однажды я уже побывал в том доме на Виллоу-стрит, мне даже не понадобилось ни у кого спрашивать,

где он находится. Это был аккуратный беленький одноэтажный коттеджик с узкой бетонной дорожкой, ведущей к трем ступенькам крытого крылечка. В тот раз я в дом не вошел — мисс Ботон сказала мне всего несколько слов через сетчатую дверь, но теперь она ее распахнула, и я вошел. Очевидно, она тоже ожидала моего визита, хоть и не сказала этого. Проведя меня в аккуратную комнатку с двумя окнами, где одна стена чуть ли не до потолка была заставлена полками с книгами, она сказала, что мне следовало бы позвонить, поскольку уик-энды она частенько проводит на ранчо своего брата. Прежде чем усесться в самое большое кресло из трех, находящихся в комнате, ей пришлось убрать с него рамочку с начатой вышивкой. Вероятно, Томас Джефферсон¹, украшавший спинку моего кресла, тоже сошел с этой рамки.

— Гилберт Хейт два года занимался у меня предметом, имевшим отношение к политике, — сказала она. — Тридцать восемь лет назад, когда я только начинала учительствовать, этот предмет называли историей.

Я одарил ее сердечной улыбкой. Очевидно, проблема налаживания контакта отпадала, и я только спросил, желает ли она посмотреть мои документы от окружного прокурора.

Она покачала головой. Солнечный свет, отразившись от толстых стекол ее очков в золотой оправе, которые были слишком велики для ее круглого лица, брызнул мне в глаза ослепительными искрами.

— Его видел Гилберт, — ответила она. — Он только что сообщил об этом по телефону. Поймите меня правильно: когда вы явились в прошлый раз, говорить с вами мне было не совсем удобно. Тогда я ничего о вас не знала. Теперь — другое дело. Некоторые критикуют Тома Джессапа за то, что он привлек к расследованию людей со стороны, я же считаю подобные оценки неумными. Лично я этот шаг одобряю. Том хороший мальчик, он учился у меня в сорок третьем, в военный год. Мы все — граждане нашей великой страны и уважаем нашу Конституцию. Что вы хотите узнать?

— Немного, — ответил я. — Вам, вероятно, известно, что, если совершается какое-либо преступление — убийство, например, — людям, на которых падает подозрение, задают вопросы, а их ответы должны быть подвергнуты проверке. Гилберт Хейт утверждает, будто недели две назад он провел у вас несколько часов. Он, разумеется, был здесь, верно?

— Да. Он пришел примерно в половине третьего, а ушел около половины пятого.

— Какой это был день недели?

— Четверг. Четверг, двадцать пятого июля.

— Вы уверены, что это было именно в тот день?

¹ Томас Джефферсон (1743—1826) — автор проекта Декларации независимости, третий президент США (1801—1809).

Ее губы раскрылись, показав два ряда ровных белых зубов. Я бы не назвал это улыбкой, но она, очевидно, считала иначе.

— Полагаю, — сказала мисс Ботон, — на всем белом свете не найдется человека, который ответил бы на такое количество вопросов, на какое ответила я за последние тридцать восемь лет работы. Уже знаешь, каких ожидать вопросов, поэтому я решила, что будет лучше обо всем рассказать самой. Услышав на другой день о том, что этого человека убили, я сказала себе: «Теперь Гилберту не придется вымазывать его дегтем и вываливать в перьях».

— О-о, — протянул я.

Она кивнула, и мне в глаза снова полетели искры.

— Вам, вероятно, захочется узнать, почему в тот день он провел здесь целых два часа. Именно столько мне понадобилось, чтобы убедить его. Не скажу, что я заменила ему мать — мальчику было четыре года, когда умерла его мать, — эта роль не для меня, ибо я вся в своей работе. Но я не хвастаюсь, когда говорю, что Гилберт — не единственный мальчик, который обращался ко мне за советом. Он рассказал мне все — о девушке, на которой хотел жениться, и о том мужчине. Когда Гил появился здесь в тот день, он был очень возбужден, потому что вновь приехал этот мужчина, Броделл, и Гилберт решил, что должен непременно что-то предпринять, но не знал, что именно. Он сразу же попросил меня посоветовать, как заставить этого мужчину жениться на опозоренной им девушке.

— У него должен быть дробовик.

— Разумеется, у каждого мальчика есть дробовик, но тут дело скорее в девушке, чем в мужчине.

Во-первых, Гилберт по-прежнему хотел жениться на ней сам, а во-вторых, она заявила, что не желает больше видеть Филипа Броделла. Ну, я и сказала Гилу, что тут ему не поможет никакой совет, поскольку последовать ему он не сможет. Даже если бы Гилберту и удалось каким-то образом заставить его жениться на ней, ее бы он не заставил, да и что стало бы с ним самим, выйди она замуж? Я сказала ему, что он не до конца все продумал. Я постоянно твержу моим ученикам, что прежде всего им следует научиться все продумывать наперед. Именно так поступали Джордж Вашингтон, Джон Адамс¹ и Авраам Линкольн.

— Так поступаете и вы.

— Во всяком случае, стараюсь. И тогда Гил предложил другую идею. Вы знаете, что более девяноста процентов дуэлей в нашей стране происходили к западу от Миссисипи?

— Если вы имеете в виду кинофильмы, то да.

— Я имею в виду не кино, а историю. Я специально за-

¹ Джон Адамс (1735—1826) — второй президент США (1797—1801).

нималась этим вопросом. Их не называли дуэлями, но именно таковыми они были. До того как наши предки пересекли Миссисипи, они случались не так уж часто. Это важный исторический факт, и он всегда интересовал моих учеников. Я не думаю... — Она закрыла глаза и замолчала.

Потом открыла их и продолжила:

— Я пыталась вспомнить, употребил ли Гилберт в тот день слово «дуэль». По-моему, все-таки нет. Он просто заявил, что возьмет два пистолета и один отдаст Броделлу. С их помощью они и разрешат эту ситуацию. Гилу нужен был мой совет относительно деталей — как и где это должно произойти, и сколько патронов должно быть в каждом пистолете. Причем он заявил, что ему самому достаточно одного. Разумеется, мне пришлось его отговаривать.

— Почему «разумеется»?

— В его рассуждениях оказалось несколько неверных моментов, но главное то, что в действительности — я имею в виду нашу западную историю — каждый из дуэлянтов пользовался собственным оружием, а у Броделла, возможно, его не было. Кто же тогда, смею спросить, проверил бы пистолет, который дал бы ему Гилберт? В приготовлениях должны были участвовать по меньшей мере еще два человека — секунданты. А кому захочется оказаться причастным к насильственной смерти, ведь Гилберт прекрасно стреляет и, безусловно, убил бы Броделла. Поэтому мне и пришлось отговаривать его, но надо было хоть что-то предложить взамен. И я предложила.

— Позвольте угадать. Вы предложили вымазать Броделла дегтем и вываливать в перьях.

— Ну конечно! Это средство не такое уж западное, как американская дуэль; однако я уверена, что отказываться от него не следует. Если бы у нас всегда и все делалось в соответствии с законом, а наказание было бы действенным, это средство срабатывало бы лучше, чем штраф или месяц тюрьмы. Неужто вы не подумали бы как следует, прежде чем рискнуть оказаться вымазанным дегтем и вываленным в перьях?

— По крайней мере я всегда задумываюсь; чтобы избежать штрафа.

Мисс Ботон кивнула.

— Я рассуждала так: главное, чтобы тот мужчина уехал отсюда, следовательно, если бы его вымазали дегтем и вывалили в перьях, цель была бы достигнута. Гилберт пытался спорить, что это средство не настолько эффективно, но мысль ему понравилась — ведь ему только и надо было, чтобы Броделл не возвращался. О том, что он снова сюда приехал, Гилберт узнал через десять минут после того, как тот вышел из автобуса — Гилу сказал об этом один его друг. У всех нас есть такие друзья. Итак, мы решили, что к участию в этом деле ему следует привлечь от восьми до десяти

ребят. Гил заявил, что может привлечь сколько угодно, и лучше всего сделать это в субботу в Лейм-Хорс, поскольку Броделл почти наверняка окажется там, у Вуди. Полагаю, о субботних вечерах у Вуди вам известно?

— Да.

— Мы обсудили все детали. Но где же раздобыть деготь и найти перья?

— У Хоумера Дауда и Джимми Негрона.

Она нахмурилась.

— Оказывается, вы все уже знаете. — Судя по тону ее голоса, она бы наверняка отправила меня в кабинет директора, окажись тот поблизости.

Желая сгладить неприятное впечатление, я пояснил:

— Нет, я знал лишь из слов Гилберта Хейта, что он отправился отсюда в «Дауд Руфинг Компани» и на ферму Негрона по разведению цыплят, но не знал, с какой целью. — Я встал. — Выходит, он купился на дегте и перьях?

— Ничего он не купился. Ему это и не надо было. Он просто понял, что этот вариант для него самый подходящий. Вы уходите? Не так уж много я вам и рассказала. Вы спросили, уверена ли я, что это было именно в тот день, а я взяла и рассказала. Что еще вы хотите узнать?

— Кто застрелил Филипа Броделла? — Я снова сел. — Вы говорите, что Гилберт рассказал мне все — о девушке, на которой хотел жениться, и о том мужчине. Если у вас есть время, уточните, пожалуйста, что именно он рассказывал вам.

— Ну... встал вопрос об изнасиловании. Об изнасиловании, наказуемом законом. Ей было восемнадцать лет. Но Гилберт не мог подать в суд.

— Я знаю. А мистер и миссис Грив этого не сделали. Но что он сказал о Броделле? Вы, вероятно, знаете, что я не верю в то, будто его застрелил Харви Грив, и, следуя вашему совету, пытаюсь все продумать. Возможно, Гилберт сказал о нем что-то такое, что могло бы помочь мне в поисках.

— Если и сказал, то не мне. Я вам сочувствую, мистер Гудвин, но помочь в вашем деле не могу.

— Разумеется, вы думаете, что вся эта история — дело рук Харви Грива.

— Я это говорила?

— Нет.

— Тогда и вы не говорите. Он невиновен, пока присяжные, люди, равные ему по положению, не решат, что он виновен. Это то, чем наша страна по праву может гордиться.

— Безусловно. Как и такими, как вы. — Я встал. Не то чтобы я был зол на нее — просто человеку, как и лошади, не нравится, когда у него перед носом закрывают ворота. — Я не совсем понимаю, мисс Ботон, как ваш совет Гилберту — напасть на другого человека, вымазать его дегтем и вывалить в перьях, вписывается в Конституцию нашей вели-

кой страны, — сказал я, — это уже уголовное преступление. Подумайте над этим.

Я не поблагодарил свою собеседницу за то, что у нее нашлось для меня время, и удалился если не бегом, то все же достаточно быстро. Сел в машину, захлопнул дверцу и бросил взгляд на часы: семнадцать минут двенадцатого. Добираясь до Мейн-стрит, находившейся всего в трех кварталах, я проанализировал ситуацию. К «Дауд Руфинг Компани» надо было свернуть направо. Налево шла дорога на Лейм-Хорс. Я свернул налево.

На поворотах, рытвинах, ухабах, подъемах и спусках я особенно не торопился, и, когда добрался до конца асфальта перед универсамом Вотера, часы показывали три минуты первого, то есть три часа дня в Нью-Йорке. К этому времени Сол, возможно, уже обнаружил, что Манхэттен опустел в летний уик-энд, и посчитал на сегодня свой рабочий день законченным. Я остановился перед Холлом культуры, вошел в здание и получил у Вуди разрешение воспользоваться его телефоном. Согласно договору, Сол не должен был звонить нам, разве что в случае крайней необходимости — звонить ему должны были мы. Две мои попытки не увенчались успехом — его номер не отвечал. Я вернулся к машине и покати к хижине, предполагая, что успеваю к ленчу.

Однако ленча и в помине не было. На веранде никого не оказалось. Не оказалось никого ни в гостиной, ни в комнате Лили, ни в моей, ни в комнате Вулфа. Зато в кухне у стола стоял Уэйд и открывал банку густой похлебки из моллюсков и свинины. Я спросил его, хватит ли нам этой пищи на двоих, он ответил, что, безусловно, не хватит, но в кладовке есть еще. Я прошел туда, открыл маленький холодильник и взял банку с остатками ветчины. Вытаскивая нож из ящика кухонного стола, спросил:

— Они что, все еще катаются на лошадях?

Уэйд выложил содержимое банки в кастрюльку.

— Нет, взяли машину с ранчо. Если я правильно понял, после полудня вы с Вулфом отправляетесь на ранчо?

— Вроде бы. Только скорее ближе к вечеру.

— Ну, вот, — продолжал Уорти, — приехала миссис Грив и сказала, что она хотела бы угостить Вулфа форестью по-монтански. Поэтому они взяли снасти и еду и отправились на реку за рыбой.

— И мистер Вулф ушел с ними?

— Нет, только Лили, Диана и Мими. Да, еще миссис Грив. Насчет Вулфа не знаю. Я был у себя в комнате и слышал, как часов в десять он ходил по кухне и кладовке. Судя по всему, он не голоден. Пиво или кофе?

Я поблагодарил и сказал, что выпью молока.

Мы перекусили в кухне. Уэйд, вероятно, думал, что у меня сумбур в голове, впрочем, так и было. Вряд ли Вулф отправился к Фарнхэму повидать Дюбуа и остальных, но

тогда где же он? Уорти сказал, что телефон не звонил, но ведь он находился у себя в комнате, возможно, печатал на машинке и не слышал звонка. Итак, за две недели работы я ровным счетом ничего не добился, теперь еще и у Гила Хейта оказалось железное алиби, а я закусываю и болтаю с человеком, который, кстати, вполне может быть убийцей. Вместо светского трепаня мне не терпелось сказать ему следующее: «Поскольку мы оба гостим в одном доме, мне следует предупредить вас, что по моей просьбе некий Сол Пэнзер, лучше которого, на мой взгляд, не сыскать, в этот самый момент раскапывает кое-какие подробности из вашего прошлого в Нью-Йорке. Если вы когда-либо общались с Филипом Броделлом, он непременно это узнает, так что уж лучше расскажите мне все прямо сейчас. Сегодня между шестью и семью вечера я собираюсь звонить Солу и буду теперь делать это каждый божий день».

Мне хотелось, нет, мне просто необходимо было действовать, а выложить все это Уэйду и означало предпринять какое-то действие. Разумеется, скажи я ему это и раскопай Сол что-то действительно стоящее, Уорти скорее всего к шести часам исчез бы из хижины, но за ним могли бы снарядить погоню, что меня вполне устраивало. Однако я призвал на помощь всю свою силу воли и наложил на такое решение вето. Мне платил Вулф, и действовать по собственному разумению и исходя из опыта мне полагалось лишь тогда, когда я не мог с ним посоветоваться. Так что Уорти, вероятно, подумал, что в голове у меня сумбур.

Помыв после себя тарелки, мы разошлись — он пошел к себе в комнату, а я вышел из дома. Вопрос теперь стоял таким образом: хорошо ли я знаю Ниро Вулфа? Я ответил на него через две минуты. Если бы он решился на какой-то отчаянный шаг, скажем, вызвать машину, чтобы съездить куда-то и позвонить, или же отправился пешком к Фарнхэму, он бы оставил мне записку. Но ведь он не знал, когда я вернусь из Тимбербурга, а ему наверняка хотелось услышать, как у меня обстоят дела с Гилом Хейтом. Значит, размышляя я, он предпочел, чтобы я не рыскал по округе в поисках его. Следовательно, мне известно, где он. Я вошел в дом, переоделся и переобулся, вышел через веранду и направился вверх по ручью. Первые несколько сотен ярдов я шел обычным шагом. Приблизившись же к месту для пикников, пошел осторожнее, без лишнего шума. Ручей журчал всего в тридцати футах от того камня, где мы уже как-то беседовали с Вулфом, и там было довольно шумно.

На камне лежали пиджак, жилет, рюкзак и книга. Вулфа нигде не было видно, однако, подойдя к самому берегу, который круто обрывался вниз, я его увидел. Закатав брюки выше колен и засучив рукава желтой сорочки, он блаженно стоял на валуне, а его ноги омывала вода.

— У вас отмерзнут пальцы, — крикнул я громко.

Он повернул голову.

— Когда ты возвратился?

— Полчаса назад. Перекусил и сразу же пришел сюда. Где ваши запонки?

— В кармане пиджака.

Я вернулся к камню, поднял пиджак и нашел в правом кармане его запонки. Эти два изумруда от Мюзо, большие яйца малиновки, когда-то украшали серьги одной женщины, которая, умирая, завещала их Вулфу. Не далее как год назад один человек предложил за них моему патрону тридцать пять штук, и мне не хотелось, чтобы к моим расходам на поезд в Нью-Йорк прибавилась еще и их стоимость. Я опустил их себе в карман и, кладя пиджак на место, заметил, что Вулф читал «В круге первом» Александра Солженицына, а вовсе не книгу об индейцах.

— Я встретил одну мисс, которая могла бы рассказать вам о краснокожих, особенно о племенах, живших к западу от Миссисипи. Между прочим, она добавила к алиби Гила Хейта две ноги и пиджак из перьев.

Вулф пошевелил ногами, подвигал ими влево и вправо, взад и вперед, нащупывая место поудобней, потом выпрямился и стал лицом к берегу. Зная, как легко потерять равновесие, ступая по этим скользким камням, я поставил пять против одного, что он шлепнется в воду. Однако этого не произошло. Добравшись до большого плоского куска гранита примерно посередине спуска, где лежали его туфли с носками, Вулф сел и сказал:

— Докладывай.

— Только когда вы подниметесь сюда и будете вне опасности.

— Не могу же я надеть носки прямо на мокрые ноги?

— Надо было захватить полотенце. — Решив последовать примеру Вулфа, я тоже сел на камень. — Слово в слово?

— Если еще не разучился.

Я принялся за дело. Сначала доложил о кратком обмене любезностями с Гилбертом и папочкой Хейтом, о подписанном мальчишкой заявлении, которое я зачитал, а затем перешел к Бесси Ботон.

— Если мы и найдем замену Харви, то это будет отнюдь не Гилберт Хейт, — заключил я свой рассказ. — Мисс Ботон снабдила его алиби до половины пятого. Более чем вероятно, что она рассказывает все как было, но даже если она лгунья, то чертовски ловкая, и любой состав присяжных проглотит ее ложь вместе с крючком, дегтем и перьями. Но проблема даже не в этом, ибо присяжным выслушивать ее показания не придется. Для нас теперь главная проблема — Джессап. Вы как-то назвали его ослом, но эти животные бывают двух видов. Он что — непроходимый осел?

— Нет.

— Тогда забудем о Гиле.

— Черт бы его побрал!

Вулф потянулся за носками и туфлями, надел их, отыскав хорошую опору для ног, выпрямился и поднялся наверх. Руки я ему не предложил, потому что он бы ее не принял, к тому же, чем больше он будет двигаться, тем лучше для него. Вулф подошел к камню, надел жилет, пиджак и сел.

— Я обратил внимание на одну интересную деталь: вы ни слова не проронили о еде, даже забыли об оладьях и запасах из холодильника. Очевидно, еще по пути в аэропорт вы дали себе слово чести, что воспримете оскорбления ваших вкусовых ощущений без единого звука. Я уже слышу, как по нашем возвращении вы рассказываете об этом Фрицу, если это когда-нибудь произойдет. Надеюсь, они наловят много рыбы. А что вы думаете о консервированном мясном бульоне?

Я полагал, ему станет легче, если он выговорится, но он, очевидно, так не считал.

— В Сент-Луис ты не поедешь. Ты нужен здесь, — сказал Вулф.

— Разумеется. Проверять алиби.

— Фу. У тебя есть комментарии по поводу вчерашнего вечера?

— Ничего, кроме того, что я высказал на обратном пути, и того, что высказали вы. Мне понравилось, что Фарнхэм упомянул о закладной на его дом. Может, это прольет хоть какой-то свет. Кстати, вы обратили внимание на то, что Сэм Пикок старался не упоминать о том утре, когда Броделл пошел взглянуть на Берри-крик? Вам пришлось дважды его прерывать, а когда вы спросили, не обмолвился ли Броделл о встрече с кем-нибудь, он стал терзать шейный платок и заявил, что вы задаете слишком много вопросов. Если бы Броделл был жив, я бы с удовольствием расспросил его о том утре в четверг.

— Мы бы нашли мистера Пикок, если бы поехали туда прямо сейчас?

— В это время дня в субботу? Сомневаюсь.

— А он придет сегодня вечером к мистеру Степаняну?

— Он всегда там бывает.

— Значит, мы его увидим.

— Мы?! Вы пойдете туда?!

Я вырвался из него глаза.

— Пить хочется, — сказал Вулф. — В ручье лежат две банки пива.

Я поднялся и пошел за ними.

В двадцать минут шестого мы, четверо мужчин, сидели в комнате дома Гривов, где были развешаны картины, ленточки и медали и хранились серебряный кубок и седло. Карол Грив и Флора Итон, несчастная вдова, готовили на кухне настоящую форель по-монтански к назначенной на шесть трапезе. Алма была где-то с младенцем. Мы с Вулфом были в пять, Пит Инголс и Эмметт Лейк уже поджидали нас; Мела Фокса задержала какая-то неприятность с одной из лошадей. Ковбой Эмметт — мужчина лет сорока с лишним — сказал всего два слова: «Садитесь здесь», зато Пит был многословен. Судя по его телосложению, можно было подумать, что он атлет, однако он оказался аспирантом Калифорнийского университета в Беркли, изучавшим палеонтологию, и уже третье лето проводил на «Ранчо Дж. Р.». Вулф поинтересовался у него по поводу демонстраций в Беркли, подбросил ряд замечаний, и мы потихоньку так бы и дотянули до ужина, не появившись Мел Фокс. Извинившись за опоздание, он пожал Вулфу руку, пододвинул стул поближе ко мне, сядясь, одернул свои «ливайсы» — такая у него была привычка, — посмотрел на руки, сказал, что даже не успел умыться, и спросил, не пропустил ли он чего-то важного.

Вулф покачал головой.

— Мы ждали вас. Я здесь уже три дня, мистер Фокс, и вы, наверное, недоумеваете, почему я не встретился с вами раньше.

— Да нет, я был слишком занят, чтобы размышлять над этим.

— Завидую. А я только и делал, что размышлял. — Вулф окинул всех взглядом. — Меня, джентльмены, познакомил с вами мистер Гудвин, и, назови он какую-либо причину, по которой можно было бы заподозрить кого-то из вас в убийстве Филипа Броделла, я бы не стал тянуть с нашей беседой. Я все еще не потерял слабую надежду, что кто-то из вас, сам того не подозревая, знает что-то стоящее. Если бы я стал задавать вам вопросы, на это ушло бы несколько дней. Поэтому давайте просто побеседуем. Мистер Фокс, начнем с вас. Расскажите мне о Филипе Броделле и его гибели.

— Ну, какой из меня рассказчик? — Мел взглянул на меня, потом перевел взгляд на Вулфа. — Я вроде бы все сообщил Арчи.

— Знаю, но позвольте все-таки вас послушать. Начинаяте!

— Ну что ж. — Мел закинул ногу на ногу. — Я переброемся с Броделлом самое большее двумя дюжинами слов. Еще прошлым летом. Как-то воскресным утром я делал кое-какие покупки у Вотера, а он подошел ко мне, представился и сказал, что хочет купить старую веревку. Он спросил, нет ли у меня такой и не продам ли я ее ему. Да, пожалуй, да-

же и двух дюжин слов не набралось бы. Я сказал, что такой веревки у меня нет. Возможно, я видел Броделла еще раза два, но не говорил с ним — он меня совершенно не интересовал. А когда выяснилось, что он отец малыша Алмы, его, естественно, здесь уже не было. Тогда разумеется, он для меня уже что-то значил, потому что Алма... Ну, когда ей было всего пять лет, я вытаскивал иглы дикобраза у нее из ноги. О Броделле тогда много судачили, но мне особенно нечего было сказать, разве только то, что я бы с него живьем спустил шкуру.

— Возможно, вас и следует подозревать?

— Как хотите. Шериф меня тоже подозревал.

— А сейчас?

— Харви оказался добычей позаманчивей меня, и он пришел это дело ему. К тому же Харви в тот день был один, со мной же постоянно находился Эмметт Лейк, а какое-то время и Пит Инголс. Шериф знает, что Эмметт ради меня врать не станет — ведь он считает, что моя работа должна была достаться именно ему.

— Вздор, — заметил Эмметт.

На него не обратили внимания. Вулф спросил у Мела:

— Вы знали, что Броделл вернулся?

— Это знали все. Пит рассказал нам об этом на другой день после приезда Броделла, во вторник. В тот вечер после ужина между нами троеими вышел крупный спор. Пит считал, что нам следует помочь Харви с Кэрол — понаблюдать за Алмой и не позволить ей снова встретиться с этим мерзавцем. Эмметт доказывал, что нам не нужно ни во что лезть, потому что Броделл может на Алме жениться, а я сказал, что мы должны предоставить все решать отцу с матерью. Как и в любом споре, все остались при своем. Однако наутро ни Харви, ни Кэрол ничего не сказали. А каждый из нас занимался своим делом. Пит после ужина куда-то исчез, а у Эмметта разболелся живот, и он лег. Все это я уже рассказывал Арчи.

— Знаю. Спор возобновился в среду вечером?

— В какой-то мере. Мы немного успокоились и спорили не так горячо. В четверг мы тоже спорили, но уже совсем вяло. Харви сказал нам со слов Кэрол, что Алма не видела Броделла и видеть его не собирается. Но, как я рассказывал Арчи, мы с Питом толковали о Броделле после ужина, возле большого загона. А он в то время уже лежал на валуне с двумя дырками в теле. Меня это еще раз убедило, что зачастую говоришь о том, что не соответствует ситуации.

— Продолжайте, пожалуйста.

Мел покачал головой.

— А нечего продолжать. Я знаю, вы хотите доказать, что Броделла застрелил не Харви, а кто-то другой. Я тоже хочу этого не меньше вас с Арчи, но ведь прежде чем клеймить

теленка, который спрятался в кустах, его нужно найти и связать. Как насчет мальчишки Хейта?

— Мистер Гудвин его исключает.

— Пустой номер, Мел, — сказал я. — Я потратил на него все утро, но там все чисто.

— А где же нечисто?

— Трудно сказать. Потому мы и собрались здесь. Мистер Вулф надеялся, что вы скажете что-то такое о Броделле, что наведет нас на правильный путь.

Я был слишком занят и особенно не прислушивался к разговорам. За эти две недели я всего раз был за ручьем, хотел повидаться с Харви в Тимбербурге, но Морли Хейт мне не позволил. Боже, как бы мне хотелось, чтобы на нем поставили клеймо.

Взгляд Вулфа переместился вправо.

— Мистер Лейк, расскажите мне о мистере Броделле.

— Черт бы его побрал, этого Броделла! — сказал Эмметт.

Правда, выразился он иначе. Около года тому назад я получил письмо на четырех страницах от одной старой леди из города Уичито, штат Канзас, в котором сообщалось, что она прочла все мои опусы и что, как только каждому или каждой из ее четырнадцати внуков и внучек исполнилось двенадцать лет, она дарила им экземпляры моих сочинений, чтобы им было с чего начать. Если я возьму и напишу, что на самом деле сказал Эмметт Лейк, я наверняка потеряю старую леди, не говоря уже о внуках, которым еще нет двенадцати. Цензуру я люблю не больше, чем вы, и если оказалось бы, что именно Эмметт застрелил Броделла, мне пришлось бы передать его слова без купюр и навсегда распрощаться с Уичито. Но Эмметт к этому делу отношения не имел, поэтому его речь мне пришлось подредактировать. Тем же из вас, кому нравятся крепкие выражения, придется щедро восполнять их самим.

— Черт бы его побрал (А. Г.), этого Броделла, — сказал Эмметт.

— Это невозможно, — ответил Пит Ингоल्с. — Он умер, и его похоронили.

— Именно я высказал предположение, что этот мерзкий (А. Г.) тип (А. Г.) может жениться на ней, что лишь доказывает, каким я оказался жутким (А. Г.) невеждой (А. Г.).

— Я полагал, ты испытываешь сострадание, — отозвался Пит.

— Вздор. Я сказал, как мне это представлялось. Каждая живая (А. Г.) женщина (А. Г.) — прирожденная сирена (А. Г.). Я назвал его мерзким (А. Г.) типом (А. Г.), потому что он не местный, а все похотливые (А. Г.) дьяды вполне могут побросать свои распрекрасные (А. Г.) дома, когда...

А, вздор (А. Г.), для примера достаточно. Цензура — слишком хлопотное дело. Полностью обойти вниманием сло-

ва Эмметта Лейка я не мог, поскольку он их произносил, но, по-моему, хватит. Вулф терпел это несколько дольше — он может вынести что угодно, если есть надежда на то, что это хоть как-то поможет, а затем прервал его, да таким тоном, от которого Эмметт застыл на полуслове.

— Спасибо, мистер Лейк. Мистер Ингоल्с, — обратился он к Питу, — вы продемонстрировали, что тоже обладаете солидным словарным запасом, пусть и не таким цветистым. Мистер Гудвин сообщил мне, что вы обменялись с Броделлом несколькими словами.

— В прошлом году, — ответил Пит. — В этом году я его не видел. Полагаю, Арчи сообщил вам, что я согласен с ним относительно Харви, только по другой причине. Харви никогда не убьет живое существо просто так, если только не вознамерится его съесть. Он даже по койотам не стреляет. Когда я только начал работать здесь, одна из лошадей сломала ногу. Харви не смог ее пристрелить, это пришлось сделать Мелу. Ну так вот, я хочу сказать, что такой человек не сможет убить другого, поддавшись порыву, а предположить, будто он специально возьмет ружье, выследит человека и укокошит его — это и вовсе смехотворно. Я знаю достаточно о...

— Мистер Ингоल्с, мистеру Гриву не нужен адвокат, — сказал Вулф. — Вы часто виделись прошлым летом с мистером Броделлом?

Пит повернул руки ладонями вверх. У него был богатый набор жестов.

— Я бы не сказал: «виделись». Это не одно и то же — быть вместе с человеком или просто находиться там, где в это время находится он. Я произвел на Броделла впечатление. Он познакомился со мной, потому что знал: мой отец — преуспевающий бизнесмен и занимается недвижимостью, а я — аспирант-палеонтолог. Броделлу очень хотелось знать, как мне удалось отвязаться от отца. Это его слово — отвязаться. Ему хотелось вырваться на свободу, а отец упорно не отпускал его из своей газеты.

— А чем он хотел заниматься?

— Ничем.

— Вздор. Ничего не хочет делать только святой.

Пит улыбнулся.

— Здорово, парень. Кто это сказал?

— Я.

— А кто сказал первым?

— Я редко позволяю цитировать себя, а если и позволяю, то не у себя за спиной.

— Постараюсь проверить по справочникам. Если обнаружу эту цитату, то pošлю вам ворону, чтобы вы ее съели. Однако вернемся к нашему разговору. Следует, пожалуй, сказать, что единственную тягу Броделл испытывал к негативным поступкам. Я старался его избегать. Когда он возна-

мерился устроить нам свидание с двумя девушками из Тимбербурга, я с благодарностью отклонил его предложение. Ну и так далее. По сути, я видел его очень мало, если не считать субботних вечеров у Вуди. Раз или два наткнулся на него у Вотера, или он наткнулся на меня, а однажды мы вчетвером провели вечер в кегельбане в Тимбербурге. *De mortuis nil nisi bonum*¹, но с ним было скучно. Очень скучно. На следующий день после его смерти мне в голову пришло, что вряд ли он за свою жизнь вызвал чье-то сочувствие. Ему было тридцать пять лет. Умер он, наверное, за минуту, а то и меньше, так вот, за эту минуту он, пожалуй, вызвал больше сочувствия, чем за все тридцать пять лет своей жизни. Я подсчитал: в тридцати пяти годах восемнадцать миллионов триста девяносто шесть тысяч минут. Вы просили поговорить о Филипе Броделле и его смерти. Никудышный получился некролог.

— Похоже, так и есть, — заметил Вулф. — Он, судя по всему, вызвал сочувствие мисс Грив. Хотя, как выразился бы мистер Лейк, она сама могла себя завести.

— Один поль в вашу пользу, — сказал Пит и задумался. — Но это всего лишь из области семантики: «завести». Обязательно ли мужчину или женщину заводить? Разумеется, нет. Большинство женщин позволяют задрать себе юбку, только потому что их давно разбирает любопытство. Жаль, что я плохо знаю Алму и не могу ее спросить об этом. Я не верю, чтобы он смог вызвать у нее сочувствие. Любопытство зачастую настолько сильно, что перед ним не может устоять никто. Я работаю с бренными останками и думаю, что еще в девонский или даже в силурийский период... Привет, Алма!

Девушка вошла в комнату. Четверо из нас встали. Привычка вставать, когда входит особа женского пола, оказалась более живучей в Монтане, чем в Манхэттене, и, разумеется, когда Мел с Эмметтом поднялись, мы с Питом тоже встали. Вулф не шелохнулся. Он почти никогда не встает, когда в его кабинет входит женщина, к тому же за последние три дня он нарушил столько устоявшихся правил, что для него, наверное, истинным удовлетворением оказалось не нарушать хотя бы это.

— Прошу вас к столу.

— Идите ешьте, пока не застыл жир, — сказала Алма.

Мел пошел мыть руки, а мы вчетвером направились в столовую, которую пристроили по просьбе Кэрол, когда Лили ремонтировала дом. Вулфа усадили между Кэрол и Алмой, я оказался напротив, поэтому у меня появилась хорошая возможность наблюдать, как он прореагирует на томатный суп из консервной банки. Вулф мгновенно опустошил свою та-

¹ *De mortuis nil nisi bonum* (лат.) — о мертвых хорошо или ничего.

релку. Единственную странность в его поведении отметил я один: он сделал все возможное, чтобы не встретиться со мной взглядом. Флора сидела между Мелом и Эмметтом. Она помогла Кэрол и Алме убрать тарелки из-под супа и принести блюда с картофельным пюре, фасолью и луком в сметане. А потом последовала настоящая форель по-монтански, которую Кэрол и Алма принесли на больших подносах. Самая крупная рыбина в фольге досталась Вулфу. Я заранее предупредил его, что форель не надо перекладывать на тарелку, а следует развернуть фольгу и есть прямо с нее. Он так и сделал. Вулфу достался прекрасный экземпляр: крупная пятнадцатидюймовая форель, которую поймала Лили. Я надеялся, что рыба запеклась как следует. Вулф, умело орудуя ножом и вилкой, положил кусочек в рот, пожевал, проглотил и сказал:

— Замечательно!

Это все и решило: я попрошу его о повышении жалованья. Коль он пошел на такое лишь ради того, чтобы я вернулся домой, значит, мне явно недоплачивали.

IX

Ниро Вулф сказал Вудро Степаняну:

— Когда я рассмотрю вопрос со всех сторон, возможно, и соглашусь с вами. Я лишь сказал то, что хотел сказать: большинство ваших сограждан на такое не способны.

Было без двадцати девять. Мы находились в средней части Холла культуры, которую Лили называла «Галереей». Двери в кино- и танцзалы были закрыты: фильм еще не закончился, а скачки еще не начались. На «Ранчо Дж. Р.» мы усвоили лишь одно: форель, запеченная в фольге с ветчиной в жидком сахаре, с луком и вустерширским соусом, легко усваивается. Может, мы добились чего-то от Мела, Эмметта и Питта, но я этого не заметил. Зато я получил важную весть от Сола Пэнзера, когда позвонил ему по телефону от Гривов. Если Филип Броделл во время его наездов в Нью-Йорк и встречался с Дианой Кэдэни или Уэйдом Уорти, никаких доказательств этого Сол не обнаружил и считал, что шансов обнаружить их почти нет.

Слова Вулфа о том, что он может согласиться с Вуди, относились к надписи, висевшей на стене позади письменного стола хозяина заведения — большой карточке в самодельной рамке, на которой Вуди собственноручно вывел гигантскими буквами:

«НУ ЧТО Ж ДЕЛАТЬ, ПРИДЕТСЯ ГОРЕТЬ В АДУ».

Марк Твен. «Приключения Гекльберри Финна».

На вопрос Вулфа, почему эти слова вставлены в рамку, Вуди ответил: потому что считает их величайшим изречением во всей американской литературе. Вулф спросил, почему Вуди так думает, а тот ответил: потому что в этих словах

выражен основополагающий принцип жизни в Америке — ни один человек не должен никому позволять решать за себя; а удивительны они потому, что их произносит не мужчина, а мальчик, сроду не прочитавший ни одной книжки. Это доказывает, что он с этой мыслью родился, поскольку он американец.

У меня были свои дела, но я остался послушать, решив, что смогу узнать что-нибудь новенькое об Америке и ее литературе. Когда Вулф заявил, что большинство сограждан Вуди не согласятся с ним, Вуди спросил, какое изречение они могли бы счесть более сильным, и Вулф ответил:

— Я мог бы предложить с десяток, если не больше, но самое удачное тоже висит у вас на стене. — Он указал на заключенную в рамку фразу из «Декларации независимости»: «Все люди созданы равными».

Вуди кивнул.

— Разумеется, изречение великое, но при всем моем уважении к «Декларации», это ложь. Добрая ложь во имя доброй цели, но все-таки ложь.

— Только не в том контексте. В качестве биологической предпосылки оно оказалось бы абсурдом, зато это мощное орудие истины. Ее назначением было не убеждать, а ставить в тупик. — Вулф снова указал рукой. — А что там?

«Там» было еще одно написанное от руки изречение, но я не могу показать его вам — у меня не оказалось при себе камеры, чтобы запечатлеть эти иероглифы. Очевидно, в нем содержалось восемь или девять слов, но каких... Впизу стояли два слова помельче: «Степан Орбелян».

— Оно гораздо старше, — сказал Вуди. — Ему лет семьсот. Я не уверен в том, что это великое изречение, но испытываю к нему большую симпатию, потому что оно очень тонкое. Тот человек, Степан Орбелян, написал его на древнеармянском языке, и в нем говорится: «Я люблю мою страну, потому что она моя». Разумеется, все далеко не так просто. Здесь подразумевается уйма самых разных вещей, что, казалось бы, невозможно выразить восемью словами. Позвольте спросить, вы согласны с этим изречением?

Вулф хмыкнул.

— Я согласен, что оно тонкое. Необыкновенно тонкое. Давайте присядем и обсудим его.

Меня в помощники не пригласили, поэтому я отправился по своему делу, состоявшему всего-навсего в выполнении обязанностей шофера: я поехал к хижине, чтобы привезти Лили, Диану и Уэйда Уорти. Я ожидал, что найду Лили и Уэйда в гостиной, а Диана еще не будет готова. Так оно и оказалось. Разумеется, девять женщин из десяти постоянно опаздывают, но Диане, кроме того, всякий раз непременно надо было появляться торжественно, как на сцене. Во время завтрака она никогда не приходила на кухню — она туда прибывала. Выход без публики — это не выход, и чем боль-

ше аудитория, тем лучше. Мы договорились, что я приеду за ними сразу после девяти. И вот когда я с упоением рассказывал Лили и Уэйду о беседе, возникшей между мистером Вулфом и мистером Степанином, Диана, что называется, вплыла в комнату. Она была в красном шелковом платье, смело открытом сверху, зато достававшем чуть ли не до щиколоток. У Лили были другие представления о моде — она надела бледно-розовую блузку и белые брюки.

Когда мы приехали в Лейм-Хорс, свободного места для парковки перед заведением Вуди уже не осталось. Я завернул за угол и остановил машину в укромном уголке около магазина Вотера. Я не ожидал увидеть в вестибюле Вулфа. Мы заранее попросили у Вуди разрешения воспользоваться его жилыми помещениями, и он нам его дал, а с Вулфом договорились, что я при первой же возможности эскортирую туда Сэма Пикока. Однако Вулф оказался в вестибюле — он сидел на стуле со слишком узким для него сиденьем, у задней стены, и был не один. Представители закона почти никогда по субботним вечерам не показывались в Холле культуры, поскольку Вуди обычно сам следил за порядком. Лишь случайно мог заглянуть полицейский в униформе. Однако в тот вечер у Вуди в гостях был не только шериф Морли Хейт, восседавший на стуле примерно в трех шагах справа от моего патрона, но и один из его заместителей — потрепанный тип именно с такими плечами, о которых мечтал Хейт. Звали его Эд Уэлч. Он стоял у двери справа, рядом с кассиром. Диана с Уэйдом направились в танцзал, но Лили осталась со мной, она посмотрела на Уэлча, потом на Хейта и спросила меня достаточно громко:

— По-моему, я где-то уже видела этого человека, а?

Чтобы избавить меня от хлопот подбирать соответствующую реплику, она направилась к двери. Я подошел к Вулфу и спросил:

— Вы знакомы с шерифом Хейтом?

— Нет.

— Вот он. — Я нарочно указал на него пальцем. — Хотите познакомиться?

— Нет.

Я повернулся к Хейту.

— Добрый вечер! Желаете что-нибудь спросить у меня или у мистера Вулфа? Или что-нибудь нам сказать?

— Нет, — тихо рывкнул он.

Решив, что с меня пока хватит этих «нет», я направился к кассиру, протянул ему два доллара и прошел в зал. Музыканты отдыхали, но, пока я пробирался к тому месту, где, как я знал, найду Лили, они заиграли что-то мне незнакомое. Тут Лили «подплыла» ко мне, и мы пошли танцевать. Мы столько часов протанцевали вместе, под самые

разнообразные ритмы и мелодии, что на танцевальной площадке превращались в одно четырехное существо.

Обычно, танцуя, мы особенно не разговаривали, но сейчас Лили уже через минуту сказала:

— Он вошел сюда следом за тобой.

— Кто? Хейт?

— Нет, другой.

— Я так и думал. Мне не хотелось оглядываться, ибо это доставило бы ему удовольствие.

Через минуту Лили снова обратилась ко мне:

— И чего эта обезьяна там сидит?

— Надеется, что появится предлог вышвырнуть нас из этого округа.

Еще через минуту, когда мы наблюдали, как Диана скачет с парнем в пурпурной сорочке и «ливайсах», а Уэд — с девушкой в мини-юбке и свитере, Лили снова проговорила:

— Ты же сказал, он будет сидеть у Вуди.

— Он сам так сказал. Очевидно, решил понаблюдать за стадом и выявить убийцу. От Вулфа можно ожидать чего угодно.

Еще через две минуты:

— А что с Сэмом Пикоком? Нет, беру свои слова обратно. Больше не буду задавать вопросов. Просто я заметила, с каким он сидит выражением, и если танцы будут продолжаться слишком долго, он меня возненавидит. Черт побери, он единственный человек на земле, которого я боюсь. Ты расскажешь мне о Сэме Пикоке или нет?

— Нет. Может, он даст нам ключ к разгадке, а может, и нет. А о Ниро Вулфе забудь. Это пойдет ему на пользу. Он даже съел немного картофельного пюре у Кэрол. Ты его в это дело не втягивала, я тоже. Он влез в него сам и полностью отдает себе в этом отчет. Вулф во всем отдает себе отчет.

— Сэма Пикока я здесь пока не видела.

— Он всегда заявляется поздно. На прошлой неделе пришел почти в одиннадцать. Помнишь, я тебе рассказывал, что слышал, как он сказал одной девушке, что, когда был младенцем, его мать приходилось привязывать, прежде чем она давала ему грудь.

Когда оркестр остановился передохнуть, я отвел Лили к ее любимому месту у открытого окна, а сам совершил круг по залу, чтобы посмотреть, как обстоят дела, и пораскинуть мозгами. Уэлч стоял у возвышения для оркестра, и я прошел мимо него, чуть не зацепив его локтем, желая продемонстрировать, что он для меня не существует. Если Морли Хейт так и останется сидеть на стуле в вестибюле, когда Вулф пройдет в жилую часть дома, значит, они что-то затевают. Увидев, что я отвел Сэма к Вулфу, Хейт, само собой, затаится и, как только Сэм выйдет, накинет на него

ошейник, а Сэм — единственный человек, из кого Вулф может вытянуть что-то стоящее. И дело не в том, что ему не хотелось распространяться о том четверге, когда Броделл отправился на Берри-крик, — ведь во вторник и среду Броделл общался только с ним и ни с кем больше. А если бы Вулф вытянул что-то из Сэма, Сэм наверняка бы не устоял и перед Хейтом. Перспектива, что едва забрезживший для нас свет может забрезжить и для Хейта, меня тоже не устраивала, и я знал, что и Вулфа также. Пробравшись к двери, я окинул взглядом вестибюль. Хейт сидел за столом Вуди с книжкой в руках, но Вулфа там уже не было.

Расхаживая по залу в течение получаса, пока играл оркестр, я увидел сто восемьдесят три лица: около половины из этих людей я знал по именам, включая тех, с кем я вас уже знакомил: всех с ранчо Фарнхэма, Пита Инголса и Эмметта Лейка с «Ранчо Дж. Р.». Пит танцевал с Лили, и когда они оказались рядом, она пригрозила мне пальцем. Сэма Пикока по-прежнему не было, но я увидел его знакомую, ту девушку, которая неделей раньше сказала ему, что он ужасно выглядит. Она была в той же самой блузке вишневого цвета или точно в такой же. Когда оркестр сделал передышку и она с видом явного недовольства отошла от своего партнера, я отвел ее в сторону и сказал:

— Я танцую лучше него.

— Знаю, — буркнула она. — Я видела. Вы — Арчи Гудвин.

Вблизи она выглядела моложе и симпатичнее. Некоторые девушки вблизи действительно выглядят лучше...

— Если вы знаете мое имя, тогда мне следует знать ваше.

— Пегги Трюетт. Спасибо за сообщение о том, что вы хорошо танцуете. Приму к сведению.

— Ну, это я лишь чтобы поддержать разговор. Теперь очередь за вами. Ради этого я к вам и подошел.

— Ну еще бы. — Она отвела в сторону прядь волнистых светлых волос. — Я знаю, вы робкий, в этом ваша беда. А я нет. Я бы хотела принять ваше предложение, но, пожалуй, не приму. Я видела вас здесь много раз, вероятно, вы меня тоже, но никогда не подходили ко мне прежде, так почему же подошли именно сейчас? Угадать не так уж трудно — вы хотите спросить у меня о Сэме Пикоке.

— А разве с ним что-то случилось?

— Вы прекрасно знаете, что с ним. Вы и ваш толстяк Ниро Вулф так обработали его вчера вечером... И все потому, что он прислуживал тому дядю, но ведь у него такая работа. Да я бы на его месте так вам...

Ее взгляд с моего лица переместился на какую-то точку за моей спиной, девушка отошла. Она нечаянно задела меня за руку, я повернулся и увидел Сэма Пикока. Он заметил направлявшуюся к нему Пегги Трюетт и пошел ей

навстречу, а я бросил взгляд на свои часы: до одиннадцати оставалось девять минут. Оркестр заиграл снова, я приблизился к выходу и стал наблюдать, как образуются пары: Лили и Вуди, Билл Фарнхэм и миссис Эмори, Пит Инголдс и Диана Кэдэни, Арман Дюбуа и какая-то женщина в черном платье, Уэйд Уорти и девушка с ранчо, что находилось выше, по реке. Эд Уэлч, помощник шерифа, сидел около оркестра и обозревал пространство вокруг себя.

Я был нужен там, как уздечка без удила, а поэтому вышел и направился в вестибюль. Хейт, положив ноги на стол Вуди, читал журнал. Он молча посмотрел на меня. Мне тоже нечего было ему сказать. Я прошел взглянуть на величайшее изречение американской литературы. Вследствие чего оказался на расстоянии вытянутой руки от Хейта, считал до ста и обернулся. Так и есть: заместитель тоже следует за мной. В голове у меня возникли три реплики, одна другой остроумнее, но я наложил на них вето, направился к двери в конце вестибюля и закрыл ее.

Я оказался в доме Вуди, в кухне, похожей на ту, что в хижине Лили, только в миниатюре. За кухней располагались спальня и ванная, тоже маленькие, а за ними комната, которую Лили называла «Музеем». Она была большая, примерно девять на двенадцать метров, с шестью окнами, и в ней хранились образцы почти всех товаров, которыми торговал отец Вуди. Чего тут только не было: от восьми сортов жевательного табака до набора кружевных занавесок на карнизе. Самым тяжелым экспонатом был двадцатипятидюймовый точильный камень, а самым большим — похожий на маслобойку. Обстановка в комнате была довольно простая: стулья, осветительные приборы и полки с книгами в твердых переплетах. Это была личная библиотека Вуди.

Две книги лежали на столике у стены, а одну держал в руках Ниро Вулф, расположившийся в просторном кресле у стола. Слева от него горела настольная лампа, справа на столике с теми двумя книгами стояли стакан и две бутылки пива, одна пустая, вторая заполнена наполовину. Он здорово устроился, и мне следовало бы повернуться и уйти, но Вулф поднял глаза и сказал:

— Нет, черт побери!

Он имел в виду, где меня черти носили. Я пододвинул стул поближе к нему, сел и произнес:

— Я же говорил вам, он придет поздно. Только что появился.

— Ты с ним не разговаривал?

— Нет. Боюсь, из этого ничего не получится.

— Почему? Он пьян?

— Нет. Но дело в том, что Хейт все еще торчит там и уходить не собирается. Скажем, я приведу Сама, через час или через шесть часов, но вряд ли вы что-то добьетесь от

него, просто убьете время. После ухода Сэма произойдет кое-что достойное не просто сожаления. Хейт займется им и...

— Я не настолько туп, Арчи. — Он закрыл книгу, предвзвительно заложив ее пальцем.

— Допустим.

— А это... — он указал рядом с собой, — не выход?

— Я тоже не тупица. Полагаю, вы обратили внимание на того дюжего бабуина, который стоял в вестибюле рядом с Хейтом? Возможно, от вас не укрылось, что, когда я вошел в танцзал, он последовал за мной. Это заместитель шерифа, Эд Уэлч. Сегодня вечером он приставлен ко мне. Если я выведу Сэма Пикок через центральный выход к вон той двери, он непременно проследует за нами, Хейт же, когда Сэм от вас выйдет, поработает над ним с еще большим усердием. Разумеется, вернуться через вот эту дверь, — я показал на проем рядом с Вулфом, — Сэм тоже не смог бы — там его поджидает Уэлч. Похоже, мы оба, особенно я, сглупили. Мне следовало разыскать Сэма днем или даже во время ужина, а вместо этого я кушал эту чертову форель по-монтански. Так что на память о сегодняшнем вечере у вас останется лишь рецепт приготовления форели, который вы, конечно, сообщите Фрицу, да еще тонкое изречение на древнеармянском языке. Завтра воскресенье, и у Сэма, вероятно, будет выходной, но я непременно разыщу его и привезу к вам. Чем больше я думаю об этом деле, тем больше мне нравится Сэм Пикок. Я просто не могу поверить, чтобы у Броделла не возникло подозрения, что в округе есть кто-то, кто хотел бы с ним покончить, как не верю тому, что во вторник и в среду, а также в четверг, он не сказал полезного для нас слова. По-моему, я говорил нечто подобное еще три дня назад.

— Не три, а два. В четверг, после полудня. Ты сказал, что хотел опробовать на нем мое, как ты выразился, «отфильтровывание», но он отказался сотрудничать.

— Отказался — это мягко сказано. Вчера вы вытянули из него больше, чем я за все три попытки. Правда, теперь я не один, и у нас есть официальные полномочия. Об этом он знает. Предлагаю выйти отсюда через заднюю дверь, уехать, как следует выспаться, а завтра я постараюсь вам его доставить. За остальными приеду потом.

Вулф скорчил гримасу.

— Который час? — проворчал он.

— Без двадцати четырех полночь.

— Я остановился как раз на одном месте, которое помогает кое-что вспомнить. — Он налил пива и открыл книгу. — Тебе, пожалуй, следует предупредить мисс Роуэн, что мы уезжаем.

Я сказал, что это не обязательно — обычно мы остаемся здесь до часу, и заглянул через его плечо узнать, что же помогает ему вспомнить. Это оказался томик «Очерков» Ма-

колея¹, и сейчас он читал о саре Уильяме Темпле, о котором я понятия не имел, так что мне и нечего было вспоминать. Я побродил по комнате, разглядывая и ощупывая музейные экспонаты, но думал о Морли Хейте и Эде Уэлче. Нет, я отнюдь не восхищался ими. Если шериф и его заместитель так блюдут закон и порядок, что работают даже в субботу вечером, значит, для них самое важное — подловить двух достопочтенных граждан, которым окружной прокурор предоставил официальные полномочия расследовать преступление в их же округе. Надо было каким-то образом ухитриться утереть им нос, и я раздумывал над тремя или четырьмя способами, как это сделать, но ни один из них меня не устраивал.

Была почти полночь, когда Вулф допил пиво, закрыл книгу. Выключил настольную лампу, взял две другие книги, отнес все три на место и посмотрел на меня:

— Надо бы убрать стакан и бутылки.

Когда я вернулся из кухни, он сидел уже в другом кресле наклонившись и отогнув уголок ковра. Вулф знал толк в коврах, и я догадался, о чем он думает, хотя он не произнес ни слова. Опустив уголок, Вулф встал, я открыл заднюю дверь, и он спросил, следует ли нам выключить свет. Я ответил, что выключу, когда вернусь.

Слабое освещение от задрапированных окон помогло нам пройти первые двадцать ярдов, но, когда мы свернули за угол самого длинного крыла магазина Вотера, стало очень темно — луну и звезды закрывали облака. Мы осторожно продвигались к машине. Когда я привез Лили, Диану и Уэйда, то вытащил ключ зажигания, но дверцы не запер. Подойдя к автомобилю, я открыл дверцу для Вулфа. Загорелся свет, и мы увидели его на заднем сиденье, с которого свешивались голова и ноги.

Вулф взглянул на меня и отступил на шаг, чтобы я смог открыть заднюю дверцу. Мне не хотелось прикасаться ни к дверце, ни к чему-либо еще в машине, но ведь он мог быть еще живым. Я открыл дверцу и наклонился. Лучшее всего проверить, дышит человек или нет, положив на ноздри что-нибудь легкое и пушистое, но под рукой ничего не оказалось, и я взял его за запястье. Пульс не прощупывался. Рука была еще теплой — да и как могло быть иначе, — всего час назад я видел его в танцзале. На его ухе виднелись две-три запекшиеся кровинки и ничего больше. Я провел кончиками пальцев по голове и нащупал глубокую вмятину. Попятившись, выпрямился и сказал:

— Вряд ли он жив. Я останусь здесь, а вы идите в дом. Как ни печально, но придется вам поставить в известность этого сукиного сына шерифа. Скажите, чтоб прихватил с со-

¹ Томас Бабинг Маколей (1800—1859) — английский историк, публицист и политический деятель.

бой доктора, там их не меньше двух. — Я полез в багажник, вытащил фонарик, включил его и направил луч на проход между зданиями. — Это кратчайший путь. Пожалуйста. — Я протянул Вулфу фонарик, но он его не взял.

— А нельзя ли...

— Черт возьми, разумеется, нельзя. Один шанс из миллиона, что он жив, а если так, он может снова заговорить. Вам вовсе не обязательно докладывать ему, что это Сэм Пикок, скажите просто, что какой-то мужчина. Вот, возьмите.

Вулф взял фонарик и удалился.

Х

Человеческий разум — это нечто совершенно непостижимое, по крайней мере, мой. Сейчас я мог бы занять его уймой вопросов, но меня мучил один: как Лили доберется домой? Я, можно сказать, ответил на него и уже решил, над чем думать в следующую очередь, когда в проходе раздались шаги. Это был Хейт — тоже с фонариком, взятым, вероятно, у Лили. Он подошел, взглянул на труп, повернулся ко мне и спросил:

— Ваша машина?

Глупее вопроса он задать не мог, даже если б готовился весь вечер. У меня нет машины, и он прекрасно об этом знает.

— Регистрационную карточку найдете сами, — ответил я. — Доктор где?

— Садитесь на переднее сиденье и оставайтесь там! — приказал он.

Хейт переложил фонарик в левую руку, направил свет мне в глаза, правая рука легла на рукоять пистолета на ремне.

— Предпочитаю ни к чему в машине не прикасаться, — возразил я. — Если бы я захотел удрать, я бы, вероятно, уже давно это сделал. В экстренных ситуациях я неплохо владею собой.

— Я приказал вам сесть на переднее сиденье!

Он вытащил пистолет.

— Хоть я вас и уважаю, но идите вы к черту!

Напрашивался вопрос: он и впрямь настолько глуп, что полагает, будто я удеру или наброшусь на него, или корчит из себя Джона Эдгара Гувера? Я по сей день так и не дал на него определенного ответа, поскольку последующие события еще более все запутали. Вскоре послышались спотыкающиеся шаги, и Хейт направил луч фонарика в ту сторону. Показался лысый мужчина в броском клетчатом пиджаке спортивного покроя. Это был Фрэнк Милхаус, доктор медицины, которого я знал в лицо, но не был с ним знаком.

Он остановился у багажника и стал озираться по сторонам, а Хейт сказал:

— В машине, Фрэнк.

Доктор заглянул в салон, повернулся к Хейту и спросил:

— Что с ним такое?

— Это вам должно быть лучше известно, — парировал Хейт.

Поставив левое колено на сиденье, Милхаус приступил к осмотру. Через три минуты он сказал:

— Его раза три сильно ударили по голове. По-моему, он мертв, но я не могу быть до конца уверен, пока... Вот и он.

Это был Эд Уэлч, с фонариком в одной руке и каким-то темным предметом в другой. Он подошел, взглянул на человека в машине и сказал:

— Это Сэм Пикок.

По части нечестной игры никто не мог сравниться с представителями закона округа Монро. Милхаус взял свой саквояж, поставил на переднее сиденье, открыл, вытащил стетоскоп и снова принялся осматривать человека, которого теперь официально определили как Сэма Пикок. Минуты через две он сказал: «Мертв», и принялся убирать стетоскоп.

— Еще какие-нибудь травмы, кроме ударов по голове?

— Не знаю. — Милхаус закрыл саквояж и поднял его с сиденья. — Вероятно, он умер насильственной смертью, но я не патологоанатом.

— Мы отнесем его туда, где вы смогли бы его спокойно осмотреть.

— Только не я. Как вам известно, меня уже один раз арестовывали — с меня достаточно.

Он ушел. Хейт бросил что-то ему вслед, но он даже не обернулся. Тогда Хейт повернулся ко мне и сказал:

— Вы арестованы. Садитесь на переднее сиденье.

— По какому обвинению? — спросил я.

— Задержаны для допроса. Как главный свидетель. Садитесь на переднее сиденье.

— Сейчас вы хозяин положения, — сказал я. — Пока что. Но ведь каждый дюйм этой машины...

Я замолчал, заметив, как дернулось плечо шагнувшего ко мне Эда Уэлча. Это движение было однозначно. Его правый кулак был направлен мне в челюсть, но я отклонился дюймов на шесть, и кулак не достиг цели. Тут Хейт ткнул меня пистолетом в ребро. Уэлч снова замахнулся, но я отклонился, и кулак лишь слегка меня задел. От такого удара устоял бы даже манекен, но я зашатался, потерял равновесие и растянулся на земле.

Уэлч пнул меня ногой — очевидно, он целился в голову, но было довольно темно, и удар пришелся по плечу. Мне не хочется приводить в точности, что он сказал при этом,

поскольку вы все равно не поверите, поэтому я его слова слегка редактирую:

— Соппротивление при аресте.

Никто, кроме меня и Хейта, его не слышал. Я посмотрел в темноту, полагая, что где-то там собралась публика, на которую он хочет произвести впечатление, но никого не увидел. Затем он сказал:

— Эй ты, вставай!

Я остался лежать, потому что знал, что произойдет, если встану. Возможно, я недостаточно четко обрисовал ситуацию и не передал состояния, в котором пребывал после двух недель неудач. А теперь еще и Сэм Пикок мертв. Мои нервы были на пределе. Останься я на ногах, я бы уложил, вероятно, и Уэлча и Хейта, либо в меня всадили бы несколько пуль. Вот я и лежал на земле, хотя в бедро мне вонзился острый камешек, а другой, побольше, оказался под плечом.

— Вставай, черт бы тебя побрал! — прорычал Уэлч.

Я ожидал, что он снова пнет меня, но Хейт сказал:

— Он уже и так намочил штаны. Если Милхаус проговорится, то здесь быстро соберется толпа. Сходи в зал и пришли сюда Фарнхэма и Эверса. Позвони доку Хатчинсу, пусть немедленно приедет. Господи Боже, ведь тело не полагается трогать, пока он его не осмотрит.

Я знаю точно, сколько там пролежал. Сорок две минуты — с 00.46 до 01.28. Люблю быть свидетелем важных событий. Если бы речь шла только об Уэлче и Хейте, я бы поднялся гораздо раньше, поскольку вскоре их внимание отвлекла образовавшаяся прямо на глазах толпа. Неважно, кто пустил слух, доктор Милхаус, который явно не испытывал любви к Хейту, Фарнхэм или даже сам Уэлч, и я добрых полчаса имел возможность наблюдать с позиции червя, как Хейт орал и размахивал пистолетом, Уэлч пихался, а Фарнхэм пытался охранять машину с обеих сторон. И надо признать, что со своей работой они справлялись. Единственным, кому удалось протиснуться к машине, был доктор Хатчинс, прибывший в 01.19. К тому времени Хейт уже нашел трех или четырех ребят, которые помогали ему совладать с толпой, еще двоих он попросил подогнать свои машины и включить фары, чтобы легче было держать ситуацию под контролем. В 01.28 Хейт стоял всего в четырех шагах от меня и разговаривал с доктором Хатчинсом. Я решил, что не мешает проверить, по-прежнему ли он намерен усадить меня на переднее сиденье, и встал. Потом наклонился отряхнуть брюки, а когда выпрямился, рядом со мной уже оказался Эд Уэлч. Его правая рука не могла быть сжата в кулак — он держал в ней пару наручников. Левая потянулась к моей правой, но я сам протянул обе руки, и он защелкнул наручники. Они оказались какой-то новой модели, красивые и блестящие.

— Машина перед фасадом, — сказал он и указал на проход между корпусами. — Сюда. — Он крепко схватил меня за руку.

Толпа, вероятно, несколько поредела, но все-таки более сотни пар глаз наблюдали за тем, как представитель закона уводит с места преступления взятого под стражу и, очевидно, опасного бандита. Когда мы уже подходили к машине, я увидел ее — Лили стояла, освещенная лучом одного из фонариков. С ней были Диана, Уэйд и Пит Инголс. Они помахали мне, я помахал в ответ — обеими руками, разумеется, — Лили крикнула:

— Он у Вудя.

Я испытал облегчение. Я боялся, что, когда мы доберемся до машины, я увижу в ней Вулфа, тоже в наручниках, а это было бы уж слишком даже в создавшейся ситуации.

В автомобиле, развернувшемся перед магазином Вотера, кто-то сидел на водительском месте. Это был Гил Хейт. Когда Уэлч открыл заднюю дверцу, Гил повернул голову на длинной шее, и я, садясь, четко произнес:

— Доброе утро.

Он засмеялся, но не подлым, а первным смехом. Уэлч сел рядом со мной, захлопнул дверцу и бросил:

— О'кей, Гил, покати. Отец велел тебе сразу же вернуться.

Было четверть третьего, когда мы остановились перед зданием суда в Тимбербурге. За всю дорогу никто не сказал ни слова. Если трое мужчин трясутся на ухабах, минуют множество поворотов и все трое при этом молчат, значит, где-то произошло короткое замыкание, а в данном случае их было, вероятно, два: между Уэлчем и мною и между Гилом и Уэлчем. Наконец мы вышли из машины, и Уэлч бросил:

— Скажи отцу, я буду здесь.

А Гил ответил:

— Да.

Четверо подростков, два парня и две девушки, проходивших мимо, остановились, увидев меня в наручниках, и у Уэлча, ведшего меня по ступенькам к входной двери, снова оказались зрители. Из большого вестибюля он повернул в коридор направо. Мы оказались у двери, в которую я заходил шестнадцатью часами раньше, только без наручников. Он остановился, вытащил из кармана связку ключей, сунул один в замочную скважину. Это меня удивило, поскольку я полагал, что к тому времени в кабинете шерифа уже непременно кто-то будет. Уэлч щелкнул выключателем на стене, указал мне жестом на стул за перегородкой, а сам устроился за столом.

И задал умнейший из вопросов:

— Штаны у тебя уже высохли?

Это была провокация, и я оставил ее без внимания. Он

выдвинул ящик, вытащил из него несколько отпечатанных бланков, написал что-то сверху шариковой ручкой — очевидно, число и время — и задал мне два вопроса по существу:

— Твоя фамилия Арчи Гудвин? А-р-ч-и?

— Я хочу позвонить своему адвокату, — сказал я.

Он ощерился. Ему хотелось, чтобы ухмылка была подлая, и именно такой она и вышла.

— Каждый вечер в пятницу, — принялся растолковывать он, — Лютер Досон уезжает в свою хижину в горах к югу от Хелины. Телефона там нет, и...

— Плевать я хотел на Досона. Я хочу позвонить Томасу Джессапу.

Ухмылки как не бывало.

— Джессап не является твоим адвокатом, — заявил Уэлч.

— Но он адвокат. У меня в кармане подписанная им бумага. Ладно, я изменяю характер своей просьбы. Я требую. Я хочу позвонить какому-нибудь адвокату.

— Я сообщу об этом шерифу, когда увижу его. А-р-ч-и?

— Поставьте просто букву «х». Вы, возможно, не знаете, что означает «онеметь», зато я знаю. Еще вы полагаете, что человек не может онеметь, коли он произносит слова, то сейчас убедитесь, что такое может происходить. Ни на какие вопросы, даже на самые пустячные, я отвечать не стану, пока не увижу мистера Джессапа. Спросите меня, что я предпочитаю на завтрак, ветчину или бекон, и я тоже онемею. Но вы меня об этом еще не спрашивали, поэтому стоит принести мне и то и другое, а я уж выберу сам. Или даже лучше, чтобы ничего не пропало...

Я болтал без умолку, потому что он пытался шевелить мозгами, а пока я болтал, для него это было невозможно. Разумеется, занимал его не я, а человек, имя которого он мог написать правильно, даже не спрашивая: Томас Р. Джессап. Ему, вероятно, хотелось посоветоваться с Хейтом, но с шерифом можно было связаться, только набрав номер телефона Вуди. Когда он наконец все продумал и снял трубку, я ожидал, что он наберет номер Вуди, но он даже не притронулся к диску. Нажав на кнопку, он произнес через минуту:

— Морт? У меня тут есть для тебя один тип. В кабинете шерифа. Приди заведи его... Нет, он может идти... Тебе-то какое дело? Черт побери! Приди и заведи его.

Он положил трубку и принялся что-то писать.

Я устремил взгляд на перегородку и стал размышлять о своих возможностях и средствах. Их не было. Лили, безусловно, пытается найти Досона, а Вулф, наверное, ищет пути связаться с Джессапом. Я лишь мог пожелать, чтобы им сопутствовала удача, хотя рассчитывать на нее особенно не приходилось. Вероятней всего, на завтрак в воскресенье я не получу ни ветчины, ни бекона; даже в понедельник

их не получу. Вопрос стоял так: могу ли я сделать хоть что-нибудь? Могу ли, к примеру, сказать Уэлчу что-нибудь такое, что наверняка отразится на его настроении в оставшиеся часы уик-энда? Я так ничего и не придумал — дверь открылась, и появился Морт. Это был небольшой жилистый парень с длинным красным шрамом на левой щеке, в серых форменных брюках со складкой, в грязной серой сорочке и с револьвером на ремне. Уэлч взглянул на него и спросил:

— Где твой китель?

— Здесь жарко, — ответил Морт. — Сделай вид, что не заметил.

— Мне следует доложить об этом. — Уэлч встал, вытащил из кармана связку ключей, выбрал один, подошел ко мне, отомкнул наручники и снял их. — Встань, — приказал он, — и выложи все из карманов.

Поднимаясь, я сказал:

— Я оставлю себе бумагу, подписанную окружным прокурором.

— Ты не оставишь себе ничего. Разгружайся.

Я повиновался. На столе образовалась целая куча. Я обрадовался, что там нет ничего лишнего — скажем, экземпляра письма, которое я написал Вулфу. Когда я покончил с содержимым карманов, Уэлч меня обыскал, причем довольно умело и не слишком грубо, а затем преподнес мне сюрприз. Когда он взял мой бумажник и вытащил из него деньги, я подумал, что он их пересчитает и заставит меня расписаться, но он протянул их мне и сказал:

— Можешь оставить.

Собрав со стола мелочь, он тоже протянул мне. Такого со мной еще сроду не случалось ни в одной из кутузок, но это была еще Монтана. Как знать: в тюрьме мог оказаться ловкий на руку заключенный или один из сотрудников, который поделится добычей с начальством. Неразумно ожидать, что люди, заправляющие тюрьмой, в среднем получат тех, кто заправляет делами на свободе.

Уэлч приказал Мрту:

— Посади его в пятую. Грив все еще в двенадцатой?

Морт кивнул.

— Ну, посади его в пятую, — повторил он. — Отпечатки Эверс может снять потом. Похоже, он убийца и, возможно, будет сидеть у тебя долго. Я не могу сообщить тебе его фамилию: он отказывается говорить, даже имени своего не желает назвать.

— Я знаю его фамилию. Гудман. — Морт положил руку на пистолет. — Выходи, Гудман. Направо.

Я повиновался.

В воскресенье в десять минут шестого надзиратель встал, взял ключ в замок камеры, открыл дверь и сказал:

— К вам пришли.

Энтузиазма я не выказал. Вряд ли это Вулф или Лили. Скорее всего Досон. Лили, конечно, могла развить бурную деятельность, но если даже так, ее визит будет всего лишь визитом вежливости. В тот день я заключил сам с собой пари, поставив двадцать против одного, что отыскать в августовское воскресенье какого-нибудь судью и договориться об освобождении меня под залог, окажется невозможным. Мог заявиться и Морли Хейт, но для меня его визит не подарок. Он бы попытался заставить меня говорить, а я бы попытался придумать что-нибудь поостроумней «онемения».

Это оказался Эд Уэлч. Я поднял бровь, увидев у него в руке наручники. Это могло означать поездку, но куда? Он защелкнул их у меня на запястьях и бросил: «Прогуляйся».

Я направился по коридору. Проходя мимо двери с цифрой «двенадцать», я надеялся, что Харви не выглянет в коридор и не увидит меня, поскольку остановиться и объяснить, как я очутился там, я не мог. Уэлч отпер зарешеченную дверь в конце коридора и еще одну в стене квадратной комнаты, и мы оказались в конце бокового вестибюля здания суда. Значит, подумал я, все дороги ведут в кабинет шерифа. Однако мы направились дальше, к большому вестибюлю, пересекли его, вышли к главной лестнице и поднялись по ней. Я было подумал, что ошибся насчет судьи и что Лили и Досон, возможно, отыскиали какого-то, но на верхней площадке Уэлч повел меня направо к той двери, в которую я уже входил. Она была распахнута. При нашем приближении на пороге появился человек, фамилия которого была написана на двери: прокурор округа Томас Р. Джессап. Нас с ним разделяли четыре шага, когда он заговорил:

— А почему в наручниках, Уэлч?

— А почему бы и нет? — парировал тот.

— Снимите их.

— Если это приказ, вся ответственность ложится на вас.

Он оказал сопротивление при аресте.

— Это приказ. Снимите их и заберите с собой. Я позвоню вам, когда...

— Я никуда не уйду. У меня приказ находиться при нем.

Джессап вышел в коридор.

— Снимите наручники или дайте ключ мне. Если вы не знаете, где кончается ваша власть, так об этом знает шериф Хейт и знаю я. В кабинет ко мне не входите. Я позвоню вам, когда прийти. Дайте мне ключ.

Уэлчу требовалось время подумать. Но ему понадоби-

лось всего две или три секунды, чтобы понять — без помощи ему не обойтись, а ближайшая помощь осталась внизу. Он вытащил связку ключей, снял один, протянул его Джессапу, повернулся и вышел. Джессап сделал мне знак войти, вошел следом и закрыл за собой дверь. Он, как всегда, выглядел строгим и аккуратным, но глаза у него были красные, веки распухшие, на подбородке щетина. В кабинете, куда он меня провел, никого не оказалось. Джессап посмотрел на меня и сказал:

— Не вижу никаких следов.

— А их и нет, — ответил я, — разве что на плече, куда Уэлч пнул меня ногой.

Я протянул руки, Джессап вставил ключ, снял наручники и спросил:

— Что вы им рассказали?

— Ничего особенного, только объяснил Уэлчу, что значит «онеметь», и заявил, что хочу позвонить адвокату по имени Джессап. Это произошло в три часа ночи. С тех пор говорить было не с кем.

— Хейт?

— Он не показывался.

— Пожалуйста, расскажите мне все, но сначала... — Он указал на картонную коробку, перевязанную ленточкой. — Это от мисс Роуэн. Она сказала, что в ней закуска. Вы предпочитаете сперва поесть или поговорить?

Я сказал, что хотел бы покончить с делами, а уж потом не спеша поесть, и он прошел к своему месту за столом. Когда я уселся на стул наискось от него, он вытащил из нагрудного кармана конверт.

— Там все объяснения, — сказал он, протягивая мне конверт. Конверт оказался незапечатанным. В нем лежал фирменный бланк «Ранчо Дж. Р.», а текст написан знакомым мне почерком:

«АГ!

Я имел пространную беседу с мистером Джессапом и не утаил ничего, имеющего отношение к нашему расследованию. Следовательно, вы тоже ничего не станете утаивать. Мы связаны с ним обязательствами, и я думаю, он с нами окончательно и бесповоротно.

11 августа 1968 г. НВ».

Я сложил записку, убрал в конверт и вернул его Джессапу.

— Хотел бы получить ее потом в качестве сувенира, — сказал я, — но Уэлч по возвращении меня обыщет. Ну что ж, я вам все расскажу, но сначала два-три вопроса. Где мистер Вулф?

— В хижине мисс Роуэн. Я письменно уведомил власти, что он находится под арестом и все его передвижения мною контролируются, а также распорядился, чтобы ему не докучали без моего ведома. Юридическая ценность данного до-

кумента сомнительна, но он, вероятно, сослужил свою службу. Ваш следующий вопрос?

— Чем проломили череп Сэму Пикоку?

— Камнем размером не больше вашего кулака. Его ударили им три или четыре раза. Камень нашли на земле футах в двадцати от машины. Доктор Хатчинс отправил его в лабораторию в Хелине, но даже после беглого осмотра он убежден, что именно этот предмет послужил орудием убийства. По его словам, поверхность камня слишком груба, и на ней не осталось отпечатков пальцев.

— Кто-нибудь высказывал какие-либо предположения?

— Нет. Разве что о вас. Вы находились там, и вы знаете, как устроены люди... В записке мистер Вулф пишет, что вы связаны со мной, и, как он считает, я связан с вами. Он прав. Мне вас навязали, и я молю Бога о том, чтобы мне не пришлось провести остаток жизни в раскаянии. После беседы с мистером Вулфом я убедился, что Сэма Пикок вы не убивали. Но моего положения это несколько не облегчает. Мистер Вулф считает, что убийства Броделла и Пикок связаны между собой. Я тоже так считаю.

— Безусловно. Готов спорить на что угодно.

— Почему?

— К этому мы еще вернемся. — Я откинулся на спинку стула и скрестил ноги. Сидеть на стуле гораздо удобней, чем на табуретке в камере. — Естественно, вам хочется сравнить то, что скажу я, с тем, что сказал мистер Вулф. С чего мне начать?

— Со дня его приезда. Если мне понадобится уточнить детали, я задам вам вопросы.

Я принялся рассказывать. Особых усилий это не требовало, поскольку ничего важного скрывать не собирался. Приходилось лишь задумываться, включить или опустить ту или иную деталь, и я, чтобы избежать сомнений, включил их все. Лишь не упомянул о телефонном звонке Солу Пэнзеру, поскольку он находился за две тысячи миль от владения Джессапа. Что до разговоров, я передал только их краткое содержание, кроме беседы Вулфа с Сэмом Пикоком в пятницу вечером — ее я передал дословно. Джессап оказался хорошим слушателем и лишь два раза задал вопросы, но ничего не записал. Закончил я двумя последними имеющими отношение к делу разговорами — моим с Пегги Трюэт в танцзале и с Вулфом в «Музее».

— Затем мы вышли к нашей машине, открыли дверцу и все увидели. Сомневаюсь, чтобы вас интересовало то, что последовало за этим, поскольку оно имеет отношение ко мне, а не к расследованию. Я немного охрип — пересохло в горле. Обслуживание в номерах внизу не слишком хорошее. Тут случайно нет воды?

— Простите. Как же это я... Мне бы следовало... — Он встал. — Шотландское или ржаное?

Я сказал, сойдет и вода, но виски, безусловно, тоже не помешает, и Джессап прошел к холодильнику в углу комнаты, вытащил из него бутылки. Женщина нашла бы в его действиях единственный недостаток — он не воспользовался подпосом. Когда он вернулся на свое место, на столе передо мной стоял большой стакан с плавающими в виски двумя кубиками льда и кувшин воды. Сам Джессап тоже держал в руке стакан. Я долил свой до краев водой, поставил кувшин так, чтобы Джессап мог до него дотянуться, и выпил.

— Помогает, — сказал я и снова приложился к стакану. — Теперь насчет связи между двумя убийствами. Разумеется, нам с мистером Вулфом хочется, чтобы между ними существовала связь, но дело не только в этом. В пятницу вечером у Фарнхэма все присутствующие видели и слышали, как мистер Вулф вцепился в Сэма Пикока. Более того, он дал ясно понять, что с Сэмом Пикоком еще не разобрался. Возможно, кому-то из них было известно, что Сэм видел или слышал что-то такое, о чем мистеру Вулфу знать не следовало. Но, может, это и не так. Все люди с ранчо Фарнхэма приехали вчера на танцы, и один из них, возможно, сказал кому-то, как Ниро Вулф прицепился к Сэму. — Я сделал еще глоток и поставил стакан. — Короче, мою мысль проще всего выразить словами мистера Вулфа, сказанными им как-то одному человеку: «Мир состоит из причин и следствий, а все совпадения подозрительны». Вчера вечером у Вуди было более двухсот человек, может, даже триста, от одного из них избавились, но от кого именно? От того, который два дня прислуживал Броделлу, вплоть до его убийства, и которого собирался обработать эксперт. Я не просто сомневаюсь, что это совпадение, а его начисто отвергаю.

Джессап кивнул.

— Мистер Вулф тоже.

— Разумеется. Он, как и я, продумывает все детали. Мой доклад более или менее сходится с его докладом?

— Не более или менее, а целиком и полностью.

У него хорошая память. Спиртное напомнило мне, что я голоден. Когда снизу до меня донесся запах воскресного обеда, я тоже решил разговеться. Мистер Вулф никогда не говорит о делах во время еды, но я говорю. Я встал.

— Можно, я открою коробку?

Он сказал «разумеется», я взял коробку и поставил на стол. Узелок оказался замысловатым, и я позаимствовал у Джессапа нож, перерезал шпагат и раскрыл картонку. Когда я закончил все выкладывать на стол, моему взору предстала впечатляющая картина:

Банка с консервированными ананасами.

Банка с консервированными сливами.

Десяток (или больше) больших бумажных салфеток.

Восемь бумажных тарелок.

Стеклянная баночка икры.

Бутылка молока.

Восемь кусочков хлеба от миссис Барнс.

Шесть бананов.

Пластиковая коробочка с салатом из картофеля.

Четыре яйца со специями.

Две куриные ножки.

Кусок висконсинского сыра.

Стеклянная баночка паштета из гусиной печени.

Пирог с черникой.

Шесть бумажных чашек.

Два пластмассовых ножа.

Две пластмассовые вилки.

Четыре пластмассовые ложки.

Комбинированный консервный нож.

Солонка с дырочками.

Я сказал Джессапу, что, вероятно, он тоже голоден, на что он ответил, что обещал мисс Роуэн — при благоприятных обстоятельствах — вызвать меня к себе в кабинет еще в понедельник.

— Конечно, завтра тут будет много народу, — сказал он, — и устроить это будет довольно сложно. Мисс Роуэн все утро тщетно пыталась связаться с Лютером Досовом: по уик-эндам он недоступен. Завтра он может и не появиться в конторе раньше полудня, но у мисс Роуэн есть его домашний телефон, а от Хелины сюда три часа езды. Но завтра можно будет найти и судью. Вы понимаете, мое положение несколько... мм... сложное. В судебном разбирательстве я представляю интересы населения штата Монтана, и Хейт, мягко говоря, будет настаивать, чтобы я требовал залог в очень большой сумме. Он может даже пожелать, чтобы вас содержали без права выхода под залог, но я, разумеется, этого требовать не стану. Я объяснил ситуацию мистеру Вулфу и мисс Роуэн.

В это время я был занят поглощением яйца со специями. Я уже открыл баночку с икрой и теперь открывал баночку с паштетом из гусиной печени.

— Грустно не потому, что я в тюрьме, — сказал я, — а потому, что не на свободе. Я и так за две недели ничего толком не сделал, и вот теперь, когда мог бы наконец провести настоящее расследование, оказался под замком. — Я подвинул к нему свои баночки. — Угощайтесь. Всем, что тут есть.

— Спасибо. — Он потянулся за хлебом с икрой. — А что бы вы сделали, окажись на свободе?

— То, что следовало бы сделать Хейту, но чего он, вероятно, не сделает, да и Уэлч тоже. Хотите, расскажу?

— Да.

Я намазал икру на хлеб.

— Я столько часов размышлял над этим делом, что у ме-

ня все уложилось по полочкам. Подумайте: как они оба попали туда, за магазин Вотера, — Пикок и Икс? Они договорились там встретиться. Заранее? Нет. После того, как Пикок без девяти одиннадцать появился на танцах. Перекинулись несколькими словами и договорились встретиться во дворе. Вышли они по одному, и...

— Это всего лишь предположение.

— Безусловно. Но именно с предположений всегда и приходится начинать. Мы рассматриваем различные версии и составляем картотеку возможных кандидатов. Итак, в танцзале Пикок и Икс поговорили, Икс вышел, а затем вышел и Пикок. Конечно, кто-то видел это. Будь я на свободе, я отыскал бы этих людей — задачка для детского сада. Я сказал, что этим следовало бы заняться Хейту, но, если он в тот вечер находился на своем посту и смотрел в оба, ему это вовсе ни к чему. Если он, когда я зашел к мистеру Вулфу в четверть двенадцатого, оставался там, где был — а это еще одно предположение, — значит, он находился примерно в десяти шагах от двери, в которую вошли Икс и Пикок. Почему я полагаю, что они вышли по одному? Да потому что, выходя, Икс и мысли не допускал, что Пикок сможет вернуться назад. Он скорее всего вышел первым и успел осмотреться, а когда появился Пикок, вероятно, держал наготове камень. Но это всего лишь предположения, которые помогают скоротать время, пока сидишь на табурете в камере. Вопрос в следующем: кто разговаривал с Пикокком в танцзале? Кто выходил из зала между четвертью двенадцатого и двенадцатью?

Я намазал пахтет на хлеб и, допив виски, налил молока.

Джессап поддел вилкой куриную ножку и положил на бумажную тарелку.

— Но во время танцев многие ведь выходят, — возразил он.

— Я бы не сказал, что многие. Безусловно, некоторые выходят, большинство из них возвращаются, и это несколько не облегчает дела, а только усложняет его. Вы не дадите мне листок бумаги, ручку или карандаш?

Он протянул мне блокнот и вытащил из кармана ручку. Я доел свой бутерброд, выпил молока, которое оказалось чересчур теплым, подумал, что мне следует написать Вулфу, и принялся за дело:

«НВ!

Я беседую с мистером Джессапом в соответствии с вашими указаниями. Рад, что вы под домашним арестом, — тюрьма здесь старая, к тому же они явно злоупотребляют дезинфекцией. Предлагаю вам добиться, чтобы мисс Роуэн или кто-нибудь с ранчо разыскал и доставил к вам девушку по имени Пегги Трюетт. Она была подружкой Пикокка и, возможно, кое-что знает — может, даже, с кем на встречу

отправится Пикок. Надеюсь, Хейт не доберется до нее раньше, чем ее повидаете вы, и мне не придется лететь в Сент-Луис, поскольку вы его вспугнули. Сдаем его прямо здесь.

АГ.

11.8.69».

Я протянул записку Джессапу:

— Прочтите, и чем скорее он ее получит, тем лучше.

Он прочел ее два раза.

— Зачем это? Почему бы просто не позвонить ему?

Я покачал головой.

— Та линия, возможно, прослушивается. Судя по тому, что я слышал о Хейте, и исходя из его отношения к вам, я не удивлюсь, если прослушивается и ваша.

— Да-а, ситуация, Гудвин.

— Вот именно.

Он посмотрел на бумажку.

— «Вы его вспугнули». Как это понимать?

— Бог мой, да это же очевидно! Пикок, разумеется, все равно могли убить — например, он занялся шантажом и слегка переиграл. Но могли и не убить. Вполне возможно, он был бы сейчас жив, если бы им не занялся мистер Вулф. Хотя это давно следовало сделать Хейту или вам.

На подковырку в свой адрес он не обратил внимания.

— Пегги Трюетт — это та девушка, с которой вы беседовали, когда появился Пикок?

— Совершенно верно. Ничего существенного я от вас не утаил. Если вы предпочитаете добраться до нее сами...

— Нет. — Он снова посмотрел в мою записку. — В Сент-Луис вам лететь не придется. Туда летит некто Сол Пэнзер. Фактически... — Он бросил взгляд на свои часы. — ...Он уже там, если самолет не опоздал.

— О-о. — Я закончил намазывать толстый слой икры на большой кусок хлеба. — По-моему, я не упоминал о нем, но, очевидно, о нем упомянул мистер Вулф. Он звонил ему?

— Сегодня утром. Я отвез мистера Вулфа к Вуди. Он велел Пэнзеру оставить вместо себя в Нью-Йорке другого человека — не помню его фамилию...

— Орри Кэсера?

— Совершенно верно. А Пэнзеру велел вылететь в Сент-Луис первым же рейсом и дал ему указания. По-моему, мистер Вулф решил — нет, не решил, а предположил, — что у одного из отдыхающих на ранчо Фарнхэма были прежде какие-то отношения с Броделлом. Мы съездили туда, когда вернулись от Вуди, — я, мистер Вулф и мисс Роуэн. Я попросил всех с ранчо Фарнхэма позволить мисс Роуэн их сфотографировать. Ее фотоаппаратом. Сам я в этом деле совершенно не разбираюсь, но она, очевидно, разбирается.

Я кивнул.

— Да, она разбирается, и неплохо. Кто-нибудь из них возражал?

— Нет. Фарпхэму это не понравилось, но возражать он не стал. Мисс Роуэн действовала очень умело. Я привез пленку, и один мой знакомый сейчас ее проявляет. Я собирался отвезти снимки в хижину сегодня вечером. Поэтому, как только они будут готовы, поеду с вашим посланием к Вулфу. Мне нравится отношение мисс Роуэн к закуске. Она, похоже, отдает себе отчет в том, что не хлебом единым жив человек. Завтра утром она поедет в Хелину, чтобы авиапочтой отправить снимки Пэнзеру и связаться с Лютером Досоном. Она... Вы, вероятно, помните, что в нашу предыдущую встречу она велела мне убираться?

— Она предложила вам пойти посидеть в машине... Хороший сыр. Угощайтесь.

— Она сказала, что если бы я не захотел это сделать, вы бы мне посодействовали. Этот эпизод по взаимному согласию теперь предап забвению. Сейчас я повторю вам признание, которое сделал ей. Только не для цитирования. Помоему, я все испортил. Мне давно следовало бы понять, что конфликт между Хейтом и мной может быть разрешен только путем политической смерти одного из нас, и мне надо бы воспользоваться тем, что он неумело расследует убийство Филипа Броделла. Я сказал, что я заодно с вами и с мистером Вулфом, и рад, что это так. Если мы проиграем, мне конец, но я не думаю, что мы проиграем.

Он взял сыр.

— Вы сказали это мистеру Вулфу?

— Нет. Я сказал это мисс Роуэн. Его манеры... Он как-то не располагает...

— Я знаю его уже давно. Вы очень точно выразились — он не располагает к себе. Скажите ему и мисс Роуэн, что, коль уж они так хорошо без меня обходятся, можно и не вызволять меня под залог, тем более что Досон мне не нравится. Хейт, вероятно, выпустит меня, только когда они доставят к нему Икса. У вас в холодильнике найдется место для того, что осталось?

— Разумеется. Но тут весь день будут толпиться люди.

— Подождем, пока они уйдут. К тому же я, наверное, теперь не скоро проголодаюсь. Пахнущая дезинфекцией камера, похоже, не способствует пробуждению аппетита. — Я взял консервный нож. — Сливы или ананас?

XII

Без двадцати шесть за дверью раздались шаги. Я лежал на койке без туфель и гадал, неужели у Джессапа в кабинете до сих пор толпятся люди? Признаю, свою роль тут сыграла остававшаяся снедь, и все же я больше изголодался по новостям, чем по еде. То, что шаги затихли у двери в мою камеру, еще ничего не означало: надзиратель частенько останавливался посмотреть, не перепиливаю ли я

прутья репетки или не мастерю ли бомбу, но, услышав, как поворачивается в замке ключ, я пошевелился. Опустил ноги и сел на койке. Дверь отворилась, вошел человек и сказал:

— Вы немного прогуляетесь. Наденьте туфли и прихватите пиджак.

Это был Эверс, еще один заместитель шерифа. Он стоял и смотрел, как я одеваюсь и обуваюсь, а когда сказал мне, чтобы я ничего не оставлял, и наклонился и заглянул под койку, я понял, что наверх меня не поведут: я выйду на волю и больше сюда не вернусь. Наручники он мне не надел, и, когда мы шли по коридору к боковому вестибюлю здания суда, ему было все равно, где я иду — впереди или сзади него. Эверс открыл дверь приемной шерифа и пальцем указал мне, чтобы я вошел. В приемной никого не было. Он открыл дверь в кабинет и сказал:

— Войдите туда.

Я последовал его совету. Он направился за мной.

За столом сидел Хейт и копался в бумагах. Выдающийся адвокат, больше смахивающий на гуртовщика, Лютер Досон, стоял спиной к нему и разглядывал большую карту Монтаны. Увидев меня, он направился мне навстречу с протянутой рукой и радушно поприветствовал:

— Ну, здравствуйте! — Рукопожатие у него оказалось крепкое. — Пришел освободить вас из рабства. Все улажено и подписано.

— Прекрасно. В следующий раз выберу любой другой день, но только не субботу. — Я показал на стол, где лежала кучка всевозможных предметов. — Полагаю, это мое. — Я забрал свои пожитки. Там было все, включая содержимое коробочки для визитных карточек, которую я ношу в нагрудном кармане. Когда я взял ключ зажигания от автомашины Лили, Эверс сказал: «Распишитесь», — и положил передо мной на стол лист бумаги и ручку.

— Позвольте-ка взглянуть! — Досон протянул руку, чтобы взять бумажку.

— Я ее не подпишу, — заявил я. — Я ничего никогда не подписываю.

Досон спросил:

— Когда у вас отбирали вещи, вам выдали квитанцию с перечислением всего изъятых?

— Нет. Но, даже если бы и выдали, я бы ничего не писал.

Я направился к выходу, не удостоив Хейта даже взглядом. У меня за спиной послышались шаги — очевидно, Досона. В вестибюле он поравнялся со мной и сказал:

— Мисс Роуэн в машине перед домом. Я хочу вам кое-что сказать, Гудвин.

Я остановился и повернулся к нему. Наши глаза оказались на одном уровне.

— Только не мне, — заговорил я. — Десять дней назад, в пятницу, второго августа, я сказал вам, что некий Сэм Пикок, судя по всему, знает что-то такое, что могло бы помочь выявить истинного убийцу. Со мной он был нем как рыба, но, вероятно, известный монтанский адвокат вроде вас мог бы заставить его разговориться. Вы же заявили, что чересчур заняты. Зато теперь уже никто не сможет...

— Я этого не говорил. Я лишь сказал...

— Что вы сказали, я помню. Теперь уже никто не сможет заставить его разговориться. И убил его не Харви Грив. Вы беседовали с мистером Вулфом?

— Нет. Он отказался меня видеть. Я намерен...

— На ваши намерения мне наплевать, но, если в вашем сценарии упоминается моя фамилия, можете ее вычеркнуть. Там, — я кивнул на кабинет шерифа, — мне пришлось пожать вам руку только потому, что дело было при свидетелях.

Я отошел от него и направился к машине. Мне казалось, я дал ясно понять, что хочу остаться один и насладиться свободой. Меня поняли: шагов у себя за спиной я больше не услышал. В вестибюле толклось несколько человек, кто-то из них сказал: «Вон тот самый Арчи Гудвин», но я не остановился и не отвесил поклона. Оказавшись на дорожке перед выходом, я посмотрел направо и налево, но Лили заметил лишь со второй попытки, поскольку она ждала меня за полквартала от входа в темно-синем «додж-коронете». Ее внимание привлекло что-то в другом конце улицы, и она сперва услышала мой голос, а уж потом увидела меня. Я открыл дверцу и сказал:

— Ты не постарела ни на один день, хотя мы не виделись целых два дня.

Она посмотрела на меня, прищурившись.

— А ты постарел.

— Я постарел на два года. Есть какие-нибудь поручения?

— Нет. Садись.

Она села на переднее сиденье.

— Тебе лучше пересесть назад, — предложил я. — И открыть оба окна. От меня не пахнет, от меня просто воняет дезинфекцией. Сомневаюсь, что ты выдержишь.

— Я буду дышать ртом. Поехали.

Я обошел машину, сел, завел двигатель, подал ее немного назад и направился на восток. Я спросил, взята ли эта машина напрокат, и Лили ответила «да». Ее автомобиль все еще был у шерифа, к тому же он теперь ей все равно не нужен. Не нужна ей машина, в которой убили человека.

— Я устроил Досону разнос и не спросил, во сколько оценили мою голову? — сказал я.

— Это имеет какое-то значение?

— Для меня — имеет. Для моей коллекции. Самая маленькая сумма до сих пор была пятьсот долларов, а самая большая — тридцать тысяч. Во сколько же меня оценивает народ Монтаны?

— В десять тысяч долларов. Досон предложил пять тысяч, Джессап попросил пятнадцать, а судья назначил среднюю сумму. У меня они не спрашивали.

— А какую бы сумму назвала ты?

— Пятьдесят миллионов.

— Вот это я понимаю! — Я похлопал ее по коленке.

Мы ехали уже по открытой местности. Лили сказала:

— Ты что, даже не собираешься ни о чем меня спросить?

— Очень о многом, только не между этими ухабами. Чуть дальше есть одно местечко.

Оно находилось как раз за ложиной, где дорога сворачивала на север. Я сбавил скорость и, съехав с асфальта в тень деревьев, остановился, выключил двигатель, повернулся к Лили.

— Почти два дня и одну ночь мне хотелось услышать ответы на некоторые вопросы, и теперь наконец я получил такую возможность. Поэтому начну с тебя. Когда я примерно в четверть двенадцатого, вскоре после появления Сэма Пикока, ушел из зала, ты танцевала с Вуди, Фарнхэм — с миссис Эмори, Дюбуа — с какой-то женщиной в черном платье, а Уэйд — с девушкой, которую я прежде видел, но не знаю ее имени. А ты видела Пикока?

— Два раза издали. Спустя некоторое время огляделась по сторонам, но уже не увидела ни тебя, ни его. Я подумала, что вы пошли к Ниро Вулфу.

— Нет. Мы решили этого не делать, поскольку там торчали Хейт и Уэлч. Теперь скажи, когда ты закончила танцевать с Вуди, не видела ли ты, разговаривал ли с кем-нибудь Пикок?

— Нет. Я видела его лишь издали.

— Не заметила ли ты, чтобы кто-нибудь из знакомых тебе людей выходил из танцзала?

— Не помню.

— Это важно. Исключительно важно. Порой люди не могут объяснить, что они видели. Если ты присядешь, а еще лучше — приляжешь, закроешь глаза и мысленно переберешь в памяти, что видела и делала, начиная с того момента, как пошла танцевать с Вуди, тебе, возможно, что-нибудь вспомнится. Попробуешь?

— Сомневаюсь, но, разумеется, попробую.

— О'кей. Теперь несколько слов от имени моего желудка. Ты не любишь расточать или выслушивать благодарности за вещи, которые считаешь само собой разумеющимися, я тоже не люблю это делать, но не в силах молчать! Шесть бананов. Целый пирог. Лучшая икра и лучший паштет из

гусиной печени. Называть это легкой закуской было излишней скромностью. Ты спасла мне жизнь!

— Пошел ты к черту, Эскамильо! Ты же из-за меня туда попал.

— А вот и нет. Не из-за тебя, а из-за Икса — о чем он и пожалеет. Теперь скажи мне следующее: где Вулф?

— Думаю, у Вуди. Мы тоже там остановимся. Вчера и сегодня он почти все время провел у Вуди на ранчо.

— Почему на ранчо?

— Потому что сейчас там гостит эта девушка, Пегги Трюетт. Кэрол разыскала ее вчера вечером — она живет в Тимбербурге — и привезла в хижину. Джессап тоже был там, и они беседовали с ней не больше двух часов. В твоей комнате. Около одиннадцати Джессап пришел в гостиную, позвонил Кэрол и сказал, что они везут Пегги Трюетт к ней. Они поехали в машине Джессапа. И только после полуночи он привез Вулфа обратно. Мне они ничего не сказали, ни единого словечка, а утром, еще до семи, я уехала в Хелину. На этой машине. Дома я еще не была, но часа два назад звонила Кэрол и сказала, что Вулф почти весь день проговорил с Пегги Трюетт и что он все еще у них. Вулф спросил у Кэрол, не подбросит ли она его часов в пять к Вуди. Так что, думаю, у Вуди, а может, все еще на ранчо. Ты знаешь его лучше, чем я. Возможно, Пегги Трюетт как раз из тех, кто ему нравится.

— Таких нет. Это просто работа по отфильтровыванию.

— А что это такое?

— Это вроде того, что я только что попросил тебя сделать относительно субботнего вечера, только Вулф ускоряет этот процесс, задавая свои вопросы. Это нечто противоположное процеживанию кофе. Процеживая кофе, ты стремишься к тому, чтобы через ситечко прошло меньше крупинок, так ведь? С ней же, наоборот, он стремится заполучить то, что не проходит или не желает проходить. Выходит, ты не знаешь, виделся с ним Хейт или нет?

— Не знаю. А это имеет какое-то значение?

— Возможно, нет. Однако если эти двое беседовали, значит, я пропустил нечто такое, что доставило бы мне удовольствие. Так, что еще? Ах, да. Джессап сказал, что ты ездила на ранчо к Фарнхэму фотографировать и что никто, кроме Фарнхэма, не возражал, но это, разумеется, объяснимо. А ты не заметила, может, кто-нибудь все-таки хотел бы возразить, но не решился? Полагаю, что ты отдавала себе отчет в том, что заменишь меня?

— Естественно. Возможно, ты бы и заметил что-нибудь такое, чего не заметила я. Джессап преподнес это как официальную просьбу, и проделал все весьма тонко, но все же это была просьба, и любой из них мог отказаться, не называя причины отказа. Ты и этот твой гений в жилетке еще сделаете из него человека! Вот теперь, когда мы не едем,

а сидим, я и впрямь, похоже, улавливаю какой-то...легкий...аромат. Вроде как экзотический. Он пройдет?

— Нет. Теперь будем общаться только на открытом воздухе и на сильном ветру. Ты отправила снимки Солу?

— Естественно. В шесть я уже была на ногах, а послала их десятичасовым рейсом. Он уже должен был получить снимки. Ты думаешь, это один из них?

— Ничего не думаю. Я не имею права думать, пока не заработаю это право трудом. — Я завел двигатель. — И пока не приму ванну. — Мы снова выехали на асфальт.

Было без десяти семь, когда мы остановились перед Холлом культуры. Я вылез из машины, направился к двери и вошел в вестибюль. Там никого не оказалось, но дверь его, ведущая на кухню, была открытой. Я просунул в нее голову. Вуди сидел на высоком стуле у стойки и что-то помешивал в большой чашке, а Вулф стоял рядом с ним и наблюдал. Кухня, когда в ней находился Вулф, казалась даже меньше, чем была на самом деле. Я вошел и сказал:

— Как раз вовремя.

Вулф сделал шаг мне навстречу и присмотрелся:

— Удовлетворительно.

Нервы у меня были слегка натянуты.

— Что же тут, черт побери, удовлетворительного? — спросил я.

— Как что? Ты цел и невредим, и у тебя есть язык: «Как раз вовремя». Совершенно верно, ты подросел как раз вовремя, чтобы отведать любимое блюдо мистера Степанина — «хункиав бейанды». Он говорит, что первоначально это было армянское блюдо, но турки уже много веков считают его своим. Это кебаб, его подают с фаршированными баклажанами. Турки называют его «имам баялды» — «имам, теряющий сознание». Лук, поджаренный на подсолнечном масле, томаты, чеснок, соль и перец... Ты голоден?

Мне стало ясно, что он не хочет говорить при Вуди о делах, к тому же, очевидно, нет ничего срочного и можно спокойно отведать «имама, теряющего сознание».

— Разумеется, голоден, — ответил я. — Но сначала мне нужно помыться. Мисс Роуэн уже позвонила Мими, чтобы та достала из холодильника филе. Она думала, вы тоже проголодались.

— Вы уж меня извините, — сказал Вуди, — но у меня есть ванна, душ с горячей водой, и я был бы польщен, если бы вы приняли мое приглашение. Вы же знаете, как я рад вас видеть, Арчи! Как выразился мистер Вулф, ванная удовлетворительная.

— И я рад вас видеть, Вуди! Но, — обратился я к Вулфу, — все-таки я приеду позже. Часов в девять?

Он посмотрел на настенные часы — прямо как дома.

— Я ожидаю несколько телефонных звонков. И сам хочу позвонить. Приезжай в девять или в десять — когда хочешь.

А не хочешь — меня отвезет мистер Степанян. Он любезно вызвался сделать это. Так что прими ванну, поешь и ложишься спать.

— Замечательная идея, — сказал я. — Боже, как здорово, что я сюда заехал, сам бы я сроду до этого не додумался! До завтра. Спокойной ночи, Вуди.

Я повернулся и вышел.

Когда я открывал дверцу, Лили спросила:

— Он с нами не едет?

— В один прекрасный день, — сказал я, — я зажарю его на подсолнечном масле и посыплю чесноком. Ему должны звонить! Он советует мне принять ванну, поесть и лечь спать. Значит, либо у него созревает что-то стоящее, в чем, как он считает, моя помощь ему не нужна, либо же он замышляет одну из своих чертовых шарад, которые, как он знает, я не люблю. Сейчас залягу откисать в ванне с горячей водой и гадать, что же нам, черт побери, уготовано. Не обращай на меня внимания! Представь, что меня здесь нет. Если бы в хижине была собака и выбежала меня приветствовать, я бы ударил ее ногой.

Примерно с милю она молчала, затем предложила:

— Я могла бы привезти собаку Билла Фарнхэма.

— Прекрасно! Сделай одолжение.

А когда мы свернули к хижине, она сказала:

— Но ты сперва поешь!

— Черт побери, ты права. Умираю от голода.

В отношении ключа зажигания в хижине был заведен такой порядок: днем мы ключ не вытаскиваем, но тому, кто брал машину последним, полагалось вытащить его и положить в определенном месте — на полку в гостиной. Поэтому я взял его с собой, чтобы показать Лили и тем, кого это могло касаться — я имею в виду себя, — что сегодня больше никуда не поеду. Если Вуди откажется от своего предложения подбросить Вулфа домой, пусть Вулф идет пешком.

Чистый, как выпотрошенная форель, побритый, нашампуненный, наманикюренный, с вычищенными зубами, я сидел на кухне с Лили. Она была в красивой серой шелковой тоге в черную крапинку, надетой поверх белой пижамы. Я поглощал черепаховый суп. Меня еще ожидали два куса филе, жареный картофель, хлеб с маслом, шпинат с грибами, белая мускатная дыня и мадера с кофе. Два раза заходила Диана и спрашивала, не подать ли нам чего, но мы говорили «нет, спасибо», а на третий раз, когда Мими наливала кофе, она спросила, можно ли ей выпить с нами кофе, и мы ответили «да». Усевшись, она сказала, что ей до смерти хочется расспросить меня о том, как там в тюрьме, и Уэйдю тоже. Она позвала его, и он пришел.

Я рассказал им о тюрьме, нарисовав довольно мрачную картину, подбросив туда еще и несколько насекомых, которых, очевидно, привлек запах дезинфекции, а также пару

ящериц. Потом они спросили меня, как мы обнаружили тело Сэма Пиккока, а затем задали и самый важный вопрос: кто его убил и почему? Разумеется, я ответил, что они и сами могут угадать, и предложил сыграть в пинокль. Я заявил, что дружеская игра поможет мне забыть о муках, через которые я прошел. Конечно, я не сказал, что для меня было бы верхом удовольствия, если бы Вулф приехал сейчас и увидел, что я, совершенно позабыв о таких тривиальных вещах, как убийства, наслаждаюсь жизнью, — я лишь подумал об этом. Лили все поняла. Когда мы встали, чтобы отправиться в гостиную, на лице ее мелькнула та улыбка понимания, которая могла означать только одно: «Как хорошо я тебя знаю».

Но удовольствия я не получил. Вскоре после одиннадцати с улицы донесся шум: перед домом остановилась машина, дверца хлопнула, машина уехала. Послышались тихие шаги, открылась и закрылась дверь, снова слышались шаги, но теперь удалявшиеся по коридору. Нас было видно в окно, но он вошел через дверь в коридор и прошел к себе в комнату.

— Ниро Великий, — сказал Уэйд. — Я не смеюсь, Арчи, а если и смеюсь, то не над его талантом, а над его манерами. Если он не хочет нам ничего рассказать, то хотя бы взял себе за труд пожелать спокойной ночи хозяйке. И вам. Он хоть знает, что вы уже вышли из тюрьмы?

— О да, разумеется. Мы с Лили заезжали к Вуди, и он был там. Он смотрел, как Вуди готовил какое-то армянское блюдо, рецепт которого турки украли у армян. Вам сдавать, Диана. — Я записал счет. — Если вы сдадите мне двести, мы выиграем.

Она сдала, и мы выиграли, хотя я чуть было все не испортил, сделав глупый ход.

Мое решение пойти пожелать Вулфу спокойной ночи вовсе не означало, что я пресмыкаюсь перед ним. Как я сказал Лили, когда Диана и Уэйд разошлись по своим комнатам, вполне возможно, что он все разыграл, поскольку там находился Вуди, и человек широких взглядов вроде меня должен был дать ему возможность выразиться. Поэтому я бесшумно прошел по длинному коридору, постучал в дверь, донеслось едва слышное «войдите», и я вошел. Он был в желтой пижаме и сидел босой в кресле у закрытого окна.

— Я могу проспать до полудня, — сказал я. — Спокойной ночи.

— Фу. Сядь.

— Мне нужно как следует отдохнуть после...

— Черт побери, сядь!

Я прошел к стулу и сел.

— Я полагаю, — сказал он, — мисс Роуэн сообщила тебе, что миссис Грив привозила ко мне ту девушку.

— Да. И мисс Роуэн сделала несколько снимков и от-

правила фотографии Солу, который сейчас в Сент-Луисе, а вы с Джессапом практически без передышки обрабатывали Пегги Трюетт. Жаль, что я это пропустил.

— Мне тоже жаль. Нам следует внести некоторую ясность. Беседами с женщинами занимаешься ты. Выходит, ты знаешь, что она на ранчо. Мистер Джессап задержал ее вчера вечером под обычным предлогом — с целью защиты. Ее защищают от приставаний со стороны шерифа Хейта, а охраняют миссис Грив и мисс Грив. Пегги Трюетт и есть то самое недостающее звено. Стоит отметить, что, хотя ты и находился в тюрьме, именно ты сообщил им фамилию, которая дала возможность ускорить развязку.

— Я?

— Да.

— Это точно?

— Да.

— Вы все раскрутили?

— Да. Все решил последний звонок от Сола, около часа назад. Я позвонил и все сообщил мистеру Джессапу. Один человек — а может, и несколько — прибудет завтра в девять утра в Хелину, а оттуда направится в Тимбербург. Рассказывая тебе это, я выхожу за рамки дозволенного. Обстоятельства не позволяют мне поведать тебе в данный момент больше.

— Если это одно из ваших обычных представлений, — сказал я, — с хитроумным и длинным бикфордовым шнуром, и если вы исключаете меня из игры из боязни, что я откажусь в нее играть, а мина взорвется прямо вам в лицо, вы лишитесь уже не клиента и не гонорара, а меня. После всего того, что вы пережили за последние пять дней, это было бы позорно.

Он покачал головой.

— Тут дело в другом, Арчи. Придется уж тебе дожидаться этого события. Но сейчас мне надо посоветоваться с тобой об одной детали. Я заметил, что в старой машине был ключ, который надо было повернуть, чтобы она завелась. Как и во всех моих машинах, которые ты водишь, этот ключ не оставляли в машине на ночь. Его приносили в дом и клали на какую-то полку. Неужели то же самое проделывают с ключом машины, которая у мисс Роуэн сейчас?

Я заподозрил, что он сменил тему разговора, чтобы отвлечь меня, но ответил:

— Да.

— И без этого ключа машина не может завестись?

— Может, но нужно иметь некоторые инструменты и знать как. Я мог бы это сделать, вы — нет.

— Я не смог бы сделать это даже с ключами и даже не стал пытаться. Ключ от машины мисс Роуэн сейчас на полке?

— Наверное. Я сам положил его туда.

— Возьми его утром, до завтрака. Я мог бы сделать это сам, но будет неловко, если мисс Роуэн пожелает воспользоваться машиной. Это и есть та самая деталь. Уже поздно. Спокойной ночи, Арчи.

Не было никакого смысла понапрасну тратить время на комментарии или задавать вопросы, к тому же я страшно устал. Я встал, пожелал ему спокойной ночи и ушел. Добравшись до своей комнаты, я решил, что убийца либо Уэйд Уорти, либо Диана Кэдэни, а когда залез под одеяло и выключил свет, решил, что это все-таки Уэйд, поскольку я просто никак не мог представить себе, чтобы Диана могла проломить Саму Пикочу череп камнем.

XIII

На следующее утро я пришел к выводу, что это не может быть ни Уэйд, ни Диана.

Вывод исходил из определенных оснований. Вулфу не просто было заподозрить в убийстве кого-то из гостей. Если развязка, которую Вулф спланировал, заключалась в публичном изобличении убийцы, Вулф ни за что бы не появился на завтраке, даже если бы он был голоден. Но, когда я вошел на кухню с ключом от машины в кармане, Вулф сидел напротив Уэйда, дружески беседуя с ним, и пил апельсиновый сок. Мими у плиты жарила гренки, Лили накладывала на блюдо бекон, а Диана налиwała кофе. Пожелав всем доброго утра и усевшись за стол, я почему-то не испытал особого желания быть душой общества. Приятно было сознавать, что мне не придется завтракать с убийцей, но тогда зачем же я положил в карман ключ?

Ответ на этот вопрос пришел со второй порцией гренков. Разговор в основном шел о тюрьмах, что, вероятно, весьма интересовало Диану. Вулф рассказывал об одной тюрьме в Австрии, которой он однажды чудом избежал. Повернувшись к Лили, он произнес:

— Раз уж мы, мисс Роуэн, заговорили о бегстве, было бы не слишком любезно рассматривать мой отъезд отсюда как бегство, — ведь я приезжал к вам не ради удовольствия. Не стану притворяться, будто мне не хочется вернуться в привычное для меня окружение. Мы с мистером Гудвином, вероятно, завтра утром уедем. Ваше гостеприимство и ваша терпимость к моим капризам скрасили мое существование.

Лили глазела на него разинув рот. Потом перевела взгляд на меня, но моя физиономия ровным счетом ничего не выражала, и снова уставилась на Вулфа.

— Вы говорите... — Она повернулась ко мне. — Вы, Арчи, тоже уезжаете?

Вулф принял огонь на себя.

— Думаю, мои ожидания оправдаются, — сказал он. — Вчера я несколько раз говорил по телефону с одним челове-

ком в Сент-Луисе, неким Солом Пэнзером, которого я туда послал. Похоже, теперь нет никаких сомнений. У мистера Пэнзера имеются фотографии людей, находящихся сейчас в Монтане, одного из них опознали несколько человек в Сент-Луисе. Шесть лет назад умерла насильственной смертью молодая женщина. Ее задушили ремнем от мужских брюк. Ремень и другие улики указывали на некоего Карла Йегера как возможного преступника, но арестован он не был — его не смогли найти. Его нашли... только теперь. На одной из фотографий, которые представил Сол Пэнзер, опознали Карла Йегера, и сейчас полицейский из Сент-Луиса находится на пути в Монтану. Право... Который час, Арчи?

— Девять тридцать семь.

— Значит, полчаса назад он прибыл в Хелину и сейчас едет в Тимбербург. — Он устремил взгляд на Лили. — Так что мои ожидания скорее всего оправдаются. Я не сообщаю вам имени этого человека — имени, под которым вы его знаете, — поскольку не имею официального статуса. Могу, однако, сообщить вам, что методы Карла Йегера удивительно разнообразны. Он задушил женщину, застрелил человека, другому проломил камнем череп. Немногие убийцы могут разнообразить свое ремесло. Поэтому мистера Грива вскоре освободят, и, я думаю, мы с мистером Гудвином, прежде чем уехать, успеем его поприветствовать.

Лили, прищурившись, смотрела на Вулфа.

— Так, значит, вы... вы в самом деле...

— Нам в самом деле это удалось. Я сообщаю вам об этом, потому что хотел бы обменяться с вами любезностями. Я знаю, что в реке больше форели, и она крупнее, чем в ручье, зато в ручье она того размера, какой предпочитаю я. Если вы, мисс Роуэн, и вы, мисс Кэдэни, отправитесь с Мими на рыбалку, то успеете до пяти часов наловить достаточное количество рыбы для меня.

Лили по-прежнему смотрела на него прищурившись.

— Это любезность, которую я хочу оказать вам. А вы окажете любезность мне, если наловите форели. Моя любезность будет заключаться в том, что я подам вам настоящую форель по-пировулфовски. Правда, некоторых ингредиентов под рукой нет, но я что-нибудь придумаю. Ну, что скажете?

Лили бросила на меня взгляд, вопрошавший: «Это и есть та самая дурацкая шарада?»

Я ответил вслух:

— Разумеется, если бы с вами пошел я, мы бы наверняка наловили много рыбы, но я могу понадобиться здесь. Вас трое, и если каждая из вас поймает пять-шесть десятидюймовых рыб, будет вполне достаточно.

Второй раз в течение часа мне пришлось изменить свой вывод, поскольку теперь стало очевидно: ключ лежит у меня в кармане потому, что убийца — Уэйд Уорти. Но дальше что? Неужели Вулф отсылает женщин только для того, чтобы они

не видели, как один из гостей применяет насилие по отношению к другому? Если так, то почему же он не подождал, пока они уйдут, а уж потом бы и поднимал занавес? Эти и подобные вопросы вертелись у меня на языке, когда Вулф доедал пятый или шестой гренок. Уэйд решил, что он уже сыт, и принялся за кофе. Но когда он поднес ко рту чашку, его рука не дрожала. Лили, Диана и Мими согласились, что им лучше отправиться к ручью до десяти и на всякий случай прихватить с собой банку лососевой икры. Я сказал, что посуду уберем мы с Уэйдом, но меня не слышали. Женщины принялись убирать со стола, и мы решили уйти! Уэйд — в свою комнату, а Вулф — к выходу. Я вышел за ним на веранду. Очевидно, он направлялся к машине, чтобы удостовериться, что ключа в ней нет, но прошел мимо нее, остановился чуть ли не у самой аллеи и сказал:

— Теперь нас не услышат.

— Да. Я дождусь, когда женщины отойдут подальше, покажу ему свои документы и арестую его. Так?

— Нет. Пока за ним не приедет мистер Хейт с полицейским из Сент-Луиса, тебе делать нечего и мне тоже. Это произойдет примерно в час дня. Человек из Сент-Луиса придет в Тимбербург около полудня и, по утверждению мистера Джессапа, направится в контору шерифа. Такова обычная процедура. А мистер Хейт привезет его сюда.

Я уставился на него.

— А я оставляю на свободе Карла Йегера, известного под именем Уэйда Уорти?

— Совершенно верно. Оставляешь на свободе. Я полагаю, когда они придут, его здесь уже не окажется. Как и куда он отправится — я не знаю. Обнаружив, что ключа от машины мисс Роуэн нет, он, вероятно, переберется через ручей и пойдет на ранчо в надежде взять там одну из машин, но миссис Грив и мистер Фокс позаботятся о том, чтобы ему не удалось это сделать. Следовательно, ему придется идти пешком — или бежать — предположительно в сторону Лейм-Хорс. Перестань таращить на меня глаза. Если я подробно тебе все не объясню, ты, чего доброго, бросишься его догонять, так что лучше уж я тебе все расскажу.

И он мне все рассказал.

XIV

Они явились в десять минут второго.

Мы с Вулфом сидели в двух лучших креслах на террасе, обсуждая характер и карьеру Вудро Степаняна. Теперь, когда женщины ушли, а Уэйда здесь уже не было, мы остались совершенно одни и чувствовали себя как в старом особняке на 35-й Западной улице. Поскольку мы не видели, в какую сторону уходил Уэйд, то решили, что он все-таки перебрался через ручей, чтобы попытаться взять машину на ранчо. Мы

были очень заняты. Я вытащил одежду, в которой сидел в тюрьме, и развесил ее на кустах — у меня уже не было времени ее почистить. Потом тщательно потрудился в комнате Уэйда: не потому, что хотел получить о нем какие-то сведения, а просто собрал все материалы, связанные с книгой, которую он уже никогда не напишет. Уложив бумаги в две картонные коробки, я отнес их в комнату Лили. Затем внимательно осмотрел ее комнату, а также свою и гостиную, чтобы убедиться, не пропало ли чего. Я позвонил в «Мид-Континент Эйрлайнс» в Хелине и забронировал два места на утренний рейс до Денвера, а оттуда на ближайший рейс на Нью-Йорк. Вулф сделал четыре дела: уложил свои вещи, осмотрел в поисках ингредиентов для приготовления форели по собственному рецепту все до единой полки шкафа и кладовку — только в холодильник не заглянул, — прочитал главу из книги об индейцах и приготовил в кастрюльке «буланжер» — запеканку из яиц — нам на ленч. Прежде чем присоединиться к нему на веранде, я закрыл окна и запер входные двери хижины.

Черный автомобиль «олдс», принадлежавший Хейту, подъехал по аллее и остановился около дома. Из него вылезли трое — Хейт, Эд Уэлч и высокий парень с квадратным подбородком в изрядно помятом синем костюме путешественника из Сент-Луиса. Нас с Вулфом удостоили лишь беглыми взглядами. Незнакомец остановился с краю веранды, а Хейт с Уэлчем подошли к двери и нажали на кнопку звонка. Не получив ответа, они постучали очень громко. Хейт отворил дверь с сеткой и покрутил ручку основной двери, но тщетно. Он что-то сказал Уэлчу, и тот направился к другой двери, ведущей в коридор, и подергал ее. Потом вернулся к Хейту — и оба скрылись за углом, где находилась комната Лили. Незнакомец повернулся, приблизился к нам и сказал:

— Я — сержант Шварц из полиции Сент-Луиса. Полагаю, вы — мистер Ниро Вулф?

Вулф кивнул.

— Да. А это мистер Гудвин. Вы можете сесть.

— Большое спасибо. Приятно познакомиться, мистер Гудвин. — Он не захотел сесть, а остался стоять, озираясь по сторонам. Минуты через две появились двое других. Хейт подошел ко мне и стал напротив:

— Где мисс Роуэн?

Я пожал плечами.

— Я выпущен под залог. Я «онемел».

— Чертов молокосос, где Уэйд Уорти?!

Я прикоснулся к своим губам кончиками пальцев.

— А я, мистер Хейт, обладаю даром речи, — сказал Вулф. — Но предпочитаю, чтобы глаза собеседника находились на одном уровне с моими, поэтому, если вы хотите поговорить со мной, вам придется сесть.

— Где Уэйд Уорти?

— Садитесь или уходите. Все вы. Карла Йегера, известного под именем Уэйда Уорти, в доме нет.

— Где он?

— Садитесь или уходите, — повторил Вулф.

Сержант Шварц направился к стулу напротив Вулфа, сел и вежливо спросил:

— Где Карл Йегер, мистер Вулф?

— Не знаю. Мне следует упомянуть, что мы ожидали вас, мистер Шварц. Полагаю, вы встречались с мистером Солом Пэнзером, которого я послал в Сент-Луис. Вчера я говорил с ним по телефону, и он сказал, что вы прибудете.

Шварц кивнул.

— Значит, вы не знаете, где Карл Йегер, мистер Вулф?

— Нет.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Около четырех... — Вулф замолчал. Хейт и Уэлч уселись, и он продолжил: — Около четырех часов назад. Но это...

— Он в хижине? — перебил Вулфа Хейт.

— Нет. Я же сказал...

— Почему двери закрыты, а вы сидите здесь?

— Двери закрыты, чтобы вы не смогли войти в дом. Внутри никого нет. Ключи в кармане у мистера Гудвида. Мы предпочли, чтобы вы не вламывались в дом мисс Роуэн в ее отсутствие. У меня для вас важная информация об Уэйте Уорти, мистер Хейт, но я сообщу ее только в том случае, если меня не будут перебивать. В противном случае вы ее вообще не получите.

— Мне нужна информация, где он!

— К этому мы еще вернемся. Но начну с самого начала. Девятнадцать дней назад, утром в четверг двадцать пятого июля, Филип Броделл отправился...

— К черту Филипа Броделла! Мне нужен...

— Заткнитесь!

Чтобы оценить этот момент, нужно было непременно слышать Вулфа. Он вовсе не кричал, но Хейт все-таки заткнулся.

— Выслушайте, что я вам скажу, или вы вообще ничего не узнаете, — повторил Вулф. — В тот четверг Филип Броделл, как он сам сказал Сэму Пикоку, отправился посмотреть на Берри-крик. Дойдя до ручья, он пошел вниз по течению в сторону хижины, либо же Уэйд Уорти вышел из хижины и направился вверх по течению. Как это было — неважно, важно то, что Броделл увидел Уорти и узнал в нем Карла Йегера, и Уорти это понял. Возможно, они даже обменялись несколькими словами, но и это неважно. Броделл вернулся с прогулки, перекусил и подремал. Вопрос, почему он сразу же после того, как увидел Карла Йегера, не позвонил кому-нибудь в Сент-Луисе, — один из многих вопросов, который так и останется без ответа, поскольку и Броделл, и Пикок мертвы. В три часа Броделл отправился на Блю-Граус-Ридж

собирать чернику и, повстречав Сэма Пикок, рассказал ему, что видел утром одного убийцу. Что именно он сказал...

— Вы не сможете этого доказать, — заявил Хейт. — Пикок мертв. Я не верю ни одному вашему слову, и никто вам не поверит.

Вулф наклонил голову и посмотрел на него.

— Мистер Хейт, вы из тех людей, в существование которых можно верить, лишь столкнувшись с ними нос к носу. Если бы у вас была смекалка, вы бы поняли, что я готов открыть все свои карты, и воздержались бы до поры до времени от комментариев. Что именно Броделл сказал Пикоку после полудня в тот четверг, можно только предполагать, как и многое другое — например, откуда Уорти узнал, что Броделл отправился в тот день на Блю-Граус-Ридж, и пошел за ним следом, и почему Сэм Пикок его не увидел. Однако все необходимые факты установлены. Броделл рассказал Пикоку достаточно для того, чтобы последний, найдя труп Броделла, заподозрил, что стрелял в него Уэйд Уорти. За подтверждением я отсылаю вас к мистеру Джессапу, окружному прокурору. Информация об этом получена от одной молодой особы, которая в целях обеспечения ее безопасности содержится под стражей. Я...

— Где содержится? Как ее фамилия?

— О ней я вам ничего не скажу — спросите у мистера Джессапа. Я продолжу. Не установлено, каким образом Сэм Пикок собирался использовать эту информацию. Самое очевидное предположение — шантаж, хотя молодая женщина это отрицает. Есть и другие версии. Если это было всего лишь подозрение, он, возможно, хотел его проверить и сделал какую-то глупость. А может, просто испытывал сильную неприязнь к мистеру Гриву и не захотел ему помочь. Кстати, о неприязни. Если бы вы спросили меня, испытываю ли я неприязнь к вам, я бы ответил «да». Любое мало-мальски компетентное расследование по делу о смерти Филипа Броделла должно было основываться на непрерывных допросах Сэма Пикок, следовательно, мистера Гудвина давно бы уже здесь не было, а я бы вообще сюда не приезжал.

Вулф помолчал.

— Однако вы совершили промах. Что касается Пикок, он своей цели не достиг. Он договорился — или согласился — встретиться с Уорти в субботу вечером и в результате — погиб. Скорее всего именно Уорти предложил, чтобы они встретились у машины или в самой машине. Он припарковал ее в темном тихом месте.

Шварц не дал договорить Вулфу:

— Вы утверждаете, что он убил двоих.

Вулф кивнул.

— В таком случае Монтана вряд ли выдаст его Миссури.

— Выдаст. При условии, что сейчас он в Монтане и будет здесь арестован, — сказал Вулф.

— Вы говорите, что его здесь нет. Но ведь вы видели его четыре часа назад?

— Да. Я с ним завтракал и одновременно разрешал проблему личного характера. Я знал, что по приезде вы направитесь к шерифу и он привезет вас сюда. Шесть дней я делил гостеприимный кров мисс Роуэн с мистером Уорти, а мистер Гудвин пробыл здесь с ним гораздо дольше. Не могло быть и речи о том, чтобы доставлять неприятность этой женщине, арестовывая одного из ее гостей прямо у нее в доме и защелкивая наручники. Ответственность за его разоблачение несли мы с мистером Гудвином. Нужно было прибегнуть к какой-нибудь уловке, что я и сделал. За завтраком я упомянул, что по фотографии одного человека, находящегося сейчас в Монтане — имени его я не назвал, — опознали Карла Йегера, который разыскивается в Сент-Луисе по подозрению в убийстве, и что за ним сегодня должен прилететь полицейский. Затем я предложил мисс Роуэн вместе с другой гостьей и служанкой отправиться на рыбалку, что они и сделали. Мне не хотелось, чтобы она была здесь, когда приедете вы.

Все трое уставились на него. После паузы Хейт спросил:

— Так где же все-таки Уорти?

— Не знаю. Мы с мистером Гудвином вышли на какое-то время из дома поговорить, а когда вернулись, его уже не было. Очевидно, он вышел через заднюю дверь, перебрался через ручей и...

— Проклятый толс... Я засажу вас! И Гудвина тоже!

— Послушайте, мистер Хейт, у меня есть предложение получше. Мистер Гудвин отопрет дверь, а вы зайдете в дом и позвоните мистеру Джессапу. Он позволил мне поступить так в знак признания нашего с мистером Гудвином вклада в раскрытие этих преступлений. По его просьбе в девять утра в определенных местах были расставлены полицейские — не знаю, сколько именно, но наверняка достаточно, чтобы удостовериться, что Карл Йегер, он же Уэйд Уорти, не ушел далеко. Он, несомненно, уже под стражей в полицейском бараке. А может, он у мистера Джессапа в кабинете. Так что позвоните и узнайте!

XV

Отчет должен завершаться тушем, но этот так закончиться не может. Жалоба сия не имеет никакого отношения к убийству или к форели: полицейские доставили Йегера Уорти в кабинет Джессапа в целости и сохранности, а рыбачки вернулись с хорошим уловом. Для пятерых, считая и Мими — пусть даже один из нас был Ниро Вулф, — этого улова оказалось вполне достаточно.

Остается лишь доложить о неприятной обязанности, которую я взял на себя: сообщить Лили, что ей придется искать

другого писателя и начинать работу над книгой с самого начала. Ужасное известие.

Когда форестью вволю повосхищались и отдали ее Вулфу, а дамы разошлись переодеться, я прошел к себе в комнату, оттуда в небольшой коридорчик и постучал в дверь комнаты Лили. Меня пригласили войти, и я вошел. Лили сидела в кресле у окна и расчесывала волосы.

— Мне многое нужно тебе рассказать, — начал я, — и хорошее и дурное...

Вздор. С какой это стати я буду вам докучать? Давайте закончим тушем. Харви Грива выпустили на свободу, и он успел проводить нас с Вулфом утром до Хелины.

Перевел с английского Владимир ПОСТНИКОВ

РАССКАЗ

Во всех обитаемых уголках Солнечной системы, от Вены до спутников Юпитера, непременно найдутся те, кто при случае расскажет вам о необыкновенной хитрости титанцев, об их расчетливости и скупости.

Это, конечно же, миф. Хотя есть титанцы, которые действительно обладают всеми этими качествами. Правда, в любом другом месте таких хитрецов, вероятно, не меньше. Впрочем, один пример привести можно.

Однажды вечером, к концу деловой поездки на Марс, мистер Лефковиц мчался по кремниевым улицам Кратерсити, пока наконец не достиг аллеи Мескенс Д-2. Здесь, в третьем блоке слева, находилось заведение, в котором работала Фэнзи.

Мистер Лефковиц постучал в дверь. Открылось смотровое окошко, и пара лиловых глаз окинула его быстрым взглядом. Затем створки двери плавно раздвинулись, и мистер Лефковиц переступил порог.

— Что вы хотите? — спросила девушка в короткой желтой тунике и сандалиях на босу ногу. Ее фиолетовая кожа да и весь ее вид свидетельствовали о том, что она родом с Калисто.

— Мне нужна Фэнзи, — сказал мистер Лефковиц.

— Вы договорились о встрече?

— Нет.

— Позвольте мне узнать цель вашего визита.

— А разве сюда приходят с какими-то иными целями?

— В таком случае я вас могу обслужить.

— Нет, мне нужна именно Фэнзи.

— Извините, но это невозможно.

— Почему?

— Да потому, что она теперь не просто сотрудница, а директор, и больше не обслуживает посетителей.

— Она может сказать мне об этом сама. Передайте ей, что пришел мистер Лефковиц.

Поистине, настойчивость — самый весомый аргумент в общении с женщинами. Во всяком случае, эта фиолетовая девица не стала спорить с мистером Лефковицем, решив, видимо, что ее начальница сама во всем разберется.

Когда мистер Лефковиц вошел в ее кабинет, директор работала за столом. Для любителей полных женщин Фэнзи была что надо. Даже самому строгому ценителю пришлось бы признать, что матушка-природа не поскупилась, наделив ее такими формами.

— Что вы хотите? — спросила она.

— Я хочу вас, Фэнзи.

— Вы, наверное, ненормальный?

— А что, вас просят об этом только ненормальные?

Она бросила бумаги на стол и с интересом посмотрела на него. Средних лет, лысеющий, с намечающимся брюшком, явно, не местный, но, по-видимому, близкий к ней по проис-

хождению — в общем, ничего привлекательного. Кроме того, эта его самоуверенность, примитивный юмор... Нет, тут и думать нечего. У нее уже был подобный любовник. Да и возвращаться на свою прежнюю должность ей не хотелось.

— Мистер Лефковиц, об этом не может быть и речи. Вами займется один из моих очаровательных помощников. Вы когда-нибудь спали в объятиях специальной меховой подстилки, изготовленной на планете Церера? Очень рекомендую. Она мягка, как плюшевый медвежонок.

— Нет, Фэнзи. Не хочу я никаких подстилок.

— Тогда русалку? Они тоже очень ласковые. Нужно только знать, какие приподнять чешуйки.

— А то я не знаю...

— А может, попробуете новую куклу? Недавно получили из Штатов. Очень редкая вещь. Помимо всего прочего, она способна по-настоящему вскружить голову.

— Нет.

— Ну тогда могу предложить гигантский эротический цветок с Венеры. Вы можете целиком погрузиться в него. Поверьте, вы испытаете высшую степень наслаждения.

— Зря стараетесь. Я уже все решил. Вам я могу заплатить любую сумму. Сколько вы хотите?

Этого олуха ничем не возьмешь, подумала Фэнзи. Проще всего назвать такую сумму, от которой горе-любовник вылетит отсюда как пробка. Она встала, потянувшись и, бросив взгляд на свою необъятную грудь, небрежно сказала:

— Пятьсот рублей, мистер Лефковиц.

Мистер Лефковиц тоже посмотрел на ее грудь, а затем достал небольшую пачку денег, отсчитал пять сотенных купюр и положил их перед ней на стол.

— Я торговаться не буду, — сказал он.

Фэнзи глубоко вздохнула, но выхода у нее не было — черт возьми, пятьсот рублей — это пятьсот рублей! Она собрала деньги и положила их в ящик стола, подумав при этом не переплюнула ли она рекорд, зарегистрированный в книге Гиннеса.

Спустя час она лично проводила его до двери. Несомненно, это был очень интересный вечер. Может быть, ей стоит изредка практиковаться? Особенно с такими вот лефковицами. Ну и повезло же ей...

Рано утром следующего дня в дверь заведения на аллее Мескенс Д-2 снова постучали. Это был мистер Лефковиц.

— Всю ночь я не мог заснуть, думая о вас, — сказал он Фэнзи, еще не совсем проснувшейся.

— Господи, мистер Лефковиц... в такую рань... Может быть, мы выпьем кофе?

— Прекрасно. Несите кофе.

Фэнзи взглянула на него подозрительно.

— Вы ведь знаете, цену я не уменьшу.

Без лишних слов мистер Лефковиц достал оставшиеся купюры и протянул ей. Она медленно пересчитала их. Потом они выпили кофе, и Фэнзи повела его наверх.

На этот раз, прощаясь, Фэнзи придержала его руку. Со-мнений не оставалось — таких клиентов упускать нельзя.

— Когда я могу увидеть вас снова? — спросила она.

— Не знаю, — ответил он. — Сегодня я возвращаюсь на Титан.

— На Титан? Какое совпадение! На Титане живет моя мать.

— Знаю, — сказал мистер Лефковиц. — Она и передала для вас эту тысячу рублей.

Перевела с английского Татьяна ВАСИЛЬЕВА

Под редакцией Александра ПОЛЕЩУКА и Евгения КУЗЬМИНА
Художник Борис МОКИН
Художественный редактор Валерий КУХАРУК

Учредители литературного приложения «Искатель»:
трудовой коллектив редакции журнала «Вокруг света»,
АО «Молодая гвардия»

Рукописи не рецензируются

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская, 5а
Тел. 285-88-84, 285-80-10

Сдано в набор 11.12.92. Подписано в печать 11.01.93.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 8,9.

Тираж 200 000 экз. Зак 2151.

Типография АО «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Суцеская, 21

Рекс СТАУТ
Шервурд СПРИНГЕР

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

